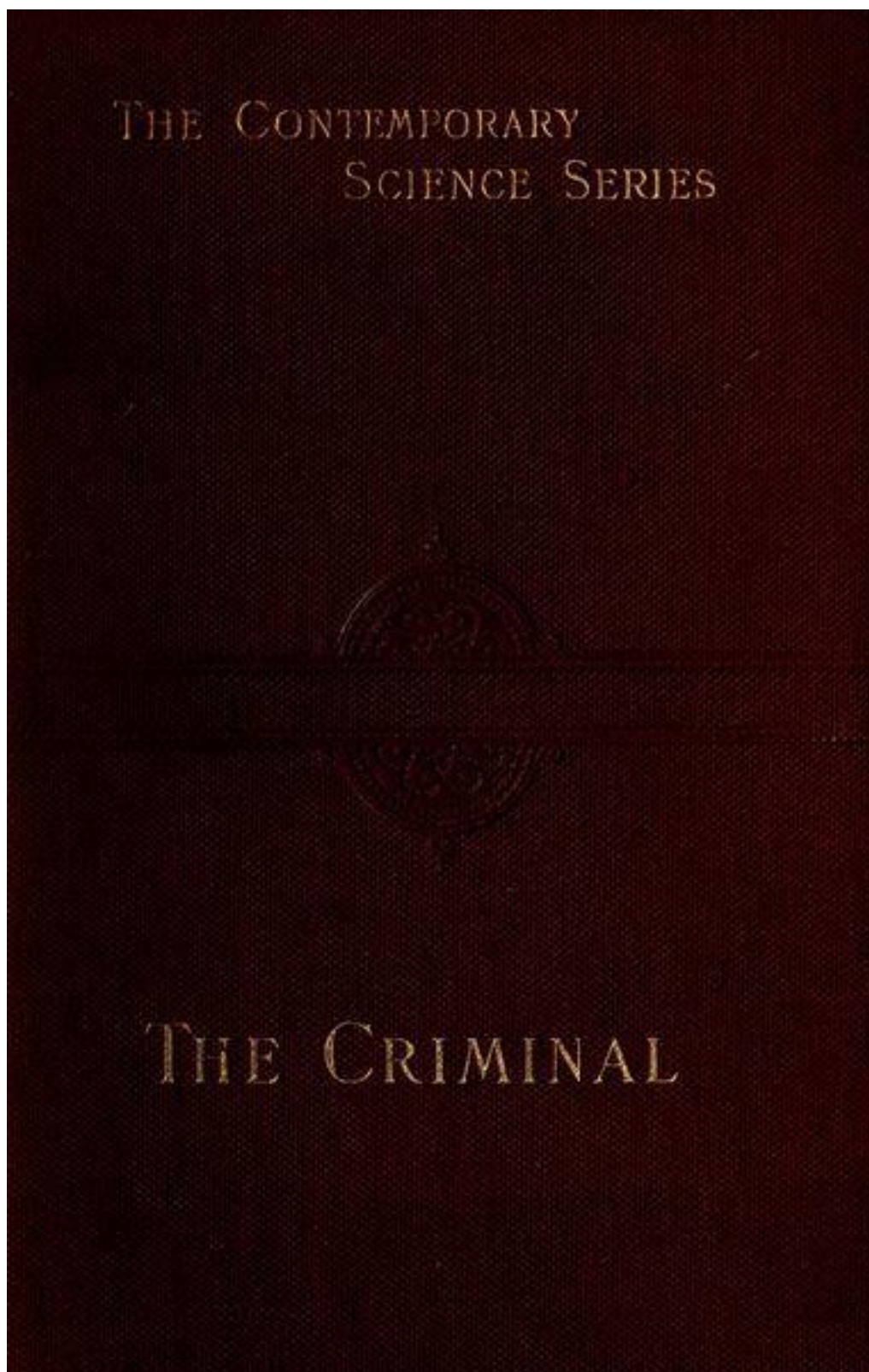

Преступник

Хэвелок Эллис

The Project Gutenberg eBook of The Criminal

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить ее или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой книге или онлайн на www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: The Criminal

Автор: Хэвелок Эллис

Дата выхода: 24 декабря 2013 [eBook #44500]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено командой онлайн-распределенной корректуры по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений щедро предоставленных The Internet Archive.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE CRIMINAL ***

СЕРИЯ "СОВРЕМЕННАЯ НАУКА".

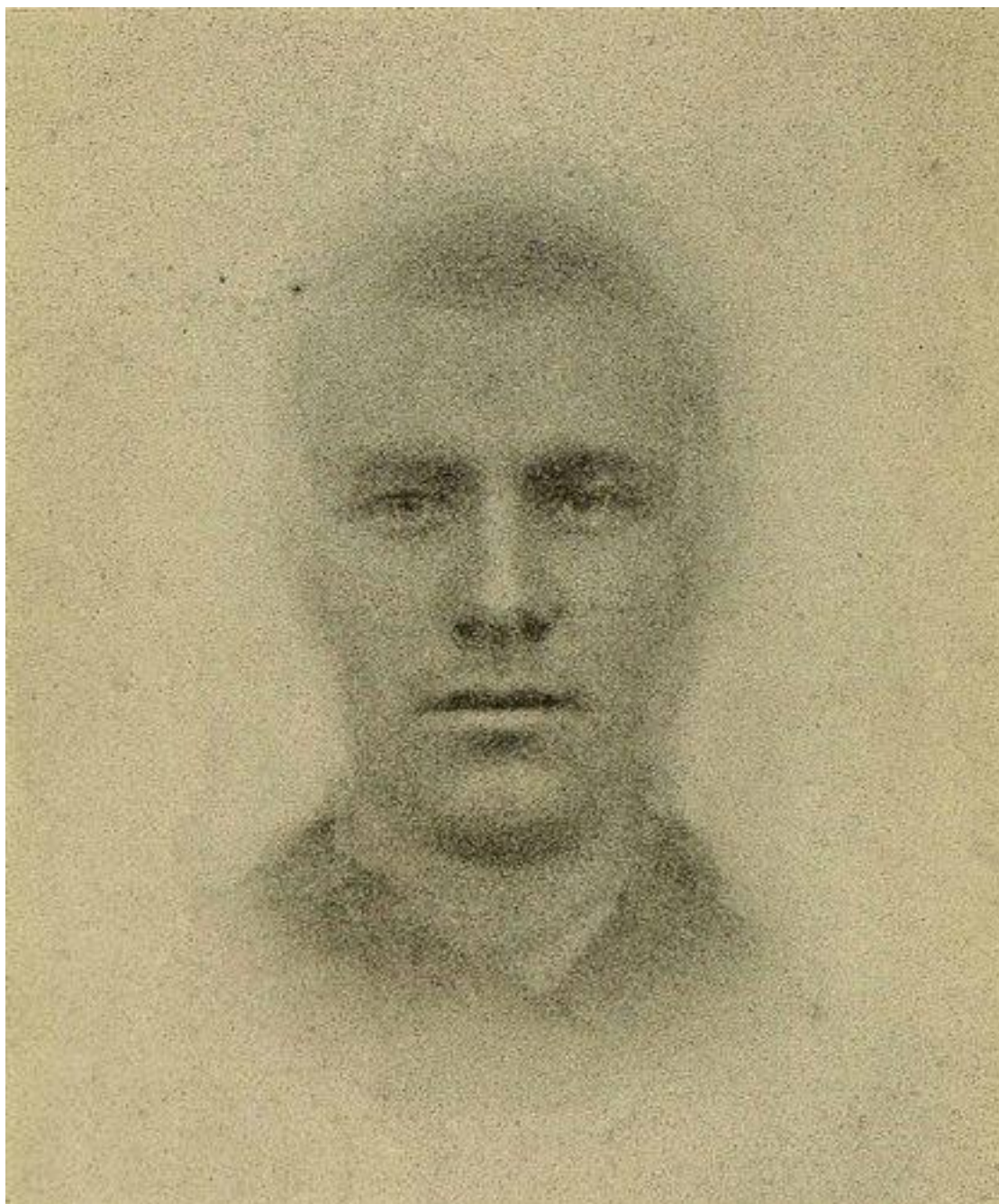
Под редакцией Хейвлока Эллиса.

ПРЕСТУПНИК.

Того же автора.

НОВЫЙ ДУХ.

Лондон: G. Bell & Sons.

Фронтиспис.

Преступник.

ХЭВЛОК ЭЛЛИС.

ИЛЛЮСТРИРОВАНО.

SCRIBNER & WELFORD,
743 И 745 BROADWAY,
NEW YORK.
1890.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА I.	СТРАНИЦА
Введение	1
ГЛАВА II.	
Изучение преступника	26
ГЛАВА III.	
Криминальная антропология (физическая)	
§ 1. Характеристики черепа и головного мозга	49
§ 2. Лицо	63
§ 3. Аномалии волос	72
§ 4. Криминальная физиогномика	78
§ 5. Тело и висцера	88
§ 6. Наследственность	90
§ 7. Татуировка	102
§ 8. Двигательная активность	108
§ 9. Физическая чувствительность	112
ГЛАВА IV.	
Криминальная антропология (психическая)	
§ 1. Нравственная невосприимчивость	124
§ 2. Интеллект	133
§ 3. Тщеславие	139
§ 4. Эмоциональная неустойчивость	142
§ 5. Чувства	152
§ 6. Религия	156
§ 7. Воровской сленг	161
§ 8. Тюремные надписи	169
§ 9. Криминальная литература и искусство	176

§ 10.	Криминальная философия	193
ГЛАВА V.		
	Результаты криминальной антропологии	202
ГЛАВА VI.		
	Лечение преступников	233
ГЛАВА VII.		
	Выводы	283
Приложение -		
	А. Пояснения к табличкам	303
	В. Конгресс криминальной антропологии в Париже	307
	С. Международная ассоциация уголовного права	316
	Д. Некоторые случаи преступности	318
	Е. Эльмира	329
	Индекс	335

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Эта небольшая книга - попытка представить английскому читателю критическое обобщение результатов науки, которую сейчас принято называть криминальной антропологией. Другими словами, в ней кратко рассматриваются проблемы, связанные с преступником, каким он является сам по себе и каким он становится в контакте с обществом; в ней также делается попытка указать на некоторые практические социальные последствия таких исследований.

В течение последних пятнадцати лет эти исследования проводились с большой активностью. Поэтому представляется, что настало время для краткого и всестороннего обзора их современного состояния. От такого обзора молодой и быстро развивающейся науки нельзя ожидать окончательных выводов; однако, собрав воедино самые разные материалы из разных стран, он позволяет понять, на каком этапе мы находимся, обозначить уже достигнутый прогресс и характер предстоящего пути. В последние годы мы, англичане, сильно отстали в этих вопросах; у нас не появилось ни одной книги, ни одной статьи в журнале, посвященной этому вопросу. Казалось бы, стоит пробудить интерес к проблемам, которые лично волнуют каждого гражданина, проблемам, которые действительно волнуют каждого, кто заботится о разумной организации социальной жизни.

Я охотно отдал бы эту задачу в более умелые руки. Но я не нашел в Англии никого, кто был бы знаком с современными аспектами этих вопросов, и поэтому после долгих колебаний был вынужден взяться за дело, которое давно привлекало меня с разных сторон - медицинской, антропологической и социальной.

Я считаю, что в этой книге нет ничего оригинального. Она просто отражает очень большое количество разумных мнений во многих странах. Я должен с благодарностью признать помощь, всегда бескорыстно оказываемую, которую я получал с самых разных сторон. Я хотел бы особо отметить тех медицинских работников тюрем Великобритании, которые ответили на мои вопросы, опубликованные в начале 1889 года, доктора Гамильтона Вэя из исправительного учреждения в Эльмире, доктора Ванса Кларка, бывшего начальника тюрьмы в Уокинге, профессора Ломброзо из Турина, доктора Антонио Марро, преподобного Дж. Однако было бы невозможно перечислить всех тех, кому я обязан. В такой задаче, как эта, сам писатель играет самую незначительную роль; главные доли принадлежат бесчисленной компании работников, известных и неизвестных.

Н. Е.

ПРЕСТУПНИК.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ.

Преступники, действительные или номинальные, бывают разных видов. Прежде всего, необходимо перечислить основные разновидности.

Существует *политический преступник*. Под этим термином подразумевается жертва попытки более или менее деспотичного правительства сохранить свою стабильность. Слово "преступник" в этом выражении обычно является эвфемизмом для выражения подавления небольшого меньшинства большинством. Цели "политического преступника" могут быть антисоциальными, и в этом случае он просто обычный преступник, но он не обязательно виновен в каком-либо антисоциальном преступлении; он просто пытается опрокинуть определенный политический порядок, который сам по себе может быть антисоциальным. Следовательно, "политический преступник" нашего времени или места может быть героем, мучеником, святым другой страны или эпохи. Политический преступник - это, по словам Ломброзо, "истинный провозвестник прогрессивного движения человечества", или, как его называет Бенедикт, *homo nobilis*, высшим типом которого является Христос. С любой научной точки зрения использование слова "преступление", для выражения различий в национальных чувствах или политических взглядах, является злоупотреблением языком. Такая концепция может быть необходима для обеспечения верховенства правительства, так же как концепция ереси необходима для обеспечения верховенства церкви; тюрьма для политических инакомыслящих соответствует колу для религиозных инакомыслящих.

Преступность, которая регулируется отчасти хронологией, отчасти долготой, нелегко поддается научному обсуждению.

Мы снова имеем дело с *преступником по страсти*. Обычно это человек здорового происхождения и честной жизни, обладающий острой, даже преувеличенной чувствительностью, который, находясь в состоянии стресса от какой-то большой, незаслуженной обиды, восстановил справедливость. Доведенный до внезапного безумия грубым оскорблением жены или несправедливым отношением к дочери, он покушается на жизнь обидчика. Преступник по страсти никогда не становится рецидивистом; в нем сильны социальные, а не антисоциальные инстинкты; его преступление - одиночное событие в его жизни. Поэтому он не может представлять серьезной опасности для общества; в некоторых отношениях он даже служит для пробуждения общественного сознания и сдерживания антиобщественных инстинктов. В то же время обществу не выгодно, чтобы частное лицо в минуту страсти вершило правосудие; и преступник по страсти не может жаловаться на то, что он в свою очередь становится жертвой социальной реакции.

У нас есть также *безумный преступник*, то есть человек, который, находясь уже в состоянии явного психического отчуждения, совершает какой-либо вопиюще антиобщественный поступок. Очень большое количество преступлений совершается людьми, которые руководствуются бредовыми идеями, или которые до совершения преступления находились в состоянии психического отчуждения. Ежегодно в этой стране почти сто человек отправляются в тюрьму, чтобы при поступлении быть признанными невменяемыми. Повешение людей, которых впоследствии признают невменяемыми, всегда имело и имеет место. В Германии доктор Рихтер показал, что из 144 сумасшедших, которые, как впоследствии выяснилось, на момент совершения преступления были в высшей степени невменяемы, только 38 были признаны невменяемыми перед судьей - то есть 106 сумасшедших были, в силу своего безумия, приговорены к суровому наказанию. Из 100 невменяемых, попавших в суд, только 26-28 были признаны невменяемыми.^[1] Невменяемый преступник явно относится к отдельной категории. Он является преступником в том же смысле, что и младенец или животное, совершившее какое-то пагубное деяние. На сумасшедшего могут влиять те же мотивы, что и на здравомыслящего человека, но в то же время им движут и другие мотивы, свойственные ему самому и недоступные нам. Применять все торжественные формальности закона к сумасшедшему и приговаривать его к суровому наказанию - неразумно в цивилизованной стране.

Политического преступника обычно можно распознать без труда, если отбросить политические предрассудки; преступника по страсти можно распознать сразу, если знать его историю. Обычно не возникает особых трудностей с установлением невменяемости преступника, который является невменяемым в строгом и, возможно, единственном законном смысле этого слова - т.е. интеллектуально невменяемым. Но на этом этапе мы уже не можем действовать с такой же ясностью и определенностью. Мы приближаемся к преступнику в собственном смысле слова, к преступнику, с которым мы будем иметь дело в первую очередь.

Неопределенность на этой границе можно проиллюстрировать следующим случаем. У. Т. - мальчик пятнадцати лет, очень маленький уродливый парень, с маленькой головой, низким лбом, большим затылком, высоким узким небом, тяжелым угрюмым лицом и небольшим внешним прищуром левого глаза. Его отец и мать - здоровые и трезвые люди; один из дядей отца умер в психушке, а одна из теток покончила с собой. В возрасте восемнадцати месяцев у мальчика были судороги, он очень отставал в ходьбе и речи; в возрасте двенадцати лет он не мог самостоятельно одеться. В школе он был очень скучным, склонным ударить товарища,

если его разбудить, одиноким, любил читать, но не запоминал прочитанного. Его школьный учитель, опытный педагог, никогда не знал такого необычного мальчика. Но он не был плохим или неправдивым мальчиком, и у него не было пороков. Когда он окончил школу, отец попытался научить его собственному ремеслу - сапожному делу, но, хотя у него не было особого отвращения к этой работе, он не смог освоить даже самую элементарную часть ремесла. Другие мальчики смеялись над ним, а он жаловался, что его младшая сестра, десяти лет от роду, делает то же самое. Однажды, когда он остался тихо сидеть с сестрой наедине, он взял отцовский молоток, лежавший у его ног, и ударил ее, проломив ей череп. Затем он запер заднюю дверь, как всегда делал, уходя из дома, и вышел, закрыв за собой переднюю дверь. Он вернулся через час, мокрый от начавшегося дождя. Его отвезли в тюрьму, и с самого начала он не проявлял никаких эмоций; он хорошо ел и спал, и был хорошим, послушным мальчиком. Судья, который его судил (лорд Колеридж), был, очевидно, за то, чтобы вынести вердикт о непредумышленном убийстве. Присяжные согласились с этим предложением, хотя авторитет доктора Сэвиджа говорил в пользу невменяемости, и мальчика приговорили к десяти годам каторги.[2] Такой случай хорошо показывает неточность наших жестких и быстрых линий разграничения. Здесь был человек с явно ненормальным или дегенеративным характером, подверженный внезапным сильным импульсам; его нигде не признали бы невменяемым, и, возможно, нежелательно, чтобы его так признали. С другой стороны, его нельзя правильно назвать инстинктивным преступником; он находится на границе между двумя группами, и одно прикосновение может направить его в любую сторону.

Давайте рассмотрим еще одну иллюстрацию. Мисс Б., девятнадцати лет от роду, дочь капитана армии, описывается как высокая крепкая девушка с живым темпераментом. В возрасте нескольких месяцев она перенесла приступ менингита. В детстве она всегда была своенравной и беспокойной. В восемнадцать лет у нее появились новые инстинкты озорства. Иногда она снимала с себя одежду, запихивала ее в дымоход и поджигала. Когда в дом вбегали слуги, она сидела на очаге и хлопала в ладоши: "Какое прекрасное пламя!". Она часто уничтожала мебель, одежду и книги; ей нравилось аккуратно разрезать веревочки, скрепляющие книгу, чтобы она рассыпалась в руках ничего не подозревающего человека, взявшего ее в руки. Она облила водой ребенка, а часто и свою собственную комнату, без всякой причины. Однажды она попыталась зарезать сиделку, на попечении которой находилась. Она была отсталой для своего возраста, хотя ее образованием не пренебрегали; она не умела вести счет и любила читать детские книжки. У нее были плохие сексуальные привычки, и она была склонна влюбляться в каждого встречного мужчину. Она была абсолютно последовательна и рациональна, а в совершении приписываемых ей злодеяний обвиняла других. После того как ее на несколько месяцев отправили в дом священника, она в конце концов выздоровела.[3] Здесь, строго говоря, не было безумия; были порочные и преступные инстинкты, которые, без сомнения, развились бы, если бы девушку отправили в тюрьму, а не в уютный дом, и была (как это часто бывает у инстинктивных преступников) история повреждений мозга. Как же нам ее классифицировать?

Приведем еще один пример - на этот раз из Франции, - в котором патологический элемент явно не прослеживается. Джентльмен по имени Х., сообщает нам французская газета, проводил лето в своем загородном доме с дочерью двадцати двух лет и сыном двадцати лет. С момента его приезда повсюду на его участке начались опустошения. Кустарники были подстрижены, садовые растения и крупные ветви берез удалены, двери и стены дома испачканы. Аналогичному обращению подверглись участки и жилища других людей, живущих по соседству. Окна были разбиты, эмблемы религии оскорблены, стены и двери церкви, дом священника и даже алтарь испачканы. На стенах был обнаружен рисунок

священника, совершающего таинство над коровой, , а М. Х., священник и другие получили непристойные письма, содержащие угрозы смерти и поджога. Ужас охватил приход, и никто не осмеливался выходить на улицу по ночам. Наконец сын и дочь М. Х. были обнаружены на месте преступления. Алексис, наименее виновный, привлеченный сестрой, признался в своей причастности к содеянному; он был сообщником и наперсником своей сестры . Она отрицала все, даже то, что помогала брату. У этих поступков не было никаких мотивов, кроме удовольствия навести ужас на всю страну; они не собирались выполнять свои угрозы. Девушка дошла в своей дерзости и безрассудстве до того, что послала оскорбительное письмо мировому судье, расследовавшему ее проступок, и незаметно для него разбила окна в его присутствии[4] Это пример нравственной испорченности, проявившейся в злобных и необщественных поступках. Возможно, если бы мы располагали научной историей этого случая, мы могли бы найти в нем патологический элемент, но в нынешнем виде это всего лишь экстравагантный пример антиобщественных инстинктов на границе с преступлением, которые в незначительной степени далеко не редкость.

Теперь я расскажу в деталях историю более решительного и значительного примера такого же морального бесчувствия. Она произошла с ребенком, и я беру ее из немецких записей. Мари Шнайдер, школьница, двенадцати лет от роду, предстала перед Берлинским уголовным судом в 1886 году. Она была хорошо развита для своего возраста, с обычным выражением лица, не красавица, но и не уродина. Голова у нее была круглая, лоб слегка покатый, нос довольно маленький, глаза карие и живые, гладкие, довольно светлые волосы зачесаны назад. С интеллектуальной ясностью и точностью, весьма примечательной для ее возраста, она ответила на все вопросы председателя суда, не колеблясь и не уклоняясь. Не было ни малейших признаков внутренних эмоций или глубокого волнения. Она говорила тем же спокойным ровным тоном, каким школьница разговаривает с учителем или повторяет урок. И когда заданные ей вопросы стали настолько серьезными, что сам судья невольно изменил голос и тон, девочка по-прежнему оставалась самообладающей, ясной, по-детски спокойной. Она ни в коем случае не была дерзкой, но знала, что должна отвечать так, как говорил с ней учитель, и то, что она сказала, носило отпечаток совершенной правды и во всем соглашалось с доказательствами, уже представленными суду. Ее показания были в основном следующими: "Меня зовут Мари Шнайдер. Я родилась 1 мая 1874 года в Берлине. Мой отец умер давно, я не знаю когда; я никогда не знала его. Моя мать жива, она работает машинисткой. У меня также есть младший брат. Год назад я потерял сестру. Я не очень любил ее, потому что она была лучше меня, и моя мать обращалась с ней лучше. Мама несколько раз била меня за непослушание, и это правильно, что я должен забрать палку, которой она меня била, и побить ее. Я хожу в школу с шести лет. Два года я учился в третьем классе. Я оставался там от безделья. Меня учили чтению, письму, арифметике, географии и истории, а также религии. Я знаю десять заповедей. Я знаю шестую: "Не убий". У меня есть приятели в школе и по соседству, и я часто бываю с девушкой [считается, что она ведет аморальный образ жизни], которой двадцать лет и которая живет в том же доме. Она рассказала мне о своем детстве, о том, что была такой же непослушной, как и я, и что она ударила учителя, который собирался ее наказать. Как-то раз, играя во дворе, я подошел к одному ребенку сзади, зажал ему глаза и спросил, кто я такой. Я надавил большими пальцами глубоко на его глаза, так что он вскрикнул и глаза у него воспалились. Я знал, что причинил ему боль, и, несмотря на его плач, не отпускал, пока меня не заставили. Это не доставило мне особого удовольствия, но я не чувствовал сожаления. Когда я был маленьким ребенком, я втыкал вилки в глаза кроликам, а потом разрезал им живот. По крайней мере, так часто говорила моя мать; я этого не помню. Я знаю, что Конрад убил свою жену и детей и что ему отрубили голову. Я слышала, как тетя читала газеты. Я очень люблю сладости и несколько раз пыталась достать деньги, чтобы купить себе сладости. Я говорила людям, что

деньги предназначаются кому-то другому, у кого нет мелочи. Я знаю, что это был обман. Я также знаю, что такое воровство. Тот, кто убивает, - убийца, а я - убийца. Убийство карается смертью; убийцу казнят, ему отрубают голову. Мне не отрубят голову, потому что я еще слишком молода. 7 июля мать послала меня с поручением. Там я встретил маленькую Маргариту Дитрих, которой было три с половиной года и которую я знал с марта. Я сказал ей, что она должна пойти со мной, и взял ее за руку. Я хотел снять с нее серьги. Это были маленькие золотые колечки с цветным камнем. Я хотел забрать серьги не для себя, а чтобы продать их в ближайшем магазине подержанных вещей, чтобы выручить деньги на пирожные. Когда я вышел во двор, мне захотелось куда-нибудь пойти, и я позвал маму, чтобы она спустила меня с ключа. Она так и сделала, а также бросила мне немного денег, чтобы я мог выполнить поручение, которое мне предстояло выполнить. Я оставил маленькую Маргариту на лестнице, и там же нашел ее снова. Со двора я увидел, что окно второго этажа наполовину открыто. Я поднялся с ней по лестнице на второй этаж, чтобы снять серьги, а потом выбросить ее из окна. Я хотел убить ее, потому что боялся, что она меня предаст. Она плохо говорила, но могла указать на меня, и если бы это вышло наружу, мама бы меня побила. Я подошел с ней к окну, широко распахнул его и усадил ее на карниз. И тут я услышала, как кто-то спускается вниз. Я быстро опустила ребенка на землю и закрыла окно. Мужчина прошел мимо, не заметив нас. Тогда я открыла окно и положила ребенка на карниз, свесив ноги и отвернув от меня лицо. Я сделал это потому, что не хотел смотреть ей в лицо, и потому, что мне было легче ее подтолкнуть. Я вытащил кольца из ушей. Грете начала плакать, потому что я сделал ей больно. Когда я пригрозил выбросить ее из окна, она затихла. Я забрал серьги и положил их в карман. Затем я подтолкнул ребенка и услышал, как она ударилась о лампу, а затем о тротуар. Затем я быстро побежал вниз, чтобы выполнить поручение, которое мне дала мать. Я знал, что должен убить ребенка. Я не думала о том, что родители маленькой Греты будут сожалеть. Мне не было больно, мне не было жаль, мне не было жаль все время, пока я сидел в тюрьме, мне не жаль и сейчас. На следующий день к нам пришел полицейский и спросил, не я ли выбросил ребенка из окна. Я ответил, что нет, я ничего об этом не знал. Тогда я выбросил спрятанные в ушах кольца; я боялся, что они обыщут мои карманы и найдут. Потом пришел другой полицейский, и я сказал ему правду, потому что он сказал, что забьет мне уши, если я не скажу правду. Потом меня увезли, и я должен был рассказать людям, как все произошло. Меня отвезли в такси в морг. Я с аппетитом съел кусок хлеба, который мне дали. Я увидела тело маленькой Грете, раздетую, на кровати. Я не чувствовала боли и не сожалела. Меня посадили с четырьмя женщинами, и я рассказала им эту историю. Я смеялась, когда рассказывала, потому что они задавали мне такие любопытные вопросы. Я написала маме из тюрьмы и попросила прислать мне немного денег, чтобы купить сухарей, потому что у нас был сухой хлеб". Вот что рассказала судье маленькая Мари Шнайдер, без колебаний и дерзости, совершенно по-детски, как школьница на экзамене; казалось, она находила определенное удовлетворение в том, что могла так мило отвечать на длинные вопросы. Лишь однажды ее глаза блеснули, когда она рассказала, как в тюрьме ей дали поесть сухого хлеба. Медицинский работник тюрьмы, который внимательно наблюдал за ней, заявил, что не может найти в ней ничего плохого в интеллектуальном плане. Она была умна не по годам, но не понимала, что натворила, и была моральной идиоткой. Таково же было мнение и других медиков, вызванных для ее осмотра. Суд, приняв во внимание, что она вполне могла осознавать характер совершенного ею поступка, приговорил Мари Шнайдер к тюремному заключению сроком на восемь лет. Вопрос о наследственности не поднимался. Об отце ничего не известно, кроме того, что он умер[5].

Мари Шнайдер отличается от предыдущих случаев не только очевидной свободой от патологических элементов, но и рациональными мотивами и умом. Молодая француженка

своими жестокими и бессердечными розыгрышами не замышляла ничего серьезного. Мари Шнайдер была столь же основательна и неумолима в удовлетворении своих личных желаний, как и маркиза де Бринвилье. Но она была ребенком, и ее можно было бы назвать примером "морального безумия". Необходимо сделать еще один шаг, хотя и очень незначительный, чтобы достичь того, что каждый готов принять за инстинктивного преступника. В качестве примера я выберу англичанина Томаса Уэйнрайта, хорошо известного в свое время как эссеист, но гораздо более известного как фальшивомонетчик и убийца. Р. Гриффитс, L.L.D, Дед Уэйнрайта по материнской линии, если отбросить его историю как можно дальше в прошлое, был энергичным литератором и журналистом, чья дочь Энн, рожденная от молодой второй жены, когда он был уже далеко за пределами среднего возраста, "как предполагается, понимала труды мистера Локка так же хорошо, как, возможно, любой ныне живущий человек любого пола" (журнал *"Джентльмен"*), вышла замуж за Томаса Уэйнрайта и умерла в младенчестве в возрасте двадцати одного года, став последней представительницей второй семьи, оставшейся в живых даже в этом возрасте. Сам Томас Уэйнрайт, отец, умер очень скоро после этого. О нем ничего не известно, хотя есть основания полагать, что доктор Гриффитс относился к нему с неприязнью или подозрением.

Ребенок, похоже, родился в неполноценной и деградирующей семье. Он был умен, обладал некоторыми средствами и рос в литературном и художественном кругу; но он был тщеславен и непостоянен, "вечно отвлекался", как он сам говорит, "на новые и броские штучки". Еще юношей он на некоторое время отправился в армию. Затем, через некоторое время, бездельничая в городе, "мое благословенное Искусство коснулось своего отступника; под ее чистым и высоким влиянием шумные туманы были очищены", и он плакал слезами счастья и благодарности над стихами Вордсворта. "Но это безмятежное состояние было нарушено, - писал он за несколько лет до начала своей преступной карьеры, - как глиняный сосуд, острой болезнью, сменившейся расслаблением мышц и нервов, что повергло меня в уныние.

-low

Как сквозь бездны безрадостного сердца
тяжелейший отвес отчаяния".

Ипохондрия! Вечно дрожащая над ужасной бездной простого безумия! Но два прекрасных помощника - добрый и умелый врач и нежнейшая, ласковая и неумолимая (хотя молодая и хрупкая) сиделка - вывели меня из этих мертвых черных вод, почти обессиленного от столь мучительной борьбы. Упорные занятия были мне запрещены, а разнообразные развлечения считались необходимыми для моего полного оживления". Затем он начал писать свои эссе и критические статьи, посвященные в основном поздним итальянским и французским художникам, под именем Януса Уэзеркока. Он был человеком, склонным к сентиментальности и сверхпревратностям; он ненавидел всякую вульгарность и "подлые инстинкты". Его вкусы были чувственными во всех отношениях. Несмотря на его средства, их не хватало, чтобы удовлетворить его желания к роскошной еде и напиткам, к тонким духам, к крупным драгоценностям. Он не мог жить без роскоши, так же как маленькая Мари Шнайдер не могла жить без сладостей. Примерно в тот день, когда прекратилась его главная литературная деятельность, и когда ему было около тридцати лет, он подделал доверенность с именами своих доверенных лиц, присвоив себе основную сумму в 5000 фунтов стерлингов, с которой он получал проценты. В то время это было смертным преступлением; оно оставалось незамеченным в течение двенадцати лет. В это время его описывают как "умного, живого, ловкого, бессердечного, сладострастного кокса". Он был высоким, слегка сутулым, с темными волосами и цветом лица, глубоко посаженными глазами, скрытным, но

увлекательным, с большой и массивной головой. Он женился на девушке, которая была бедной, но яркой личностью, у нее была овдовевшая мать и две сводные сестры. Молодая пара жила небогато, и дядя, мистер Г. Э. Гриффитс, который был достаточно обеспечен, предложил им поселиться в его собственном доме. Это долгожданное предложение было принято. Через год после непродолжительной болезни мистер Г. Э. Гриффитс скоропостижно скончался, оставив свой особняк и имущество племяннику и племяннице. Однако и эти деньги ушли довольно быстро, и теперь уже не было никаких ожиданий от родственников. Мачеха и ее дочери, Аберкромби, были бедны, а их планы заработать на жизнь не увенчались успехом. Аберкромби были вынуждены переехать жить к Уэйнрайтам в большой усадьбе, которую они унаследовали, а через несколько месяцев после этого миссис Аберкромби умерла, как и старый мистер Гриффитс, очень внезапно, в приступе конвульсий. Однако за этой смертью не последовало никаких благ; дела продолжали ухудшаться, и вскоре в доме появились судебные приставы, а на мебель был выставлен счет на продажу. Вейнврайты и Аберкромби перебрались в симпатичные домики на Кондуит-стрит, недалеко от Риджент-стрит. Они часто ходили на спектакли, и однажды вечером, вскоре после их приезда, Хелен Аберкромби, которая носила тонкие туфли, которые тогда всегда носили женщины, промочила ноги, заболела, и за ней усердно ухаживали Уэйнрайт и его жена, которые проводили частые консультации по поводу ее лечения с помощью определенных порошков; через несколько дней она умерла, с теми же симптомами, что и ее мать, с теми же симптомами, что и мистер Гриффитс - "мозговая недостаточность", как назвал это доктор. Она умерла в тот самый день, когда наступил срок оплаты купчей, а после ее смерти выяснилось, что ее жизнь в течение того же года была застрахована в разных конторах на 18 000 фунтов стерлингов. Хелен Аберкромби была красивой и очень здоровой девушкой, и ее смерть вызвала подозрения и дала повод для судебных исков, которые на более слабом, но определенном основании введения в заблуждение были поданы в пользу компаний. Тем временем Уэйнрайт счел удобным покинуть Англию (он разошелся с женой после смерти Хелен Аберкромби) и укрылся у довольно бедного джентльмена, который жил со своей дочерью в Булони. Он уговорил этого джентльмена получить деньги в долг, застраховав свою жизнь. Однажды ночью, после того как полис был оформлен, этот джентльмен внезапно умер. Далее мы узнаем, что Уэйнрайт путешествовал по Франции, несомненно, из лучших побуждений, под вымышленным именем. Он попал в руки полиции, и, не сумев хорошо отчитаться о себе, был заключен в тюрьму на шесть месяцев. Французская полиция обнаружила, что он имел при себе некий порошок, в то время малоизвестный, под названием стрихнин; это было списано на английскую эксцентричность. В это время на Уэйнрайта был выписан ордер за подделку документов; детектив с помощью женщины выманил его в Англию и арестовал. Его судили за подлог и приговорили к пожизненной каторге. В то же время подозрения врача, лечившего Хелен Аберкромби, были возбуждены, а сам Уэйнрайт после осуждения с необычайным тщеславием и смелостью признавался посетителям в своих успехах в отравлении и разъяснял свои методы. Говорят также, что он вел дневник, в котором с большим самодовольством записывал свои операции. Единственное, что причинило боль маленькой Мари Шнайдер, - это сухой хлеб; единственное, что тронуло Уэйнрайта, - это то, что его посадили в кандалы в трюме корабля. "Они считают меня десперадо! Меня, спутника поэтов, философов, художников и музыкантов, - десперадо! Вы улыбнетесь этому - нет, я думаю, вы посочувствуете человеку, получившему образование и воспитание джентльмена, а теперь приятеля вульгарных грубиянов и деревенских мужланов". В Хобарт-Тауне он дважды пытался удалить ядом людей, вызывавших его враждебность. Один из тех, кто хорошо его знал, описывает его в это время как "человека с массивной головой, в которой в значительной степени были развиты животные наклонности. Его глаза были глубоко

посажены; у него была квадратная массивная челюсть; он носил длинные волосы, немного сутулился и имел змееподобное выражение лица, которое одновременно отталкивало и завораживало. Он редко смотрел вам в лицо. Его разговор и манеры были в высшей степени привлекательными; он никогда не был несдержан, но, тем не менее, имел грубые чувственные привычки и употреблял опиум. Что касается морального облика, то он был человеком самого низкого сорта. Казалось, он был одержим врожденной злобой, которая постоянно держала его на грани убийства, и ему доставляло извращенное удовольствие предавать людей, которые с ним дружили. В городе Хобарт его все боялись, не любили и сторонились. Его единственным спутником жизни была кошка, к которой он проявлял необычайную привязанность". Он умер от апоплексии в 1852 году, в возрасте пятидесяти восьми лет.[6] Уэйнрайт представляет нам идеальную картину инстинктивного преступника в его наиболее развитой форме, к счастью, редкого явления. Именно эту инстинктивную склонность к преступлениям иногда называют "моральным помешательством". Однако это далеко не самое удачное выражение, поскольку оно ведет к бесплодным спорам. В настоящее время разумнее применять к такому человеку более простой термин - *"инстинктивный преступник"*. [7] Однако несомненный интерес представляет тот факт, что в какой-то период своей жизни Уэйнрайт был на грани помешательства, если не, что более вероятно, действительно помешанным; чрезвычайно вероятно, что он так и не оправился от последствий этой болезни. Вполне возможно, что если бы мы обладали полным знанием о каждом инстинктивном преступнике, то всегда могли бы навести справки о каком-то определенном органически болезненном месте.

Инстинктивный преступник в своем полном развитии представляет собой моральное чудовище. В нем отсутствие направляющих или подавляющих социальных инстинктов сопровождается необычным развитием чувственных и корыстных импульсов.

Эпизодический преступник, как его обычно называют, - гораздо более обычный и нормально сформированный человек. В нем чувственные инстинкты не обязательно должны быть сильнее, чем обычно, а социальные элементы, хотя и слабее, чем обычно, не обязательно отсутствовать. Слабость - главная характеристика случайного преступника; когда обстоятельства не совсем благоприятны, он поддается искушению. Эпизодическая преступность - одна из самых распространенных форм преступности; она также является той, за существование и развитие которой общество несет самую прямую ответственность; очень часто ее с равным успехом можно назвать социальной преступностью. Вот пример. Двое парней честной жизни, сыновья сельскохозяйственных рабочих, не имея возможности добыть скудное пропитание дома, в один прекрасный день в порыве отчаяния отправляются в далекий город в поисках работы. Без еды и крова, ночуя под изгородью, они добираются до фермерского дома. Заглянув в окно, они видят пудинг со сливами; они открывают окно, хватают пудинг и отходят на несколько ярдов, чтобы съесть его. Через несколько часов они направляются в тюрьму, чтобы впоследствии получить наказание в виде шести месяцев тюремного заключения. "По окончании срока им выдали обмундирование и познакомили с работодателем в Канаде; когда мы в последний раз слышали о них, дела у них шли очень хорошо, и перед ними открывались прекрасные перспективы"[8] Это продолжение (которое было бы лучше, если бы оно произошло до изъятия сливового пудинга) доказывает, что мы имеем дело не с инстинктивными преступниками. Возьмем другой случай, упомянутый тем же писателем. Женщина с мужем-пьяницей, который тратит последние гроши в публичном доме, под влиянием голода совершает свое первое преступление. Она крадет небольшой кусок мяса, чтобы накормить своих голодных детей. Ее отправляют в тюрьму. "Мы слышали, что после этого она вела самую последовательную и почти святую жизнь". Очевидно, что эти люди были не преступниками, а жертвами; общество было преступником. Время от времени, как в приведенных случаях, случается, что преступнику, безрассудно брошенному в тюрьму,

помогают прожить человеческую жизнь. В подавляющем большинстве случаев ему портят жизнь, знакомят с тюрьмой, вводят в дурную компанию. Мы, насколько это в наших силах, превращаем его в так называемого *привычного преступника*.

Этапы, на которых случайный преступник, которому, с одной стороны, помогает пренебрежение, а с другой - тюремный очаг, превращается в закоренелого преступника, медленны и тонки; это одна из трагедий жизни. Месье Жоли записал опыт полиции в отношении краж, которые происходят в больших парижских магазинах, Лувре и Бон-Марше. "Вот начало. В галерее можно увидеть женщину, богатую или обеспеченную, которая покупает определенное количество предметов и платит за них; но, не спрашивая разрешения, она берет какой-нибудь маленький, почти незначительный предмет - маленькую ленточку для завязывания посылки, более вместительный бумажный пакет. Никто не скажет, что она ворует, никому не придет в голову поговорить с ней или потревожить ее. Но за ней наблюдают и даже следят, потому что ожидают увидеть ее снова через некоторое время после того, как она, проходя мимо, возьмет, скажем, цветок стоимостью двадцать пять сантимов. Чуть позже она присвоит себе предмет большей ценности, и отныне она будет брать ради удовольствия брать. Склонность, в которой вначале не было ничего инстинктивного или фатального, будет расти, как растут все привычки. В другой раз женщина, у которой не было намерения воровать, но совесть которой, вероятно, уязвлена, становится нетерпеливой из-за задержки в удовлетворении ее потребностей. Речь идет, предположим, о кошельке стоимостью девяносто пять сантимов, а продавец занят покупателями более дорогих вещей. Вдруг женщина нервно поддается быстрому искушению; не желая больше ждать, она, вместо того чтобы положить кошелек на прилавок, сует его в карман и поворачивается на каблуках, не заплатив. "С этого момента, - сказал инспектор, - *она потеряна*; она вернется, чтобы украсть, но украдет намеренно и сознательно"[9].

Когда-нибудь мир и друзья преступника будут поражены большим преступлением, но это преступление связано с цепью мелких, случайных, спорадических пороков и правонарушений. Иногда мы можем проследить эти связи. Барре и Лебиз - два молодых французских преступника, которые привлекли к себе внимание несколько лет назад. Оба они были из хорошей семьи, оба очень умны, первый собирался заняться коммерцией, второй - стать доктором медицины. В этот момент они убили пожилую женщину, чтобы ограбить ее, и разделили тело, чтобы избавиться от него. Преступление было обдуманное и тщательно подготовленным; в нем не было ничего романтического или явно нездорового, а через несколько дней после него Лебиз прочитал способную и красноречивую лекцию о дарвинизме и церкви. В каждом из этих молодых людей было, по словам М. Жоли, девять этапов на пути преступления. Сначала отметим те, что были у Барре: 1. Его работодатель вынужден уволить его за неподобающее поведение с девушкой-служанкой. 2. Он пишет неправдивые письма своей семье, описывая несуществующие привычки в работе. 3. Он приобретает экстравагантное пристрастие к спекуляциям на фондовой бирже. Пока что его путь, хотя и не образцовый, был таким, который достаточно часто проходили люди, никогда не доходившие до эшафота. 4. Он спекулирует сбережениями, которые две девушки доверили ему для инвестирования. 5. Чтобы получить деньги от своего отца, которому он говорит о том, что хочет устроиться, он подделывает письма. 6. Он присваивает различные суммы денег, используя отягчающую форму того же процесса. 7. Он крадет часы из комнаты проститутки. 8. Он крадет восемь франков у нее же. 9. Он решается на убийство старой молочницы, с которой у него были деловые отношения и чьи сбережения, как ему известно, весьма значительны. Лебиз прошел следующие стадии: 1. Отмечается его жестокое обращение с матерью. 2. Несмотря на весьма скромные средства, известно, что он живет с

любовницей, и он приобретает непристойные фотографии. 3. За нарушение дисциплины его высылают из заведения, где он давал уроки. 4. Он спекулирует на фондовой бирже, что, будучи бедным, он мог делать, только принимая прибыль и отказываясь от убытков. 5. Он крадет книги у своих друзей и продает их. 6. Несколько раз тайно покидает свое жилище, не заплатив за квартиру. 7. Он участвует в краже часов Барре. 8. Разделяет прибыль от второй кражи. 9. Они вместе принимают решение об убийстве. Таковы медленные шаги, на которых случайный преступник превращается в *закоренелого преступника* или *профессионального преступника*. Следует помнить, что границы, отделяющие их друг от друга, а обоих от инстинктивного преступника, часто слабы или незаметны. "Естественные группы", как замечает мистер Гальтон, "имеют ядра, но не имеют очертаний". В привычном преступнике, который обычно неинтеллектуален, преобладают консервативные силы привычки; профессиональный преступник, который обычно умен, руководствуется рациональными мотивами и добровольно использует шансы своего образа жизни; в то время как в инстинктивном преступнике импульсы обычно настолько сильны, а моральный элемент так заметно отсутствует, что нам кажется, что мы находимся в присутствии природного монстра. Однако не всегда можно провести эти различия.

Профессиональный преступник, хотя и не является представителем современного поколения, приспосабливается к современным условиям. По интеллекту, да и по антропологическому рангу в целом, он представляет криминальную аристократию. Он сознательно выбрал определенный способ зарабатывать на жизнь. Это профессия, которая требует большого мастерства и в которой, хотя риск велик, призы столь же велики"[10].

Ласенер, знаменитый преступник начала века, иногда рассматривался как тип профессионального преступника, и чтобы завершить этот классификационный набросок, будет не лишним описать его карьеру. Он родился в Лионе примерно в начале века, получил хорошее среднее образование и был очень умен, хотя и не отличился в колледже. Он был честолюбив и в то же время неспособен к продолжительной работе. Он приехал в Париж, чтобы изучать право; но средств его отца не хватало, и он стал клерком, часто менял свое положение, в конце концов устал от работы и поступил в солдаты. До сих пор за ним не числится никаких преступлений. Когда он вернулся во Францию, его отец, обанкротившись, скрылся. На помощь молодому человеку пришли друзья и дали ему 500 франков. Он поспешил в Париж и потратил их с удовольствием. Затем он вступил в литературную Богемию, писал стихи и политические статьи, дрался на дуэли с племянником Бенжамена Константа и убил его. Позже он говорил, что вид агонии его жертвы не вызвал у него никаких эмоций. Вскоре любовь к развлечениям превзошла его возможности добывать деньги, хотя они могли бы быть значительными, если бы он решил постоянно работать, и он добывал деньги воровством и мошенничеством. Приговоренный к тюремному заключению, он вскоре завел связи с профессиональными преступниками, вовлекал их в свои планы и присоединялся к ним в их оргиях. Он брал себе вымышленные имена, множил подделки и маскировки и активно охотился на общество. После одной из оргий в это время он совершил убийство, а также попытался убить человека, который выиграл у него крупную сумму в азартные игры. И преступление, и попытка остались безнаказанными. Одаренный умом, а еще больше тщеславием и дерзостью, Ласенер продолжал свою карьеру систематического преступника, пока, наконец, не встретился с гильотиной. Он был профессиональным преступником, но также, как мы увидим, он был чем-то привычным, чем-то инстинктивным преступником[11].

Мы вкратце рассмотрели круги преступности - круги, которые простираются от небес до самых мутных глубин ада и которые, тем не менее, не так уж далеки от каждого из нас.

Необходимо еще коснуться различных путей, по которым можно подойти к причинам и природе этой обширной области преступности.

Во-первых, существуют *космические* причины преступности, то есть все влияния внешнего неорганического мира, влияние температуры на преступность, рост преступлений с применением насилия в жаркую погоду, периодичность других видов преступлений, влияние климата, влияние диеты.

Далее следует *биологический* фактор. К нему мы относим учет всех личностных особенностей человека, анатомических, физиологических, психологических. Эти особенности могут быть атавистическими, атипичными или болезненными.

Наконец, существует *социальный* фактор преступности. Криминальная социология рассматривает порождение преступности социальными влияниями и экономическими потрясениями. Детоубийство почти всегда связано с социальным фактором, и изучение различных социальных влияний, которые способствуют или препятствуют детоубийству, чрезвычайно поучительно. Отношения между преступлениями против личности и ценой на алкоголь, а также между преступлениями против собственности и ценой на пшеницу также относятся к этому отделу изучения преступности. Общество готовит преступления, как говорил Кетеле; преступник - это инструмент, который их исполняет. "Социальная среда", - хорошо сказал Лакассань, - "является средой для культивирования преступности; преступник - это микроб, элемент, который становится важным только тогда, когда он находит среду, которая заставляет его бродить: *каждое общество имеет преступников, которых оно заслуживает*".

Невозможно переоценить значение социального фактора в преступности. В какой-то степени он даже включает в себя другие, и его можно заставить регулировать и нейтрализовать их. Но мы не сможем грамотно разобраться с социальным фактором преступности, оценить огромное значение социальных влияний в производстве или предотвращении преступлений, если не будем знать кое-что о биологии преступности, об анатомической, физиологической и психологической природе преступника. Эта книга посвящена изучению человека-преступника.

ГЛАВА II.

ИЗУЧЕНИЕ ПРЕСТУПНИКА.

Когда Гомер описывал Терсита как уродливого и деформированного, с жесткими или скудными волосами и заостренной головой, похожей на горшок, рухнувший на пику в пекле...

ἄισχιστος δὲ ἄνθρωπος ὑπὸ Ἴλιον ἦλθεν.
φορκὸς ἔην, χλωρὸς δ' ἕτερον πόδα. τὼ δὲ οἱ ὤψω
κurtῶ, ἐπὶ στῆθος συνοχωκότε. αὐτὰρ ὕπερθεν
φορὸς ἔην κεφαλῇ, ψεδνὴ δ' ἐπενήνοθε λάχνη

-он представил доказательства существования преступного типа человека. Эти физические характеристики Терсита относятся к тем, которые в последние дни были подвергнуты научному наблюдению и статистике и в значительной степени оправдались.

Эпиграмматические изречения, в которых примитивные народы кристаллизуют и передают свою философию и науку, включают в себя множество изречений, которые доказывают отдаленный период, когда люди начали воспринимать органические особенности, которые отделяют преступного человека от обычного человека. Есть некоторые пословицы такого рода, например, указывающие на повсеместную неприязнь к рыжеволосым, которым пока не найдено веских обоснований; но среди различных рас и во многих странах множество пословиц согласуется с результатами современных исследований: *A vultu vitium*, старая римская поговорка; *Au vis [visage] le vice*, старая французская поговорка; "Приветствуйте издали безбородого мужчину и бородатую женщину"; "Не доверяйте женщине с мужским голосом"; "Бледное лицо хуже чесотки". Вот лишь некоторые из них, которые можно легко увеличить.

В очень ранний период подобные народные обобщения были воплощены в эмпирической науке физиогномике, которая нашла много профессоров среди греков и римлян. Согласно известной истории, греческий физиогномист, изучивший лицо Сократа, решил, что философ груб, чувственен и склонен к пьянству, а Сократ заявил своим ученикам, что такова, хотя он и преодолел ее, его природная склонность. Сам он был физиогномистом; ему не нравился некий человек с бледным и темным цветом лица, такие признаки, по его словам, указывали на зависть и убийство; в последние годы часто отмечается своеобразный темный и бледный цвет лица инстинктивного преступника.

Аристотель, этот великий мастер всех наук, четко распознал не только физиогномические признаки привычек, пороков и преступлений, включая многие признаки, которые соответствуют современным научным наблюдениям, но и заметил связь между формой головы и умственными способностями, а также признал наследственный характер порочных и преступных инстинктов. Гален, положивший начало экспериментальному изучению мозга, принял взгляды Аристотеля и указал на влияние злоупотребления алкоголем на производство преступлений; он также считал, предвосхищая современную доктрину, что, когда преступник является преступником по своей природе, он должен быть уничтожен, но не из мести, а по той же причине, по которой уничтожают скорпионов и гадюк^[12].

Хотя эти слабые зачатки криминальной антропологии получили одобрение как высших научных авторитетов, так и народа, а позднее средневековый закон объявил, что если два человека попадают под подозрение в преступлении, то более уродливый или более обезображенный должен считаться более вероятным виновником, они не были общепризнанными, а некоторые, как Плиний, считали абсурдным, что внешняя форма может указывать на внутреннюю склонность. Какое бы искусство или наука ни существовали в этом вопросе, они были оставлены, тогда и долгое время после, физиогномистам, которых Полемон может быть взят в качестве выдающегося примера, и они были готовы предоставить самые сложные физические признаки, чтобы соответствовать любому порочному или преступному нраву. Полемон писал о преступнике, что у него бледный цвет лица, длинные волосы, большие уши и маленькие глаза, и далее приводил характеристики различных классов преступников, причем его наблюдения часто отличались острой пронизательностью. Эта псевдонаука передавалась от физиогномиста к физиогномисту, обычно с добавлением абсурда, пока в XVI веке мы не достигли неаполитанца Далла Порты, одновременно величайшего (и за исключением Лаватера последнего) из физиогномистов старой школы и первого из новой. Он с презрением относился к судебной астрологии и в то

же время написал трактат по небесной физиогномике; он собрал все, что было сделано его предшественниками, и в то же время заложил основы более научного подхода.

Миновав Лаватера с его тонкой интуицией и гениальным человеколюбием, которые, однако, не составили эпохи в научном изучении криминальной антропологии, в начале нынешнего века мы достигаем Галля, очень великой фигуры в истории науки и представителя самого важного момента в развитии наших знаний о мозге.

Однако прежде чем говорить о Галле, необходимо мимоходом сказать пару слов о Громанне, который немного предшествовал ему и который предвосхитил многие выводы относительно характеристик лица и черепа, сделанные современными криминальными антропологами. Так, в 1820 году он писал: "На меня часто производили впечатление в преступниках, особенно в тех, которые имели дефекты развития, выдающиеся уши, форма черепа, выступающие скулы, большие нижние челюсти, глубоко посаженные глаза, коварный, звероподобный взгляд".

Галл навсегда отбросил доверчивые фантазии физиогномистов, и его не без оснований называют основателем современной науки криминальной антропологии. Он, безусловно, был ее самым ярким пионером. Лаватер верил в однородность человеческого организма, но он не был человеком науки и довольствовался изучением поверхности тела; Галл, с истинно научным инстинктом, пытался докопаться до сути дела; следуя за великим английским анатомом Уиллисом, который предпринял попытку мозговой локализации, он изучал мозг, пытался дифференцировать функции его различных частей и влияние его различного развития на череп.

Для Галла различное развитие мозга было причиной различий в умственных и моральных качествах человека; он был твердо убежден, что все факты психической жизни коренятся в физической организации; он хотел написать естественную историю каждой примитивной моральной и интеллектуальной силы, как в здоровье, так и в болезни. В меру своих возможностей он детально выполнил эту программу, непрерывно изучая все разновидности мозга и живой головы, которые только мог найти; он проводил свои исследования по всей Европе, в психушках и тюрьмах, а также среди обычного населения, и предвидел масштабы применения открываемой им науки в медицине и юриспруденции, в морали и образовании. Хотя его работа выходила далеко за пределы того, что мы сейчас называем криминальной антропологией,^[13] он уделял много внимания проблемам преступной организации и даже ее разновидностям, и многие его наблюдения хорошо согласуются с результатами недавних исследований. Более того, вслед за Галеном и Дидро (который пятьюдесятью годами ранее писал: "Злодей - это тот, кого мы должны уничтожить, а не наказывать"), он четко отстаивал метод работы с преступниками, который сегодня широко рассматривается как единственно правильный и разумный. "Не может быть и речи о виновности, - говорил он, - или о справедливости в строгом смысле этого слова; речь идет о необходимости предотвращения преступлений в обществе. Мера вины и мера наказания не могут быть определены путем изучения противоправного деяния, а только путем изучения личности, совершающей его". В своем великом труде *Les Fonctions du Cerveau* (1822) Галль подытожил свои выводы.

Несчастье этого великого и истинно научного исследователя заключалось в том, что он дал начало эмпирическому искусству френологии, которое заняло место старого искусства физиогномики, для уничтожения которого он сделал так много. Поэтому до последних лет его знали в основном по его ошибкам, особенно, возможно, по его локализации полового инстинкта в мозжечке - локализации, которую он, однако, подкрепил большим количеством доказательств. Влияние сомнительных френологических доктрин, превратившихся в

систему, несколько снижает ценность книги Лаверня *"Форсаж"* (1841), которая, похоже, стала первой важной книгой, полностью посвященной изучению природы каторжников, физической, моральной и интеллектуальной. Лавернь, который был главным врачом госпиталя для осужденных в Тулоне, был человеком с гуманными инстинктами, чье остроумие и *доброжелательность* позволяли ему поддерживать дружеские отношения с преступниками, которых он изучал; у него было мало способностей к научному анализу, но он полностью написал о том, что видел и знал, и его книга содержит много острых наблюдений, которые были проверены впоследствии. Он также полностью признает важность социального фактора в производстве преступников.

Лавернь заметил, что многие из его подопечных были безумны или больны; следовавшие за ним студенты, изучавшие преступников, настаивали на патологическом элементе. Далли утверждал, что преступник и сумасшедший идентичны, и оба одинаково безответственны. Проспер Лукас в своем ценном *"Философском трактате о преступлении"* (1847) показал, как глубоко укоренились в организме болезненные тенденции преступности. Лелют сравнивал длину и ширину головы у преступников. Вуазен отметил дефекты их мозговой организации. Однако именно Морель в своей работе *"Дегенеративные изменения"* (1857) наиболее полно разработал этот аспект преступности, и его влияние до сих пор сильно среди французских исследователей преступности. Морель рассматривал преступность как одну из форм дегенерации индивида или семьи, а дегенерацию он определял как "болезненное отклонение от нормального типа человечества". Причинами вырождения он считал интоксикации, голод, социальную среду, промышленность, нездоровые профессии, бедность, наследственность, патологические трансформации, моральные причины. "Моей главной целью, - говорит он, - было изучение этих причин и влияния, которое они оказывают, прежде всего, на конституцию отдельных людей, а затем и на их потомков". Среди этих причин он отводит главное место многообразным последствиям алкоголизма родителей для детей. В своей брошюре *De la Formation du Type dans les variétés dégénérées* (1864) Морель предложил назвать болезненной антропологией "ту часть естественной науки о человеке, целью которой является изучение характеров, обусловленных некоторыми особыми болезненными влияниями, а также наследственной передачей дурной природы".

Деспин своим великим трудом *"Психология природы"* (1868) сделал новый и важный шаг в криминологии. Оставив в стороне изучение физической природы преступника, он попытался провести исчерпывающее исследование его психической природы. Никто не сделал больше, чем Деспин, чтобы доказать, что то, что мы сейчас называем инстинктивным преступником, с психологической стороны является природной аномалией, психическим чудовищем. Он показал наглядно непредвиденное безрассудство, полное отсутствие моральной чувствительности и угрызений совести, которые характеризуют инстинктивного преступника. Он признавал, что преступник не обязательно является ненормальным или больным человеком, и показывал, что его ненормальность не из тех, которые может исправить интеллектуальное образование. "Ни один физиолог, - говорил он, - еще не занимался безумием здравомыслящих людей"; он считал преступника "морально сумасшедшим" и, следовательно, безответственным. Модсли с противоположной философской точки зрения пришел к очень похожим выводам. Не привнося ничего нового и важного, он лишь подтвердил уже сделанные выводы. Говоря в своей книге *"Ответственность в психических заболеваниях"* (1872) об инстинктивных преступниках, он замечает: "Это предмет наблюдения, что этот преступный класс представляет собой дегенеративную или болезненную разновидность человечества, отмеченную особыми низкими физическими и психическими характеристиками". Как и Деспин, он сделал из этого вывод, с тех пор широко признанный, что преступник, будучи морально ненормальным и

обычно неизлечимым, должен лечиться так же, как и интеллектуально ненормальный человек. "Если глубоко обдумать этот вопрос, то может оказаться, что в конечном итоге не будет иметь большого значения, будет ли преступник осужден в гневе и отправлен в уединение тюрьмы, или же он будет осужден скорее в печали, чем в гневе, и отправлен в такое же уединение под названием "приют". Это изменение, вероятно, не привело бы ни к увеличению, ни к уменьшению числа преступлений, совершаемых в течение года". Художник в той же степени, что и ученый, мастер мрачного и весомого стиля, озаряемого яркими вспышками воображения, Модсли своими многочисленными работами популяризировал новые идеи и по праву считается за рубежом пионером криминальной антропологии.

Брока, который, основав в 1859 году Антропологическое общество Парижа, считается основателем современной науки антропологии, уделил внимание и специальной науке криминальной антропологии, отметив особенности черепов и мозга преступников. На заседании Британской ассоциации в Эксетере в 1869 году доктор Г. Уилсон прочитал доклад на тему "Моральная уродливость преступников, как пример черепных измерений". Он измерил 464 головы преступников и обнаружил, что у привычных воров хорошо заметны признаки недостаточного развития черепа, особенно в передней части. "Дефицит черепа, - заметил он, - связан с реальным физическим ухудшением". Сорок процентов всех осужденных являются инвалидами, в большей или меньшей степени; и этот процент в значительной степени увеличивается в классе профессиональных воров". Он утверждал, что с заключенным нужно обращаться по исправительным принципам и не давать ему неограниченную свободу до тех пор, пока не появятся разумные доказательства того, что он не окажется опасным для общества. Примерно в то же время (в 1870 году) Дж. Брюс Томсон, хирург-резидент шотландской тюрьмы в Перте, опубликовал в журнале *"Journal of Mental Science"* резюме своих наблюдений за более чем 5000 заключенных. Благодаря решительности его высказываний и большому количеству заключенных, о которых он смог рассказать, это резюме послужило стимулом для изучения преступника во всей Европе. Томсон перечислил некоторые физические характеристики инстинктивного преступника, которые сейчас общепризнаны, указал на полумимическую, распространенную среди малолетних преступников, находившихся под его наблюдением, на частоту накопленных болезненных проявлений при *вскрытии* и на значительную долю случаев в Перте, нуждавшихся в лечении психических заболеваний вскоре после поступления, "очевидно, по врожденным причинам". Факты и мнения Томсона были изложены слишком кратко и, возможно, слишком категорично. Доктор Николсон, писавший в том же журнале с 1873 по 1875 год, рассматривал болезненную психологию преступника, неустойчивый, эмоциональный элемент в нем, его склонность к галлюцинациям, бесчувственность и слабоумие. Статьи доктора Николсона, написанные до начала последней и наиболее плодотворной эры криминальной антропологии, были, насколько мне удалось проследить, последним оригинальным вкладом с научной стороны, сделанным в Англии в изучение преступника. Те знания, которые были получены с тех пор, исходили от авторов, которые, почти по необходимости, имели дело с тем, что можно назвать психической и социальной симптоматикой преступников. Среди книг, предоставляющих более или менее ценную или интересную информацию такого рода, можно упомянуть *"Записки из тюрьмы"* преподобного Дж. В. Хорсли, *"Листья из тюремного дневника"* Майкла Дэвитта и *"Сцены из безмолвного мира"* посетителя тюрьмы, которые появились в журнале *Blackwood's Magazine* в 1889 году. Более ранняя книга этого класса, *"Лондонский труд и лондонская беднота"* Мэйхью (том iv.), пожалуй, до сих пор остается самой ценной.

Италия сегодня является родиной криминальной антропологии, и не только криминальной антропологии, но и всех наук, связанных с преступлением и преступником; уголовный кодекс

Занарделли, который недавно стал законом, хотя и не является полностью удовлетворительным с научной точки зрения, показывает влияние нового движения. В этом отношении Италия остается верной традициям двухтысячелетней давности; в XVI веке Италия все еще была центром исследований в области уголовного права, и, чтобы соответствовать современности, достаточно упомянуть великие имена Беккариа и, совсем недавно, Романьози. Именно под эгидой Бельтрани-Скалия, хорошо известного в связи с тюремной реформой, были опубликованы первые итальянские исследования в области криминальной антропологии, начиная с 1870 года, в журнале *Rivista delle discipline carcerarie*, который продолжает публиковать ценные монографии. В этом журнале Ломброзо опубликовал в 1872 году результаты некоторых исследований, проведенных им над заключенными в Падуе.

Профессор Чезаре Ломброзо из Турина занимает столь важное место в развитии криминальной антропологии, что необходимо иметь четкое представление о его целях и методах, а также о характере его достижений. Родившийся в 1836 году венецианского происхождения, разнообразная и беспокойная деятельность Ломброзо характерна для человека, который всю свою жизнь открывал новые пути исследования и расширял горизонт человеческих знаний. В возрасте одиннадцати лет он сочинял романсы, поэмы и трагедии в манере Альфиери; в двенадцать лет он увлекся классической древностью и опубликовал две небольшие работы по римской археологии. В тринадцать лет его привлекло изучение социологии с лингвистической точки зрения (в основном, как нам говорят, в отношении греческого, иврита, китайского и коптского языков); в то же время он увлекся естественными науками, особенно интересуясь образованием кристаллов, и еще до поступления в университет опубликовал две книги несколько эволюционного характера. В студенческие годы совместное изучение древних религий и медицины привело его к теме психических заболеваний. Он начал с изучения кретинизма в Ломбардии и Лигурии, его выводы были впоследствии приняты Вирховым и другими. В богатом событиями 1859 году он стал сначала солдатом, а затем военным хирургом. В 1862 году он возглавил кафедру душевных болезней в университете Павии и положил начало учреждению для душевнобольных, психиатрическому музею и серии исследований по применению точных методов к изучению безумия. Эта последняя попытка была в то время встречена всеобщими насмешками; говорили, что он изучает безумие с помощью дворовой мерки; но его методы постепенно продвигались вперед и постепенно получили всеобщее признание. После этого он провел несколько важных исследований причин пеллагры. Призванный руководить приютом в Пезаро, он реформировал его и основал журнал, который писали и вели сами сумасшедшие. Затем он вернулся в Павию, где продолжил свою психиатрическую работу, исследовал влияние атмосферных условий на психику, изобрел прибор для измерения боли и провел множество исследований, отмеченных необычайной изобретательностью, терпением и проницательностью. Еще в юности Ломброзо обладал искусством прорицания плодотворных идей, которые в то время казались абсурдными как ученым, так и общественности. Каждое направление исследований, за которое он брался, в то время явно противоречило общепринятым тенденциям и привлекало всеобщее внимание лишь в более позднее время. В определенной степени это относится даже к величайшему достижению его жизни.

В 1859 году - возможно, самом памятном в этом столетии - Брока, оказавший большое влияние на Ломброзо, открыл натуралистический метод изучения человека в Антропологическом обществе Парижа. Просветительский гений Вирхова и его невероятная энергия, так много сделавшая для антропологии и методов антропологии, также оказали влияние на итальянца, в некоторых отношениях родственного ему по духу. А "Происхождение

видов" Дарвина, опубликованное в 1859 году, впервые предоставило необходимую биологическую основу и дало тот атавистический ключ, которым Ломброзо был склонен пользоваться сначала так часто, а иногда, надо сказать, и так злоупотреблять. Эти обстоятельства в совокупности впервые сделали возможным полное научное рассмотрение преступника как разновидности человека, а многочисленные исследования и разнообразные способности самого Ломброзо позволили ему наилучшим образом подготовиться к выполнению этой великой задачи. Впервые он задумал эту задачу в 1859 году, однако окончательно "*Убийца преступника*" был опубликован лишь в 1876 году, а второй том появился только в 1889 году.

Влияние *L'Uomo Delinquente* в Италии, Франции и Германии, по-видимому, было столь же немедленным и решающим, как и влияние "*Происхождения видов*". *Psychologie Naturelle* Деспина, самая большая работа о преступнике, появившаяся до Ломброзо, была частичной; преступник в ней рассматривался исключительно как психологическая аномалия. Ломброзо впервые воспринял преступника как анатомическую и физиологическую органическую аномалию. Он принялся взвешивать и измерять его в соответствии с методами антропологии. Даже в области психологии он получил новые и более точные результаты. Он вернулся к истокам преступности среди растений и животных, среди дикарей и детей. Он попытался выяснить место преступника в природе, его причины и лечение. Работа Ломброзо отнюдь не лишена недостатков. Его стиль резок, он слишком импульсивен, слишком быстро приходит к выводам, ему не хватает критического мышления и уравновешенности. Так, вначале он переоценил атавистический элемент в преступнике, а позднее слишком настойчиво подчеркивал эпилептическую природу преступлений. Его слабости не избежали грубого обращения со стороны дружественных или недружественных рук. Так, Мантегацца, признавая его *ingegno potentemente apostolico e geniale*, отрицает, что Ломброзо обладает какими-либо качествами научного исследователя, а д-р Наполеоне Колаянни (Dr. Наполеоне Колаянни, который, представляя левую социалистическую часть движения, в своей *Sociologia Criminale* (1889-90) и других работах подверг центр тщательной и часто ценной критике, сравнивает беспорядочный сбор фактов Ломброзо со знаменитым приказом Карла IX в канун дня святого Варфоломея: "Убейте их всех; Бог узнает своих". Но его работа была столь богатой, столь кропотливой, столь разнообразной; она открыла столько новых направлений исследований, и подсказала еще столько, что ее повсеместно воспринимали как знаменующую новую эпоху. Он был, по его собственному выражению, насекомым-переносчиком пыльцы, и новая наука, которую он оплодотворил, развивалась с необычайной быстротой. Непрерывный поток исследований - от книг самого всеобъемлющего характера до исследований мельчайших деталей криминальной анатомии или физиологии - льется постоянно. Пока еще невозможно собрать эту массу исследований, часто противоречивых, в более чем примерное целое, но ее существование достаточно, чтобы доказать жизнеспособность новой науки. Конечно, она встретила яростный антагонизм, и сам Ломброзо заявил, что, возможно, ни один камень не останется на другом, но если такова судьба его работы, то на ее месте возникнет более совершенное здание.

Вместе с Ломброзо следует упомянуть еще двух итальянцев. Энрико Ферри, профессор уголовного права в Риме и депутат итальянского парламента, выполняя ценную работу в качестве криминального антрополога, в то же время изучал социальные аспекты преступности в своей самой известной книге "*Nuovi Orizzonti del Diritto*". Он занимался не столько инстинктивными, сколько случайными преступниками, и его ясный и философский дух поставил его во главе криминальных социологов. Гарофало, неаполитанский юрист, приняв в целом выводы, сделанные Ломброзо и Ферри, стал самым выдающимся юристом этого движения, пионером в той реформе права с помощью методов естественных наук,

которая в конечном итоге должна стать столь плодотворной. Его "*Криминология*" (новое и расширенное издание написано на французском языке) отличается яркими, но осторожными обобщениями и содержит множество предложений по разумной реформе. Гарофало ясно показал неадекватность правовых максим, основанных на устаревших и ненаучных концепциях, и показал, что не характер преступления, а опасность (*temibilità*) преступника является единственным разумным юридическим критерием, которым можно руководствоваться в неизбежной социальной реакции против преступника. Эта позиция в настоящее время общепризнана как закономерный итог научного изучения преступника.

Среди итальянских специалистов, занимающихся собственно криминальной антропологией, очень высокое место принадлежит доктору Антонио Марро, бывшему хирургу тюрьмы в Турине. Книга "*I Caratteri dei Delinquenti*" (1887) содержит результаты тщательного и методичного обследования более пятисот заключенных, мужчин и женщин, и более ста нормальных людей вместе с исследованием их родословной и привычек. Все данные представлены в табличной форме, а его превосходные методы и разумная умеренность в выводах придают большую ценность его работе. Его точность и беспристрастность вызывают восхищение даже у тех, чьи инстинкты и воспитание заставляли их опасаться вторжения в этот отдел науки. Доктор Марро внес интересный вклад в дифференциацию различных криминальных типов и очень четко выявил катастрофическую тенденцию к дегенерации среди детей родителей, достигших среднего возраста. Среди других итальянских исследований можно упомянуть работу Вирджилио, датированную 1874 годом, подробные исследования доктора П. Пенты, различные работы Зуккарелли, энергичного неаполитанского профессора и редактора журнала *L'Anomalo*, работу В. Росси "*Studio sopra una Centuria di Criminali*", работу Сальсotto о женщинах-преступницах и исследования чувств преступников, проведенные Оттоленги. *Archivio di Psichiatria*, богатое хранилище тщательных наблюдений, основанное в 1880 году под руководством Ломброзо, Ферри, Гарофало и Морселли, под редакцией Росси и Оттоленги, остается во главе журналов по криминальной антропологии.

Первое предложение о проведении международного конгресса по криминальной антропологии возникло в Италии и относится к 1882 году, когда Сальваторе Томмази опубликовал важную статью в журнале *Rassegna Critica*. Однако первый конгресс, состоявшийся в Риме, был проведен лишь в 1885 году. В нем приняли участие все самые выдающиеся криминальные антропологи, криминальные социологи и юристы "позитивной" школы, в основном итальянские, французские и немецкие, и его *Акты* представляют большой интерес. Второй международный конгресс состоялся в августе 1889 года в Париже. Он носил более космополитический характер, чем первый, и представлял еще больший интерес[14].

Франция всегда была лабораторией для популяризации великих идей, и книга Тарда "*Сравнительная криминалистика*" - одна из лучших среди подобных попыток. Месье Тарде - судебный пристав, а не алиенист или антрополог; он затрагивает все разнообразные проблемы преступности с неизменным умом и остротой, а также редким очарованием литературного стиля, освещая наводящей критикой все, к чему он прикасается. Этот легкодоступный небольшой том "*Современной философии*" - самое полное введение для тех, кто хочет спуститься в город, усыпанный розами. Лакассань, выдающийся медико-юридический эксперт из Лиона и редактор ценного издания "*Archives de l'Anthropologie Criminelle*" (), стоит, пожалуй, во главе французских криминальных антропологов, хотя кроме своей монографии "*Les Tatouages*", он мало что опубликовал. Судебные качества его ума и способность выражать справедливые и масштабные концепции в ярких и запоминающихся

фразах придают ценность всему, что он пишет, а его предстоящая работа о преступном человеке, вероятно, для всех практических целей вытеснит другие труды. Книга А. Кочера, ученика Лакассаня, *"Преступность у арабов"* представляет большой интерес, а имена Манувье, Борне, Корре, Лорана и др. хорошо известны в связи с криминальной антропологией во Франции, в то время как Фере умело представляет французскую школу, которая объясняет преступность только дегенерацией.

В Германии серьезное изучение преступника, можно сказать, началось с Краффт-Эбинга, выдающегося профессора психиатрии, ныне живущего в Вене, который, четко изложив в своей *"Grundzuge der Kriminal Psychologie"* (1872) и других работах доктрину криминального психоза и указав на ее практические результаты, заслуживает, как замечает Краусс, считаться важным предшественником Ломброзо. Кнехт антропологически изучил более 1200 заключенных. Доктор А. Краусс, начавший с исследований в области криминальной психологии, впоследствии проделал большую работу в области криминальной антропологии. Флеш сделал важные наблюдения над патологией преступников; Бенедикт, известный в связи с различными интересными исследованиями в области криминальной антропологии, начал в 1879 году с замечательного исследования мозга преступников, в котором он наблюдал частое слияние расщелин, как у некоторых низших рас, а также дополнительное свертывание в лобной доле, которое он приравнивал к таковому у плотоядных. Его выводы в этой сложной области исследований были, однако, значительно поколеблены профессором Джакомини из Турина и другими, которые показали, что подобные аномалии встречаются, хотя и не так часто, у нормальных людей. Блестящий венский профессор в своей недавно опубликованной работе *"Краниометрия и кефалометрия"* показал себя самым оригинальным и наводящим на размышления из ныне живущих исследователей архитектуры черепа.

В Голландии профессор Ван Хамель из Амстердама представляет новый дух подхода к проблемам преступности.

В Бельгии, где великий труд Кетеле *"Социальная физика"* положил начало криминальной социологии и где тюремная реформа, всегда привлекавшая большое внимание, теперь умело представлена профессором Адольфом Принсом, результаты криминальной антропологии были приняты и обсуждены с интересом и сочувствием, и были проведены различные исследования. Сюда же следует отнести профессора Хегера и доктора Семалю из Монса. В 1884 году Антропологическое общество Бельгии назначило комиссию по изучению криминальной антропологии. Это привело к различным интересным исследованиям, ни одно из которых, однако, не имеет большого значения.

В Испании и Португалии криминальная антропология преследуется с большим рвением. Среди главных ее представителей можно назвать, прежде всего, Веру и Рафаэля Салильяс (чья интересная книга *"Уголовная жизнь в Испании"* дает очень яркую картину жизни в испанских тюрьмах), а в Лиссабоне - Бернардо Лукаса. Следует также упомянуть Д'Азеведо Кастелло Бранко, заместителя директора лиссабонской тюрьмы. В 1889 году на конгрессе, проходившем в Лиссабоне, была всесторонне обсуждена связь криминальной антропологии с пенализацией, правовой реформой и смежными проблемами.

В быстро развивающихся испанских странах Южной Америки, особенно в Аргентинской Республике, криминальная антропология, похоже, делает большие успехи. Она официально преподается в Университете Буэнос-Айреса. Луис дель Драго, судья в Аргентинской

Республике, со своим трудом "*Los hombres de Presa*" (1888 г.), искусным исследованием преступности, которое быстро вышло вторым изданием, что свидетельствует о всеобщем интересе к этим исследованиям, и некоторые другие работники, свидетельствуют о прогрессе, достигнутом в этой стране. По инициативе доктора дель Драго и его влиятельных соратников в 1888 году в Буэнос-Айресе было основано Общество содействия криминальной антропологии, "чтобы изучить личность преступника, установить степень его опасности и ответственности, а также осуществить постепенную и прогрессивную реформу уголовного законодательства в соответствии с принципами новой школы". В Бразилии главным представителем этой науки является профессор Виейра де Аранжо из Пернамбуку.

В России и Польше, несмотря на то, что криминальная антропология стала изучаться совсем недавно, она делает значительные успехи. Беляков, в *архиве психиатрии* Харькова, изучил 100 убийств. Профессор Тройцки из Варшавы опубликовал тщательное исследование 350 заключенных. Доктор Прасковья Тарновская изучила 100 женщин-воровок, которых она сравнила со 150 проститутками и 100 крестьянками. С юридической стороны Дмитрий Дриль занимается большим трудом, из которого в настоящее время опубликован только один том, в котором он подробно об органических факторах преступности и о социальном применении криминальной антропологии. Русские, похоже, проявляют характерную дерзость в применении новой науки, и в России существует чувство, не только против заключения преступников в тюрьму, но даже против их уединения. В 1885 году молодая девушка убила еврейского ребенка, чтобы завладеть деньгами отца ребенка, богатого ростовщика, для своего любовника. Профессор Бабинский заявил, что она не сумасшедшая, но полностью лишена нравственных понятий, что она неизлечима и что было бы совершенно бесполезно (бесполезно, то есть с медицинской точки зрения) помещать ее в психушку. Она была оправдана.

Только в Великобритании за последние пятнадцать лет не было зафиксировано ни одной научной работы в области криминальной антропологии. Когда в 1888 году доктор Кутань открыл "Английскую хронику" в *Архиве криминальной антропологии*, он не мог скрыть своего смущения. В то время как итальянские, испанские, португальские и русские сводки основаны на большом количестве работ по криминальной антропологии, в Англии нет абсолютно никакого центра для научного изучения преступности. "Юридическая медицина, - замечает он, - не имеет ни специального издания, ни научного общества. На Международном медицинском конгрессе в Лондоне в 1881 году, несмотря на столь замечательную организацию, она была освещена хуже, чем ларингология или стоматология, и не стала объектом ни одной секции, государственная медицина была почти синонимом гигиены. Если мы обратимся к научным журналам Англии, посвященным смежным темам, то наш багаж пополнится очень немногим". В 1889 году была основана Международная ассоциация уголовного права профессором Г. А. Ван Хамелем из Амстердама, профессором Фр. фон Листом из Марбурга и профессором Адольфом Принсом из Брюсселя. Эта ассоциация, имеющая большое будущее, представляет собой, с научной и практической точки зрения, движение реформ в вопросах, касающихся уголовного права. Она утверждает, что преступность и ее пресечение должны рассматриваться как с социальной, так и с юридической точки зрения. Она стремится утвердить этот принцип и его последствия в науке уголовного права, а также в уголовном законодательстве. Ассоциация уже насчитывает от трех до четырехсот членов, в нее входят известные представители из двадцати одной страны Европы и Америки. Англия представлена наименее широко; по численности английские члены стоят в одном ряду с португальскими, сербскими и аргентинскими. Германия представлена более чем в двадцать раз лучше.^[15] Англия не проявила никакого интереса к Международному конгрессу криминальной антропологии, недавно прошедшему в Париже.

На этот конгресс приехали официальные делегаты со всех концов цивилизованного мира, от России до Гавайев, но, хотя от Соединенных Штатов было двое, от Великобритании не было ни одного. Когда около двенадцати месяцев назад я опубликовал серию вопросов, касающихся некоторых основных моментов в расследовании преступлений, для медицинских работников крупных тюрем Великобритании и Ирландии, ответы, которые я получил, хотя иногда и представляли большой интерес - и я обязан своим корреспондентам за их стремление отвечать в меру своих возможностей - были вполне достаточными, чтобы показать, что уголовная антропология как точная наука еще неизвестна в Англии. Некоторые из моих корреспондентов, боюсь, даже не слышали, существует ли криминальная антропология.^[16] Однако в прошлом Англия была домом для исследований, связанных с положением преступника. Столетие Джона Говарда, которое мы недавно отмечали, является ярким свидетельством этого факта. Пятьдесят лет назад англичане стремились отличиться изобретением патентованных усовершенствованных беговых дорожек и подобных, ныне устаревших устройств, направленных на благо преступника. Мы рьяно взялись за терапию преступлений; теперь настало время изучать симптоматику преступника, его диагноз, его патологию, и едва ли можно представить, что в этих исследованиях Англия еще долго будет отставать от остального цивилизованного мира.

ГЛАВА III.

КРИМИНАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ (ФИЗИЧЕСКАЯ).

§ 1. Характеристики черепа и головного мозга.

В прошлом форме и размерам головы придавалось гораздо большее значение, чем мы можем придать им сейчас, хотя эта тема все еще сохраняет большой интерес. Накоплено огромное количество данных о головах преступников; некоторые результаты противоречивы, но определенные выводы напрашиваются сами собой.

Средний размер головы преступников, вероятно, примерно такой же, как и у обычных людей, но как маленькие, так и большие головы встречаются в большей пропорции, а головы среднего размера - в дефиците. То же самое, как показали Тиггес и другие, относится и к сумасшедшим, хотя среди них в большей степени преобладают крупные. Воры чаще имеют маленькие головы; большие головы обычно встречаются среди убийц.

О цефалических показателях нельзя сказать ничего определенного, кроме того, что они часто преувеличивают показатели расы, к которой принадлежит преступник; длинноголовые иногда очень длинные, а широкоголовые - очень широкие; корсиканский преступник часто бывает очень долихоцефальным, а бретонский - очень брахицефальным.

Существует общепризнанная тенденция к заостренной (оксицефалической) или сахарной форме головы. Хотя эта форма, как отмечает Бенедикт, вероятно, является попыткой компенсации, эта попытка свидетельствует о дефектах организации. Противоположный дефект - низкий или плоский череп - также встречается среди преступников и характерен для дегенерации. Лавернь в своей старой книге о преступниках дает яркую и живописную

зарисовку разновидности такого типа головы, которую он назвал сатанинским типом и которую он обнаружил у многих самых страшных преступников: "Это головы, которые художники вставляют в свои картины и называют "головами потустороннего мира". Я узнавал их на средневековых картинах и во всех музеях, где хранятся произведения раннего искусства. Вы увидите их на старых соборах, в которых играют роль дьяволы, или везде, где художник получил дьявольское вдохновение, как на Кампо Санто в Пизе. Нельзя, действительно, лучше представить гения зла, Сатану, падшего ангела, чем дать ему такую голову..... За лобными костями голова, по-видимому, была перевязана лентой, чтобы сжать ее вокруг и заставить опухать полушария вверх и назад. Такую голову вульгарно называют сахарной. Когда она завершена, то есть представляет собой выдающееся основание, поддерживающее наклонную пирамиду, более или менее усеченную, эта голова возвещает о чудовищном союзе самой выдающейся способности человека, гения, с наиболее выраженными побуждениями к изнасилованию, убийству и воровству". Бенедикт считает двустороннее повышение сагиттального шва хотя и редким, но "свидетельствующим о глубоких извращениях мозговой деятельности". Он также считает непропорциональное развитие затылочной части черепа характерным признаком дегенерации. [17] Похоже, что задняя половина черепа у разных людей варьирует гораздо больше, чем передняя.

Ломброзо и другие отмечали, что объем глазницы часто превышает норму (как у хищных птиц и некоторых диких животных), особенно у воров. Наблюдается заметное преувеличение орбитальных дуг и лобных пазух, что может быть связано, во всяком случае, у лиц, живущих в деревне, с энергией дыхательной системы.

Покатый лоб, очень часто наблюдаемый у преступников, всегда считался свидетельством низкой умственной и моральной организации, и не без оснований, хотя, как отмечают Тен-Кейт и Бенедикт, следует помнить, что необходимо принимать во внимание широту, сводчатость и общий размер головы. Многие люди, обладающие заметной интеллектуальной силой, имели покатый лоб.

Тенчини отметил (и это наблюдение впоследствии было подтверждено), что лобный гребень часто сильнее и заметнее у преступников. В нормальных черепах он обнаружил его длину 3-4 миллиметра, у преступников - часто 5-6 мм. Он также больше у сумасшедших и низших рас, и относительно больше у орангутангов. Он может означать преждевременное соединение двух частей лобной кости с последующей остановкой развития мозга.

Наличие срединной затылочной ямки было специально отмечено Ломброзо, иногда в связи с гипертрофией вермиса мозжечка, как у низших обезьян, у человеческого плода между третьим и четвертым месяцами и у некоторых низших рас.

Отсутствие симметрии черепа - одна из наиболее заметных черт преступного черепа, хотя в настоящее время она не часто подвергается точному измерению. [18] Следует помнить, что каждый череп, преступный или не преступный, имеет недостаток в строгой симметрии (и, самом деле, каждая часть тела также), и что статистика здесь не имеет большого значения; это просто вопрос количества асимметрии; и два наблюдателя, просматривающие одну и ту же серию черепов, почти наверняка придут к различным выводам. Однако, скорее всего, они оба найдут, что доля асимметричных голов больше в криминальной серии, чем в обычной.

Все эти черепные аномалии изредка встречаются у обычных людей; очень редко они встречаются в сочетании у нормальных людей в той степени, в какой они встречаются у инстинктивных преступников. Так, Ломброзо, исследуя череп Гаспароне, знаменитого разбойника начала века, чье имя до сих пор живет в легендах и поэмах, обнаружил микроцефалию лобной области, червеобразную кость, эвригматизм, увеличение глазниц,

оксицефалию и крайнюю долихоцефалию. Мингаццини обнаружил, что из тридцати преступников восемь имели мозг и череп такого веса и объема, который встречается только у субмикроцефалических субъектов; что у нескольких из них в мозге или черепе, или в обоих случаях наблюдалось объединение нескольких аномалий; и что в черепах других шести человек аномалии были настолько разнообразны, что представляли собой аспект, который можно назвать "полностью тератологическим"[19] Большинство этих аномалий гораздо чаще встречаются в мужском, чем в женском черепе. Если, однако, сравнить женщину-преступницу с нормальной женщиной, то окажется, что она более близка к нормальному мужчине, чем последний; в то время как соответствующий характер (женственность) встречается у преступников не так часто, как у нормальных мужчин, за исключением педерастов и некоторых воров. Можно также отметить, что почти все эти аномалии гораздо реже встречаются у сумасшедших.

На пластинах I.-VI. представлена серия голов осужденных, информацию о которых можно найти в Приложении А, иллюстрирующая весьма примечательным образом многие из особенностей, отмеченных в этом и последующих разделах. Они воспроизведены с зарисовок, сделанных доктором Вансом Кларком, бывшим начальником тюрьмы в Уокинге. Тридцать шесть из них я отобрал из 111 аналогичных в записных книжках доктора Кларка. Как отмечает доктор Кларк, это скорее исключительные, чем типичные головы; но поскольку он прекратил делать зарисовки после того, как увидел около тысячи человек, приведенные образцы, очевидно, отнюдь не являются исключительными. Они представляют по меньшей мере 10 процентов преступников, которых он видел. "Мои зарисовки, - пишет он, - были сделаны в "образцовой тюрьме" Пентонвилля, где на меня была возложена обязанность заполнять историю болезни каждого осужденного по его прибытии, и я был побужден использовать свой альбом для зарисовок во время физического осмотра, заметив замечательные особенности в головах и лицах многих преступников. Портреты были сделаны в спешке, но они были правдивыми и считались удачными как сходства. Могу сказать, что я был вынужден сделать выборку скорее из-за нехватки времени, чем из-за недостатка материала. В меньшей степени встречались случаи неправильной формы головы и отталкивающие черты лица". Некоторые из черепных и лицевых особенностей, отмеченных криминальными антропологами, представлены на этих зарисовках в таком хорошо выраженном виде, что можно сказать, что они были сделаны несколько лет назад, до публикации работы Ломброзо, и поэтому доктор Кларк не мог бессознательно находиться под влиянием каких-либо предвзятых представлений об этом предмете.

Еще в 1836 году Лелют взвесил десять мозгов преступников, и его результаты, по словам Топинара, оказались ниже нормальных. Бишофф в 1880 году опубликовал результаты важной серии наблюдений за весом мозга у преступников. Он взвесил мозг 137 преступников и 422 нормальных людей. Он обнаружил, что мозг малого и среднего размера встречался примерно одинаково часто у преступников и у нормальных людей; в то время как среди более тяжелых мозгов, весом от 1400 до 1500 граммов, преступников было 24 процента, а нормальных людей - 20 процентов. Топинар, собрав воедино результаты нескольких серий наблюдений за весом мозга у преступников и сравнив их с данными Брока для обычных людей того же возраста, обнаружил, что преступники уступают в весе примерно на 30 граммов. Есть основания предполагать, что вес мозжечка у преступников часто значительно превосходит вес нормального дикаря. В целом ясно, что вес мозга у преступников не имеет большого значения, и этот вывод согласуется с таким фактом, как то, что мозг Гамбетты по весу напоминал мозг микроцефалического идиота.

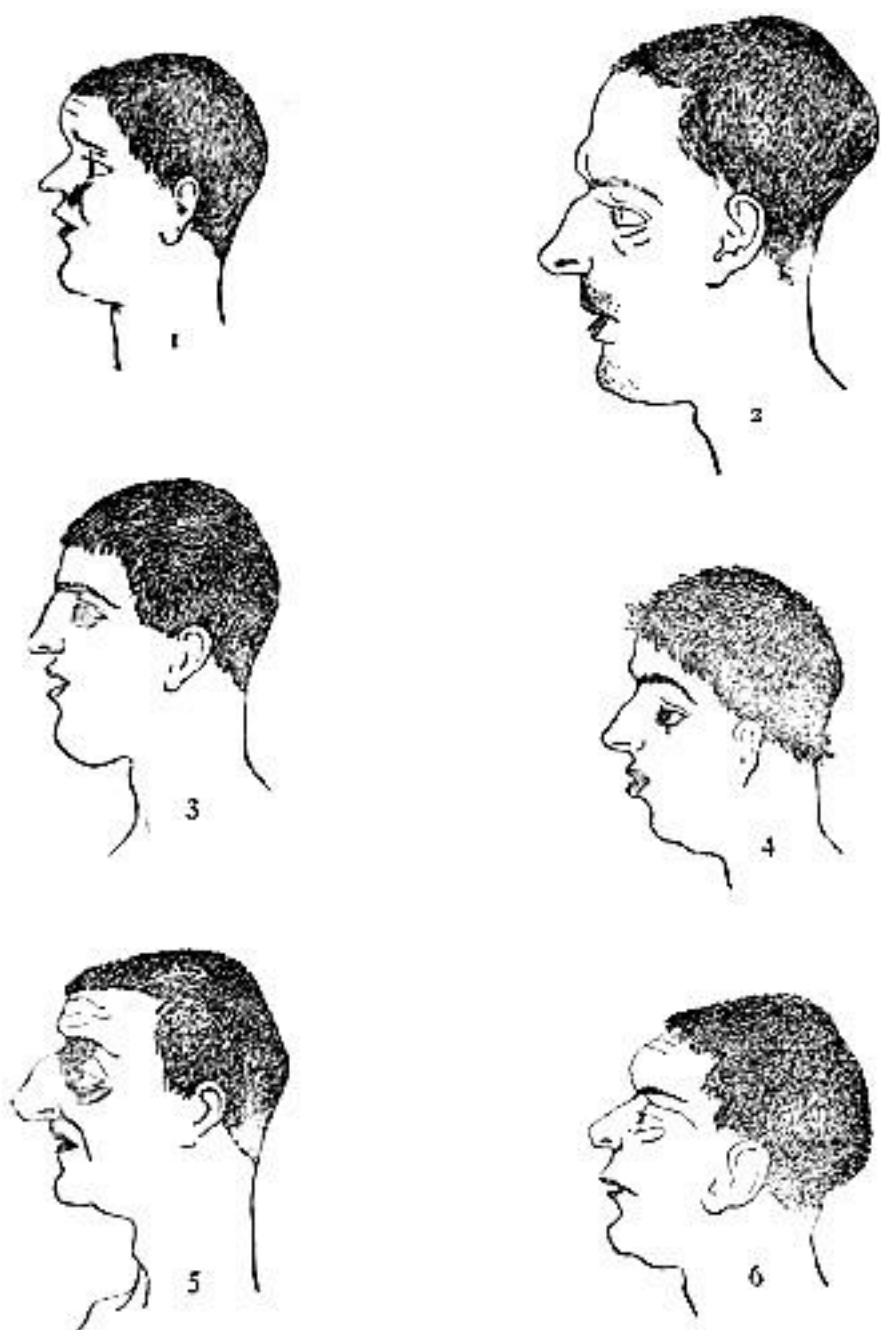
ПЛАТА I.

ПЛАТЬЕ II.

ПЛАТЬЕ III.

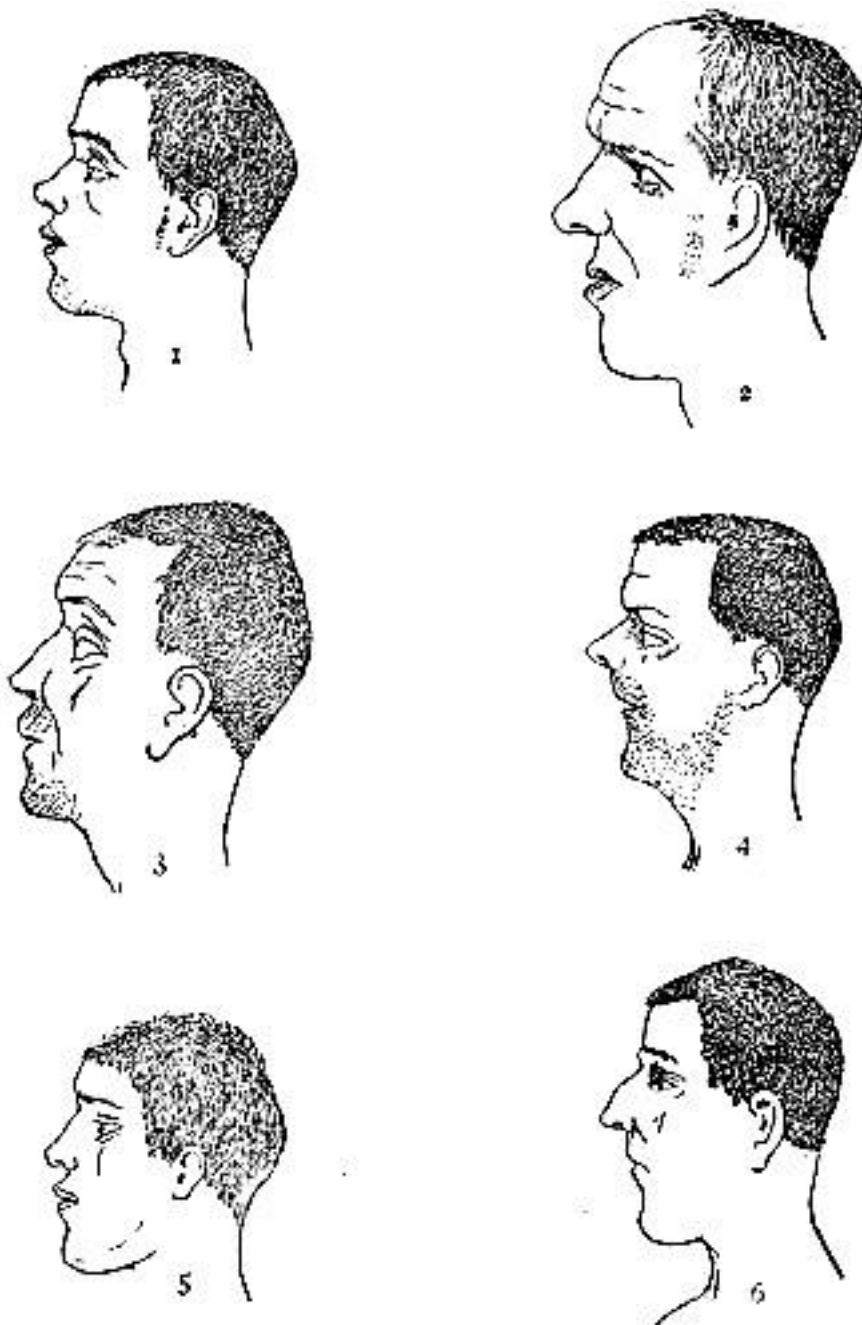
ПЛАТА IV.

ПЛАТЬЕ V.

ПЛАТЬЕ VI.

Существует больше доказательств в пользу того, что форма мозга, его относительное развитие, состояние и соотношение его извилин имеют определенное значение. Брока, Топинар и многие другие выдающиеся антропологи и анатомы приписывали этим отношениям большое значение. Галл, пожалуй, первым заподозрил их значение. Бенедикт в 1879 году опубликовал несколько интересных обобщений об исследованном им мозге преступников. Он обнаружил особую частоту слияния расщелин; то есть, по его собственному описанию, если представить расщелины мозга как каналы с водой, пловец мог бы с легкостью пройти через все эти каналы. Бенедикт также обнаружил в мозге своих преступников, что в лобной доле часто встречаются четыре извилины, особенность, которую он рассматривал как возвращение к плотоядному типу; исследования Хано и Бушара подтвердили эти результаты. Однако Бенедикт пренебрег адекватным сравнением с нормальным мозгом, а Джакомини, Корре, Фаллот и Фере показали, что эти особенности не так уж редки у обычных людей. Вопрос о сливающихся трещинах еще до этого привлек

внимание Брока, и его выводы, вероятно, все еще могут быть приняты: "Одна или несколько таких коммуникаций, - сказал он, - не мешают мозгу быть одновременно очень умным и очень хорошо сбалансированным, но когда их много и когда они затрагивают важные части, они указывают на дефекты развития. Они часто встречаются в маленьких мозгах слабоумных и идиотов, очень часто также в мозгах убийц, с той разницей, что в первом случае они связаны с малостью извилин и мозга в целом, а во втором случае они совпадают с извилинам по большей части большого размера, и свидетельствуют о неправильном развитии мозга". Флеш изучил мозг пятидесяти преступников и обнаружил, что у каждого из них наблюдалась какая-то аномалия, иногда весьма примечательная, например неполное покрытие мозжечка мозговой оболочкой. Он обнаружил два вида отклонений, один из которых характеризуется меньшим богатством сверток, чем обычно встречается в обычном мозге, а другой - гораздо большим богатством сверток, чем он когда-либо наблюдал в нормальном мозге. В целом мы можем согласиться с Эрве, что "мозг преступников представляет собой не характерную особенность, а общее с мозгом других людей, плохо одаренных, но отнюдь не преступников, частое сочетание дефектных условий с точки зрения их обычных функций, что делает их неполноценными"[20].

Несмотря на то, что в настоящее время накоплена значительная масса доказательств, мы знаем о мозге преступников значительно меньше, чем об их черепе. В значительной степени это связано с тем, что в настоящее время недостаточно данных о состоянии нормального и здорового мозга, и если не провести тщательные серии наблюдений за нормальными людьми, наблюдения за мозгом преступников не могут быть интерпретированы.

Важный вопрос о сосудистом снабжении мозга у преступников еще не получил должного внимания, но в мозговом веществе и оболочках были обнаружены разнообразные патологические признаки - пигментация, дегенерирующие капилляры, кисты, утолщенные и слипшиеся оболочки, остатки старой гиперемии и кровоизлияний. Некоторые из этих состояний встречаются с большой частотой, гораздо чаще, чем у умалишенных; например, менингит, согласно опыту Ломброзо, обнаруживается в 50 процентах случаев; Флеш получил очень похожие результаты. Частота менингита была отмечена в некоторых ответах на мои вопросы, особенно одним тюремным хирургом, который написал о "хорошо организованных спайках между твердой мозговой оболочкой и сводом черепа, локализованных, но более обширных, чем можно было бы ожидать". К сожалению, он не смог предоставить точных данных о частоте таких признаков. Следует добавить, что в очень редких случаях эти патологические поражения вызывали какие-либо симптомы в течение жизни.

§ 2. Лицо.

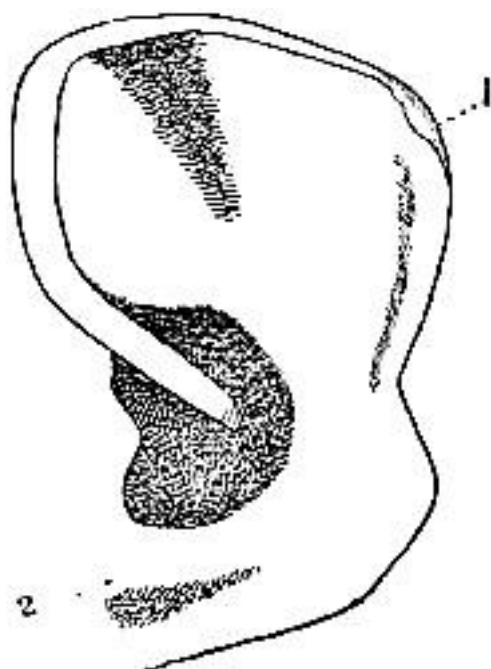
Прогнатизм часто отмечается как характерная черта преступного лица, как у мужчин, так и у женщин. Однако этот вопрос требует дальнейшего изучения с учетом расовых особенностей, доли прогнатичных людей среди населения в целом, а также метода и единообразия измерений.

Несомненно, нижняя челюсть у людей, виновных в преступлениях насилия, часто развита очень хорошо. Квадратность и выпуклость челюсти очевидны для глаза, и это подтверждается взвешиванием после смерти, как было показано Манувье. Средний вес черепа парижского преступника, если и ниже, чем у обычного парижанина, но если средний вес нижней челюсти у последнего составляет около 80 граммов, то у убийц - около 94 граммов. В этом отношении преступник похож на дикаря и доисторического человека; у сумасшедших челюсть весит меньше, чем в среднем по норме. Тип покато подбородка

также часто встречается у мелких преступников, случайных или привычных, которые являются преступниками по слабости; такие головы Лавернь называет *têtes moutonnes*.

Выраженность зигомы или скуловой кости отмечается многими наблюдателями, особенно у сексуальных преступников, среди которых Марро обнаружил ее у 30 процентов против 22 процентов у нормальных людей. Это напоминает замечание, сделанное много лет назад Чарльзом Кингсли: "Я обычно наблюдал при сильной животной страсти тенденцию к высокой скуле"; но он ограничивает это обобщение женщинами и теми, кто имеет темное телосложение. Вирхов считает, что большому развитию челюстей и скул (к которым крепятся мощные мышцы) способствует грубая и жесткая пища на протяжении многих поколений.

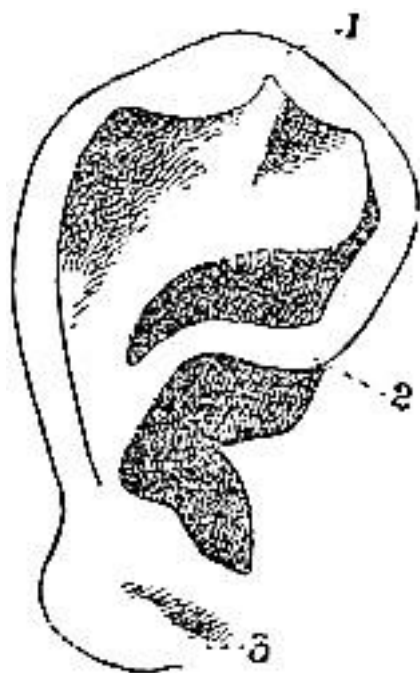
Несколько отдельных наблюдений было сделано над зубами преступников Ломброзо, Цуккарелли и другими, которые отметили некоторые аномалии, такие как преувеличенное или недостаточное развитие клыков; а доктор Прасковья Тарновская, изучая сто женщин-воровок, обнаружила дефекты костного нёба и недоразвитые зубы среди наиболее частых аномалий. Однако, насколько мне известно, до сих пор не было проведено обширных и тщательных наблюдений за зубами преступников. Желательно, чтобы это было сделано. Ход эволюции зубов у высших млекопитающих в настоящее время достаточно хорошо известен. Атавизм в зубных аномалиях хорошо известен среди человеческих рас; четвертый моляр, например, обычно встречающийся у платиновых обезьян, иногда встречается у человека: в какой пропорции он встречается у преступников? Каково относительное состояние клыков? Зубы мудрости вымирают; они отсутствуют у низших рас только в 19 процентах случаев, в то время как у высших рас они отсутствуют в 42 процентах наблюдаемых случаев (Мантегацца). Как обстоят дела с преступниками в этом отношении? Развитие зубов очень тесно связано с развитием нервов и мозга. Необычайная частота зубных и нёбных аномалий у идиотов была отмечена в Англии в 1860 году Баллардом и Лэнгдоном Дауном, а в последние годы они были тщательно изучены доктором Тальботом из Чикаго и доктором Алисой Солье из парижской клиники Bicêtre. В связи с недоразвитыми зубами, которые доктор Тарновская так часто находила у женщин-воровок, стоит отметить, что доктор Солье обнаружила аномально маленькие зубы у 13 процентов своих идиотов. Среди безумцев зубные аномалии встречаются сравнительно редко.

1. Дарвиновский бугорок и отсутствие спирали.
 2. Отсутствие дольки и антрагуса.
- (Фере и Сеглас.)

Даже ненаучные наблюдатели отмечают, что среди преступников часто встречаются выступающие или длинные и объемные уши. В ответах на мои вопросы, адресованные медицинским работникам тюрем, я обнаружил, что выдающиеся уши преступников получили большее признание, чем любая другая аномалия. Так, д-р В. Кларк говорит: "Сильно развитое наружное ухо является общей чертой"; другие говорят о том, что "уши часто большие и выдающиеся" и т. д. Ломброзо обнаруживает ухо *ad ansa*, как он его называет, - ухо в форме ручки - у 28 процентов своих преступников; Кнехт - у 22 процентов; Марро - не чаще, чем у обычных людей. Оттоленги, который недавно исследовал уши почти 600 преступников и 200 обычных людей, обнаружил, что если среди последних они встречаются у 20 процентов, то среди первых - у 39 процентов, причем процент варьируется от 35 среди воров до 42 среди осужденных за нападения и ранения. Это наблюдение действительно не является недавним. Читая в последнее время любопытный трактат по физиологии Средневековья, "*De Secretis Naturæ*" Михаила Скотта, я обнаружил, что очень плохой характер имеют те люди, чьи уши необычайно длинные или широкие в поперечном направлении; они дерзки, тщеславны, глупы, неспособны к работе. Если перейти к сравнительно недавним временам, то Громанн в 1820 году отметил выдающееся ухо как характерную черту преступника. Морель изучал аномалии уха, особенно в связи с наследственностью; Фовилль, как сообщает мне доктор Барнс, привык указывать на их значение у сумасшедших; а в Англии Лейкок в полной мере оценил их значение как признаков вырождения[21]. Лэнгдон Даун, работающий в том же направлении, что и Лэйкок, указывает в книге "*Психические заболевания детского возраста*" на частоту врожденных деформаций ушей у идиотов и слабоумных, часто связанных с перепончатыми пальцами рук и ног; также на вживание ушей дальше назад, чем обычно, что дает преувеличенное развитие лица. Во Франции, Италии и Германии за последние два-три года появилась значительная литература по этому вопросу, среди которой небольшая книга Фриджеро "*Внешняя ушная раковина: Étude d'Anthropologie Criminelle*" (Париж, 1888), является, пожалуй, самой ценной. Д-р Фриджеро, уделивший особое внимание этой особенности как среди преступников, так и среди душевнобольных, находит некоторые особенности очень распространенными, а также отмечает различные аномалии движения в пинне и его частичную гиперемия, особенно у невротиков. На основании обследования нескольких сотен испытуемых он приходит к выводу, что ушно-височный угол (измеренный специальным отометром от края пинны до сосцевидного отростка) постепенно изменяется от менее 90° у нормального человека, более 90° у преступников и сумасшедших, до более 100° у обезьян. Он обнаружил, что большой угол очень заметен у убийц; в меньшей степени - у воров. Самое длинное ухо, которое Фриджеро когда-либо видел у мужчины или женщины, было у женщины, осужденной за соучастие в убийстве своего мужа; левое ухо было 78 мм., правое - 81 мм. (норма - 50-60 мм) в длину. Ее отец, две сестры и три двоюродных брата обладали чрезмерно большими ушами, и все они были осужденными. Дегенеративные изменения, которым он приписывает наибольшее значение, - это дарвиновский бугорок, то есть заостренный выступ на внешнем крае уха, часто встречающийся у сумасшедших и преступников, удвоение задней ветви вилки антигелия и конический трагус (очень частый в детстве и у обезьян), часто встречающийся у сумасшедших и преступников. Фере и Сеглас,[22] обследовавшие более 1200 человек - здоровых, безумных, идиотов и эпилептиков, - обнаружили аномалии, часто встречающиеся у эпилептиков и особенно у

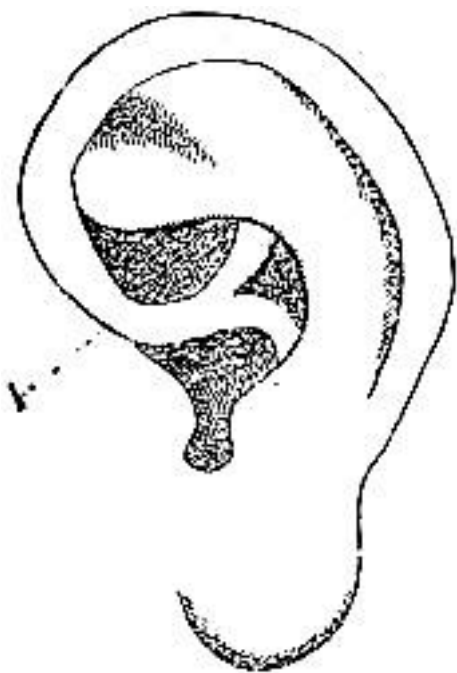
идиотов, но не более частые среди безумных, чем среди здоровых. Они особенно отметили количество аномалий, часто встречающихся у одного и того же субъекта, а также связь между дефектами уха и сексуальными аномалиями. Комитет, назначенный Британской медицинской ассоциацией для изучения развития и состояния функций мозга у детей в начальных школах, обнаружил, что дефекты уха особенно часто встречаются в связи с нервными дефектами и умственной слабостью[23].

1. Дарвиновский бугорок.
 2. Корень спирали, разделяющий конху на две отдельные полости.
 3. Адгезивная долька.
- (Féré and Séglas.)

Наиболее распространенные (так называемые) атавистические аномалии уха - то есть те, которые чаще и заметнее всего встречаются у антропоидов и других приматов, - это дарвиновский бугорок,[24] отсутствие одной из ветвей вилки, отсутствие спирали, выпячивание антиспиральи, преувеличенное развитие корня спирали, отсутствие мочки. Прилегающая мочка может часто наблюдаться у хорошо развитых особей; она не встречается у приматов и, по-видимому, не имеет особого значения.

Выступающее ухо обычно считается атавистическим признаком, и это вполне обоснованно, поскольку оно встречается у многих обезьян, у некоторых низших рас, и соответствует обычному расположению уха у плода. Марро предпочитает считать его болезненным, поскольку он так часто сочетается с истинными дегенеративными аномалиями, и потому что он не всегда встречается у самых низких человеческих рас; например, Гартманн часто находил его у европейских крестьян, а в Африке чаще у турок, греков и мальтийцев, чем у коренных феллахинов, берберов и негров Судана. Среди такой низкой расы, как австралийцы, ухо часто, как я заметил, имеет очень хорошую форму. В то же время выступающее ухо часто сопровождает глухонмоту: доктор Альбертотти обнаружил его у шестнадцати из тридцати трех глухонемых.

1. Загибание корня спирали.
(Féré и Ségla.)

Ухо, как известно, очень чувствительно к вазомоторным изменениям, причем незначительные изменения могут заметно повлиять на кровообращение; так, у бледных, нервных людей пустяковое волнение может вызвать покраснение ушей. Гальтон рассказывает о школьной учительнице, которая судит об утомлении своих учеников по состоянию их ушей. Если уши белые, дряблые и оттопыренные, она делает вывод, что дети очень утомлены; если они расслаблены, но красные, значит, они страдают не от переутомления, а от борьбы со своей нервной системой, которую редко удается контролировать в четырнадцать или пятнадцать лет. Если среди преступников подобная чувствительность встречается нечасто, то некоторые люди невротического темперамента, а также некоторые сумасшедшие, обладают способностью, редкой среди нормальных людей, двигать ухом. Фриджерио отмечает движения верхних и задних мышц, особенно при прикосновении; у обезьян также действует поперечная мышца. Фриджерио связывает эту способность к движению с вечным страхом, с постоянной настороженностью; многие из преступников с этой особенностью были рецидивистами, а трое из сумасшедших страдали манией преследования.

Интерес этих исследований, которые сейчас так активно проводятся, в отношении пороков развития пинны у преступников очевиден. Несколько изобретательных людей пытались объяснить некоторые из них влиянием головного убора, оттягиванием ушей и т. д.; но в целом общепризнанно, что они являются врожденными. Поэтому их изучение имеет несомненную ценность для установления природных особенностей преступного человека. По-прежнему необходимы тщательные серии наблюдений за преступниками, сумасшедшими, эпилептиками и идиотами, и каждая такая серия должна контролироваться аналогичной серией наблюдений того же наблюдателя за обычными людьми.

Нос преступника был измерен и изучен Оттоленги с большой тщательностью и энтузиазмом.^[25] Он обнаружил, что нос преступника в целом прямолинейный, реже волнистый, с горизонтальным основанием, средней длины, довольно большой и часто отклоняющийся в одну сторону, и описал несколько разновидностей. Так, типичный воровской нос прямолинейный, часто изогнутый, короткий, большой, часто искривленный, с приподнятым основанием. У сексуальных преступников нос наиболее прямолинейный, хотя волнистый профиль носа встречается у них чаще, чем у других групп преступников, средней длины и довольно крупный. Оттоленги считает, что его наблюдения помогают показать, как на скелете, так и в жизни, анатомическую связь между преступниками против личности, эпилептиками и мономаньяками, а также связь между ворами, сексуальными преступниками и крестинами. Его наблюдения полны и интересны, но вопрос требует дальнейшего изучения; антропологическое значение носа еще не до конца осознано.

Большинство авторов, пишущих о преступниках, говорят о бледности кожи; это было отмечено в очень отдаленные времена Полемоном, Инджнери и другими ранними физиогномистами. Марро обнаружил ее у 14 процентов преступников против 3 процентов среди обычного населения. Он считает, что это связано с привычным мозговым застоем. Бледность также вызывается (как указывает Коладжанни и подтверждает на личном опыте) длительным тюремным заключением, даже при благоприятных обстоятельствах. Вероятно, влияние этой причины еще не было устранено с достаточной тщательностью.

Оттоленги исследовал морщины на лицах 200 преступников по сравнению с 200 нормальными людьми. Он обнаружил, что у преступников они встречаются гораздо чаще и выражены гораздо сильнее, чем у не преступников, и это должно было поразить многих людей, которые видели большое количество преступников или фотографий преступников. Относительная частота особенно заметна в скуловых и генио-ментальных морщинах, а лбы, даже у молодых преступников, и когда лицо находится в состоянии покоя, иногда представляют собой любопытно обозначенный и забитый вид. Следует отметить быстрое появление этих морщин. "Мы находили молодых преступников четырнадцати лет, - замечает Оттоленги, - с морщинами более явными и выраженными, чем у многих нормальных мужчин старше тридцати лет". Именно эти преждевременные морщины придают молодым преступникам тот аспект преждевременной мужественности, который уже отметили Ломброзо и Марро". "Следует отметить, - замечает он, - что часть лица, которая, благодаря преобладанию морщин, демонстрирует более активное выражение у преступников, как и у других дегенеративных людей, - это та часть, которая соответствует области носа и рта, то есть менее созерцательная, более материальная часть лица; И на самом деле, мы видим, что, за исключением некоторых убийц, у которых угрюмый взгляд и сморщенный лоб, типичный преступник обычно представляет в более рациональной и созерцательной части своего лица наименьшую степень активного выражения, что соответствует его ограниченной психической чувствительности."

§ 3. Аномалии волос.

Борода у преступников обычно скудная. По сравнению с 1,5 % случаев отсутствия бороды у нормальных людей, Марро обнаружил 13,9 % у преступников, и очень большая часть из них имеет скудную бороду. Наибольшая доля полных бород среди преступников была обнаружена Марро у сексуальных преступников.

На голове волосы обычно, наоборот, обильные. Марро наблюдал заметную долю шерстяных волос, что очень редко встречается у нормальных людей. Такой же характер был отмечен среди идиотов. В отличие от безумцев, облысение встречается очень редко. Среди женщин-преступниц часто отмечается удивительное обилие волос, которое иногда является их наиболее характерной физической особенностью, сопровождаемой необычным развитием тонких волос на лице и теле. Сальсотто, уделявший особое внимание преступным женщинам, обнаружил значительное распределение волос между лбом и пупком (как у мужчин) у 10 процентов из сорока женщин, которых он обследовал на предмет этого признака; такое распределение среди нормальных женщин встречается (по данным Шульце) только в 5 процентах случаев. Сальсотто также обнаружил обилие волос у семи из сорока женщин вокруг ануса - часть, которая у нормальных женщин редко снабжается волосами. Избыток пуха на лице с особой частотой встречается у женщин, виновных в детоубийстве. Стоит отметить, что (как отмечает доктор Лэнгдон Даун) среди идиотов часто встречаются аномалии в развитии волос. Некоторые из них волосаты по всему телу; 11 процентов имеют непрерывные брови.

Обилие волос, по-видимому, коррелирует с животной энергичностью, которая часто так заметна у преступников. В то же время его можно в какой-то степени объяснить задержкой развития или атавизмом, приводящим к недостатку бороды, которая в полностью развитом виде отличает, за редким исключением, только высшие человеческие расы. Сильные сексуальные инстинкты - это лишь проявление этой животной силы; отсюда, возможно, и связь между наличием необычного количества волос и детоубийством. В случае, выбранном Бакнилом и Тьюком в качестве типичного примера безумия у женщин из-за подавленного сексуального инстинкта, главной физической характеристикой было количество волос на теле; а в случае, записанном доктором Х. Сазерлендом (*West Riding Asylum Reports*, vol. vi.) о девушке, чья болезнь и последующая смерть, по его мнению, были вызваны "неудовлетворенным сексуальным желанием", были особо отмечены длинные светлые волосы, которые она с удовольствием распускала до колен. Французский писатель Рестиф де ла Бретонн, чьи необычные и ненормальные сексуальные наклонности проявились еще в раннем возрасте, сам оставил множество свидетельств в своей автобиографической книге "*Месье Николя*", заметил, что его тело было необычайно волосатым.

Что касается цвета кожи, то в Англии, Италии и Германии доля темноволосых людей среди преступников считается большей, чем среди обычного населения. Исключение из этого общего правила в случае сексуальных преступников (изнасилование и пæдерастия), по-видимому, хорошо заметно в Италии; хотя, насколько мне удалось выяснить, в Англии это наблюдается нечасто. Марро связывает светлые волосы сексуальных преступников с преждевременным половым созреванием светловолосых женщин, что подтверждается исследованиями профессора Пальяни. Исследования Марро и Оттоленги, проведенные на очень значительной территории, дали следующие результаты для Северной Италии

		Каштановые волосы.	Справедливо.	Черный.
Нормальные люди	(900)	90.78 процентов.	9.22 процентов.	
Преступники	(1620)	93.83 "	6.17 "	
Сексуальные преступники	(100)	81.85 "	16.67 "	1,48 процента.

Оттоленги отмечает, что преобладающий светлый цвет - красноватый[26].

Оттоленги обнаружил, что среди обычных рабочих и крестьян седые волосы в раннем возрасте встречаются гораздо чаще, чем среди 200 мужчин-преступников, которых он обследовал: так, в возрасте от 30 до 33 лет они составляют 60 % у первых и только 12 % у вторых. Это не относится к женщинам-преступницам, которые седеют быстрее, чем обычные женщины. Мужчины-преступники в этом отношении напоминают эпилептиков и особенно кретинов, у которых седые волосы встречаются редко. Облысение, показывает Оттоленги, очень редко встречается у преступников, причем не только у нормальных мужчин, но даже у эпилептиков и кретинов. В этом отношении преступник сильно отличается от обычного профессионального человека, у которого лысина встречается часто[27].

Существующие статистические данные о цвете волос у преступников, взятые в целом, в настоящее время не могут иметь большого значения. Не существует единой системы описания и номенклатуры ; трудно полностью учесть этнические различия, и редко существует адекватный стандарт сравнения для нормальных людей соответствующей расы. Из 129 человек, разыскиваемых Скотланд-Ярдом, 45 имеют "темно-каштановые" волосы, и из них 17 (*т. е.* 37,7 процента) характеризуются как "опасные", "отчаянные", "эксперты" или "печально известные"; 46 имеют "каштановые" волосы, и из них 14 (*т. е.* 30 %) "опасны" и т. д.; 11 - "темные" (9) или "черные" (2), и из них 3 (*т. е.* 27,2 %) "опасны"; 27 описаны как "светло-коричневые", "светлые", "песочные", "светлые", "русые" (одна, женщина), "рыжие" (один, мужчина, который "опасен"), и из них 9 (*т. е.* 33,3 %) "опасны" и т. д. По моим наблюдениям, доля рыжеволосых людей примерно такая же, как среди мужчин среднего класса в городе, но значительно ниже, чем, по мнению доктора Беддоу, главного авторитета по этому вопросу (в его *"Расах Британии"*), среди низших классов в Лондоне - т.е. около 4 процентов. Именно из этого класса в основном и были взяты преступники, о которых идет речь, но они не принадлежат исключительно Лондону; многие из них родом из северных городов, и во многих из них, например, в Лидсе,[28] по моим наблюдениям, доля рыжеволосых людей явно больше, чем в Лондоне, и уж точно не меньше.

Интересно сравнить эти статистические данные о волосах лондонских преступников со сводом статистических данных о цвете волос 1220 сумасшедших (без учета седых волос) в психушке Нью-Брансуика; хотя, поскольку расовая смесь, конечно, не совсем идентична, а номенклатура, вероятно, различается, строгое сравнение невозможно. Из этих 1220 сумасшедших волосы 1050 человек описываются как "темные", "темно-каштановые", "коричневые", в то время как 170 имеют "светлые", "омбре" или "рыжие" волосы. У каждого седьмого сумасшедшего светлые волосы, у каждого пятого преступника; у каждого пятидесятого сумасшедшего рыжие волосы, у каждого 129 преступников; у каждого сорокового сумасшедшего русые волосы, у каждого 129 преступников. Таким образом, в то время как доля светловолосых среди безумцев явно меньше, доля рыжеволосых и русоволосых явно больше, чем среди преступников.

Что касается точных данных о цвете волос, то они указывают главным образом на относительный недостаток рыжеволосых среди преступников. Возможно, это можно объяснить. По-видимому, у людей с яркой пигментацией снижена сопротивляемость болезням. Обширная антропологическая статистика американской войны показала очень заметную неполноценность светлокожих людей. Эта статистика подверглась критике со стороны де Кандоля, который, однако, считает, что даже с учетом вычетов ее, вероятно, все же можно принять. Наши данные о доле светловолосых людей в психушках, похоже, указывают в этом направлении. Эти рыжеволосые люди, с их "сангвиническим" темпераментом тела, особенно восприимчивы к зимозным заболеваниям; они, например,

очень легко переносят скарлатину и тяжело от нее страдают. Среди множества рисков криминальной жизни ярко пигментированный человек, с его чувствительной сосудистой системой, кажется, скоро будет исключен.

§ 4. Криминальная физиогномика.

Наука физиогномики все еще находится в смутном и зачаточном состоянии, хотя это искусство уже давно практикуется с большим или меньшим успехом. Существует, например, большое количество пословиц, в которых некоторые из самых последних результатов, достигнутых современными криминальными антропологами, были давным-давно выкристаллизованы народной интеллигенцией. Например, римская поговорка: "Маленькая борода и маленький цвет кожи - нет ничего хуже под небом"; французская: "Храни меня Бог от безбородого мужчины"; тосканская: "Приветствуй издалека безбородого мужчину и бородатую женщину"; венецианская: "Не доверяй женщине с мужским голосом".

Многие старые физиогномисты, особенно два величайших, Далла Порта и Лаватер, рассказывают, как они сразу узнавали преступников, хотя иногда смехотворно проваливались; а Лаватер однажды принял портрет казненного убийцы за портрет Гердера. Современный криминальный антрополог, профессор Энрико Ферри, утверждает, что из нескольких сотен солдат, которых он обследовал, он нашел одного, и только одного, которого его лицо объявило убийцей; ему сказали, что этот человек на самом деле был признан виновным в убийстве. Гарофало, неаполитанский юрист, отмечает, что его едва ли удастся обмануть дважды из десяти раз. Подобная острота восприятия присуща отнюдь не только опытным наблюдателям. Она очень часто встречается среди женщин. Многие люди при первой встрече с человеком испытывают неблагоприятное впечатление, которое им удастся изжить, но которое впоследствии оправдывается. Иногда разоблачающий взгляд обнаруживается, возможно, с шоком ужаса, на уже знакомом лице. Ошибочно пытаться подавить такие инстинктивные впечатления как иррациональные. Они являются частью организованного опыта расы и, при условии интеллектуального контроля, служат законным руководством к действию.

Профессор Ломброзо рассказывает, что его мать, которая всегда жила вдали от мира, дважды смогла обнаружить преступный характер молодых людей, о которых до сих пор никто не подозревал. Более любопытный пример, продолжает он, произошел в связи с убийцей Франческони. В нем не было ничего примечательного, ничего, что указывало бы на свирепость или не похожий на других людей нрав; у него была обильная борода и высокий лоб; можно было лишь заметить легкую степень прогнатизма и некоторое выступание лобных выступов. За несколько лет до его преступления шестнадцатилетняя девушка (впоследствии графиня делла Рокка), никогда не покидавшая отцовского дома и не имевшая жизненного опыта, отказалась с ним разговаривать, когда все приветствовали его за остроумие. Когда ее спросили, почему она относится к нему как к негодяю, она ответила: "Если он не убийца, то станет им". Когда после этого Ломброзо спросил ее, по какому знаку она узнала об этом слишком быстро подтвердившемся пророчестве, она ответила: "По его глазам". Однажды Ломброзо попросил одну интеллигентную школьную учительницу раздать тридцати двум девочкам двадцать портретов воров и двадцать портретов великих людей. Восемьдесят процентов этих детей признали первых плохими людьми, вторых - хорошими. В другой раз он показал двести фотографий подростков трем врачам, и все они выбрали одного из них как представителя преступного типа; его же выбрала и маленькая девочка двенадцати лет. Этот юноша никогда не предстал перед судом, но он жестоко предал тех, кто помог ему добиться хорошего положения в жизни. Юридически он не был преступником, но, как замечает Ломброзо, был им антропологически.

Красивые лица, как известно, редко встречаются среди преступников. Предубеждение против уродливых, а также деформированных людей не лишено оснований. То, что написал Хепуорт Диксон в 1850 году по этому поводу, до сих пор имеет общее применение во всех цивилизованных странах: "Население Миллбанка всегда многочисленно и всегда меняется, но его характер остается в основном тем же самым. Год за годом посетитель может заглянуть сюда и не заметить никаких изменений. В облике преступников есть определенное однообразие и фамильярность, которые одновременно отталкивают и вызывают интерес. Ни один человек не может долго находиться в привычке видеть вместе массу преступников, чтобы не поразиться однообразию их внешности. Красивое лицо редко можно увидеть в тюрьме, и никогда - у человека, который с детства был нарушителем закона. Хорошо сформированные головы, круглые и массивные, обозначающие интеллектуальную мощь, можно увидеть изредка, но приятное, хорошо сформированное лицо - никогда".

Если просмотреть большое количество фотографий в великом труде Ломброзо *"Преступник"* (*L'Uomo Delinquente*), то можно найти очень мало приятных лиц. Два-три привлекательных лица принадлежат женщинам, у которых сияние молодости, пухлость и обильные волосы служат маскировкой для черт, которые едва ли выдержат исследование. Доля симпатичных лиц среди отличных фотографий, представленных на сайте инспектора Бирнса *"Профессиональные преступники Америки"*, гораздо больше. Как заметил одному посетителю опытный начальник детективного отдела Нью-Йорка, который, однако, отчетливо распознает криминальный тип лица: "Посмотрите на фотографии в Галерее преступников и посмотрите, сколько вы найдете там негодяев, похожих на лучших людей страны. А некоторые из них, смею надеяться, достаточно похожи друг на друга, чтобы можно было принять одного за другого". Однако эти люди принадлежат к криминальной аристократии; они преступники по расчету; они добились определенного успеха, и привлекательное лицо является частью их торгового запаса. Однако даже среди них доля лиц, способных выдержать экспертизу, отнюдь не велика.

Эмиль Готье, сидевший с князем Крапоткиным в лионской тюрьме, отмечает, что не знаком с анатомическими особенностями преступников, но знает, что заключенные не похожи на остальных людей. "Их сгорбленные и робкие повадки, подвижность и хитрость взгляда, что-то кошачье в них, что-то трусливое, смиренное, подавленное, делает их отдельным классом. Можно было бы сказать: выпоротые собаки; едва ли, местами, несколько энергичных и жестоких голов бунтарей".

Любопытный неподвижный взгляд часто считался характерным признаком, особенно инстинктивного преступника, признаком, который невозможно замаскировать. "Мне не нужно видеть все лицо преступника, - говорил Видок, - чтобы узнать его как такового; мне достаточно поймать его взгляд". Ломброзо обнаружил, что глаза убийц напоминают глаза кошачьих животных в момент засады или борьбы; он часто наблюдал это, когда человек прилагал мускульные усилия, как при сжатии динамометра. Иногда этот кошачий и свирепый взгляд чередуется с нежным, почти женским взглядом; такое сочетание придает им странную силу очарования, которая часто действует на женщин.

Настаивание на кошачьем аспекте очень часто встречается среди тех, кто описывает преступников. Так, например, профессор Сержи: "В последнее время мне довелось наблюдать за пятнадцатилетним убийцей, который за три месяца до совершения этого убийства пытался совершить другое, а в другой раз проявил свой свирепый характер, напав на корову с крюком и ранив ее в несколько мест. Он был осужден на одиннадцать лет лишения свободы, хорошо развит для своего возраста и, по-видимому, не имеет морфологических отклонений, но он прогнатичен, его нос вдавлен, а вся нижняя часть лица,

от верхней челюсти вниз, имеет дикарский оттенок. Больше всего его отличает взгляд: он жестокий и кошачий в истинном смысле этого слова. Сдержанный, неразговорчивый, даже когда он был на свободе, теперь, когда он в тюрьме, у него вид дикого зверя, взгляд тигра".

Интересным моментом в связи с физиономией преступника является то, что она в значительной степени не зависит от национальности. Немецкий преступник не очень похож на итальянца, а француз - на англичанина. М. Жоли замечает: "Должен сказать, что в кабинете М. А. Бертильона мне показали около шестидесяти фотографий ирландских, английских и американских воров. Во многих случаях было бы трудно различить англосаксонскую, а не какую-либо другую физиономию".

По мнению многих итальянских криминальных антропологов, существует особая физиономия для разных преступлений, хотя это утверждение оговорено известным фактом, что один и тот же человек может совершить совершенно разные преступления. Доктор Марро в своей книге *"Caratteri dei Delinquenti"* описывает не менее одиннадцати различных классов преступников, хотя различия не все физиогномические. Описания профессора Ломброзо, однако, наиболее энергичны и живописны, хотя вряд ли их можно принять без оговорок. Воры, по его словам, часто отличаются подвижностью черт лица и рук; глаза маленькие и очень беспокойные; брови густые и близко посаженные; нос часто кривой или изогнутый; борода тонкая; лоб почти всегда узкий и покатый; цвет лица бледный или желтоватый, неспособный краснеть. У лиц, виновных в сексуальных преступлениях, Ломброзо находит почти всегда светлые глаза; голос либо грубый, либо надтреснутый; лицо в целом нежное, за исключением развития челюстей, а губы и веки опухшие; иногда они горбатые или иначе деформированы. Иногда у поджигателей Ломброзо отмечает особую нежность кожи, инфантильный вид и обилие волос, иногда напоминающих женские. Глаза привычного убийцы стеклянны, холодны и неподвижны; нос часто аквильный, клювовидный, напоминающий хищную птицу, всегда объемный; челюсти сильные; уши длинные; скулы крупные; волосы темные, вьющиеся, обильные; борода часто тонкая; клыки сильно развиты; губы тонкие; частый нистагм; также спазматические сокращения одной стороны лица, при которых обнажаются клыки. С другой стороны, фальшивомонетчики и шарперы часто обладают необыкновенным *добродушием*, некой канцелярской внешностью, которая действительно необходима в его деле, поскольку внушает доверие. У одних ангельские лица, у других - маленькие, бледные и изможденные. У отравителя также часто бывает особенно благожелательное выражение лица. "В целом, - заключает Ломброзо, - прирожденные преступники имеют выступающие уши, густые волосы, тонкую бороду, выступающие лобные кости, огромные челюсти, квадратный и выступающий подбородок, крупные скулы и частую жестикуляцию. Короче говоря, это тип, напоминающий монгола, а иногда и негроида".

Очень интересно сравнить это заключительное замечание с некоторыми наблюдениями доктора Лэнгдона Дауна, который тщательно изучил и попытался классифицировать черты лица идиотов. Доктор Даун находит сходство между слабоумными детьми и различными этническими типами человеческой семьи; он особо выделяет монгольский и негроидный типы. Как профессор Ломброзо находит монгольский тип наиболее распространенным среди своих преступников, так и доктор Даун находит его наиболее распространенным среди своих идиотов: "Более 10 процентов врожденных слабоумных детей - типичные монголы. Их сходство друг с другом бесконечно больше, чем с членами их собственных семей". Их характерные черты очень заметны: волосы каштановые (не черные, как у монголов), прямые и редкие, лицо плоское и широкое, щеки округлые и расширенные вбок, глаза косо поставлены, а щель между веками очень узкая, лоб морщинистый в поперечном направлении, губы большие и толстые, нос маленький, кожа желтоватая. В негроидном типе

идиота доктора Дауна характерные скулы, выдающиеся глаза, пухлые губы, отступающий подбородок, шерстяные, но не черные волосы и отсутствие пигментации кожи. Эти моменты сходства представляют значительный интерес, если мы придерживаемся мнения, что инстинктивный преступник лучше всего определяется как моральный идиот.

Что касается причин и неизгладимости преступных проявлений, то здесь мнения сильно расходятся. Некоторые авторы слишком неосторожно высказываются на этот счет. Так, профессор Сержи в уже частично процитированном описании отрока-убийцы замечает: "В нем нет ничего приобретенного, все врожденное". А Модсли в мрачном и сильном описании физиономии преступника, которое часто цитируется, говорит о ней как о клейме, поставленном рукой природы. "Все врожденное", - говорит профессор Серджи, но мы редко слышим о младенце, который смотрит от материнской груди со свирепым и кошачьим выражением лица. Мы должны различать анатомическую физиономию и выражение лица или *мимику*. Для обычного наблюдателя последняя гораздо более поразительна; он сразу замечает, печален или весел лик, зол или добродушен, труслив или восторжен; он не так легко замечает форму челюстей, или разрез ушей, или линии лба, но такие признаки, как эти, являются строго органическими и могут быть смело названы врожденными.

М. Жоли приводит несколько интересных примеров расхождений в описаниях одного и того же преступника в различных условиях, даже если эти описания сделаны хорошими наблюдателями. Несколько лет назад девятнадцатилетний юноша по имени Менесклу был казнен за изнасилование и убийство маленькой девочки, которую он после этого изрезал и сжег. Журналист из *газеты "Фигаро"*, чьи репортажи считаются очень точными, так описал его на суде: "Представьте себе некое подобие аборта, согбенного и морщинистого, с землистым цветом лица, скрытыми глазами, лицом, изгрызенным золотухой, хитрым, рассеянным и жестоким. Лоб низкий, борода редкая и неряшливая; волосы, черные и откинутаые назад, доходят до плеч; голова совершенно отталкивающая". С другой стороны, капеллан тюрьмы, аббат Кроз, писал: "Менесклу ни в коей мере не похож на портреты, которые нарисовали журналисты. Он не был отталкивающим, отвратительным, у него была симпатичная и приятная физиономия, воздух молодого человека, получившего хорошее воспитание, нежное, честное, *наивное* лицо; он выглядел, на мой взгляд, как паж в хорошем доме".

В другом примере разные описания имеют то преимущество, что написаны одним и тем же человеком - аббатом Моро, преемником аббата Кроза на посту капеллана тюрьмы Рокетт и автором ценной и интересной книги *"Мир тюрем"*. "На суде над Кампи, - пишет он, - я видел только грубого демонического человека, жестокого, циничного, делающего яростные выпады. Его отталкивающая голова запечатлелась в моей памяти: неряшливая борода, обрамляющая желтое, желчное лицо, мускулы хищного зверя, и, освещая зловещим блеском синюшные черты, два маленьких пронзительных подвижных глаза, свирепость которых я едва мог вынести. Кампи оставил у меня самое меланхоличное впечатление; его голова показалась мне огромной, а плечи - необычайно широкими". Вот еще один портрет Кампи той же руки, каким он предстал в тюрьме: "Теперь передо мной был молодой человек обыкновенного роста, скорее стройный, чем широкий, со спокойным лицом, освещенным добродушной улыбкой; глаза утратили свою свирепость. Он подошел ко мне с некоторой робостью, держа в руке свою кепку, и почтительно ждал, пока я с ним заговорю".

Очевидно, что наши впечатления от физиогномики складываются из нескольких факторов. Хорошо известно, что трудно оценить размеры человека, увиденного в одиночестве на

расстоянии, будь то преступник в баре или актер на сцене. Актер со сцены - такая же обыденность, как и преступник на улице. Добавьте к этому ужас зрителя, перед чьим мысленным взором предстает преступление, и вероятное волнение преступника, о судьбе которого ведется спор. Стал бы добросовестный репортер "*Фигаро*" писать такое описание, если бы просто встретил Менесклу на улице в качестве незнакомца? И так ли сильно изменилось бы впечатление достойного аббата от Кампи, если бы тот, полностью владея собой, не предпочел явиться в позе почтительного смирения?

В Средние века существовал закон, согласно которому, когда в преступлении подозревались два человека, для наказания выбирался самый уродливый. В наши дни судьи, сознательно или бессознательно, подвержены влиянию физиогномики, и обычные люди, которые также в смиренном виде вершат суд над своими товарищами, подвержены такому же влиянию. Современные криминальные антропологи, со всеми их тщательными и терпеливыми исследованиями, пока еще не смогли сделать уголовную физиогномику очень точной наукой, и более преступные из нас все еще могут найти утешение в мысли, что не существует неизменных критериев, по которым наши преступления можно было бы прочесть на наших лицах.

§ 5. Тело и внутренности.

Несмотря на ловкость и спазматическую активность, мышечная система преступников, как правило, слаба. Те немногие наблюдения, которые были сделаны, показывают, что мышечные аномалии встречаются с поразительной частотой. Так, исследования Герры на телах 12 нормальных людей и 18 преступников показали 11 аномальных мышечных состояний у последних против 5 у первых.

Лакассань несколько лет назад обратил внимание на удивительную длину вытянутых рук (*la grande envergure*). Хотя многие наблюдатели ссылаются на эту особенность, и во многих отдельных случаях она отмечается и, несомненно, связана с ловкостью преступников, как у некоторых низших рас и обезьян, я не знаком ни с одной продолжительной серией наблюдений, в которой преступники и нормальные люди справедливо сравнивались бы в этом отношении. Серия Марро, хотя нормальные люди слишком малочисленны, как он сам указывает, является столь же надежной, как и любая другая, и в среднем не показывает какого-либо преобладания длинноруких среди преступников. Однако есть основания полагать, что люди с исключительно длинными руками чаще встречаются среди преступников.

"Среди заключенных исправительного учреждения в Эльмире, - отмечает доктор Х. Вей, - наибольший физический недостаток и наименьшая сопротивляемость обнаружены в дыхательном аппарате. Голубиная грудь, несовершенно развитая грудная клетка и сутулые плечи встречаются повсеместно. За восемь лет из 26 смертей 13, или 50 процентов, были вызваны заболеваниями грудной клетки, не считая поражений сердца".

В своих ответах на мои вопросы тюремный хирург замечает: "У многих мужчин большие соски и крупные хорошо заметные ареолы. Это часто очень примечательно". Мне неизвестно, чтобы это было замечено каким-либо другим наблюдателем, и этот вопрос заслуживает дальнейшего изучения.

Болезни сердца часто встречаются среди преступников. Из 54 обследованных Флешем преступников 20 процентов умерли от болезней сердца, у 50 процентов были обнаружены

поражения сердца. Клапанная недостаточность и атрофия сердца, по-видимому, необычайно распространены. Пента обнаружил эндартериит и атерому у 82 из 184 инстинктивных преступников, *то есть* у 44 процентов, хотя многие из них были молоды. Состояние, по его словам, было диффузным и выраженным; у 20 из этих 82 наблюдалась аортальная недостаточность. Можно отметить, что артериальные аномалии встречаются чрезвычайно часто. Так, Герра обнаружил 14 артериальных аномалий у 18 преступников против 4 у 12 нормальных людей. Заболевания сердца также распространены среди сумасшедших. Часто отмечается его склонность к психическим изменениям; гордыня, эгоизм и склонность к насилию встречаются, особенно (по мнению Витковского) среди тех, кто страдает гипертрофией желудочков; при аортальном заболевании - невротические и истерические состояния; при митральном - меланхолия и приступы насилия. Это неудивительно, если вспомнить, какая тесная связь существует в норме между сердцем и мозгом, сосудистая система составляет как бы основу мозга.

Половые органы у женщин-преступниц очень часто обнаруживают патологические состояния. Один из медицинских работников, отвечавших на мои вопросы, часто обнаруживал опущенное яичко. Необычный размер пениса - другим. Интересно отметить в этой связи, что доктора Борневиль и Солье обнаружили преувеличенное развитие головки полового члена, чрезвычайно распространенное среди идиотов в Бичетре, и что среди 728 обследованных ими лиц они нашли не менее 262 с аномалиями половых органов, что является огромной долей по сравнению с обычным населением.^[29] Оттоленги считает, что "в целом аномалии половых органов имеют у сексуальных преступников немалое диагностическое значение, особенно в сочетании с другими признаками, отличающими их от честных людей и преступников в целом, такими как большая частота светлых волос, неправильно сформированные уши, бихроматизм радужки, голубые глаза, искривленные носы, асимметрия лица, объемные нижние челюсти и различные неврозы, особенно эпилепсия"^[30].

Здесь можно отметить, что Марро и Оттоленги недавно изучали метаболизм у преступников. Главным моментом является повышенное выведение фосфорной кислоты с мочой. То же самое наблюдалось при хроническом алкоголизме. Эти исследования, несомненно, будут продолжены^[31].

§ 6. Наследственность.

Детальное изучение преступной наследственности и преступной привычки, или рецидива, едва ли является частью криминальной антропологии. Это важная отрасль криминальной социологии. Но факты наследственности являются частью доказательств реальности выводов криминального антрополога, и полностью игнорировать их здесь невозможно. Более того, отношение общества к индивидуальному преступнику и его особенностям должно в какой-то степени определяться нашими знаниями о криминальной наследственности.

Наследственный характер преступлений и органические наказания естественного права признавались еще в далекой древности. Они были связаны с древнееврейской концепцией, которая, по-видимому, играла важную роль в жизни евреев, о Боге, который насылает грехи родителей на детей до третьего и четвертого поколения. Мы также знаем историю Аристотеля о человеке, который, когда его сын притащил его за волосы к двери, воскликнул: "Хватит, хватит, сын мой; я не тащил своего отца дальше этого". А Плутарх излагает доктрину наследственности в форме, которая одновременно является древней и современной: "То, что зарождается, происходит из самой субстанции порождающего существа, так что он несет в

себе нечто, что очень справедливо наказывается или возмещается за него, ибо это нечто и есть он". Или еще: "Между порождающим существом и порожденным существует некое скрытое тождество, способное справедливо возложить на второе все последствия действия, совершенного первым".

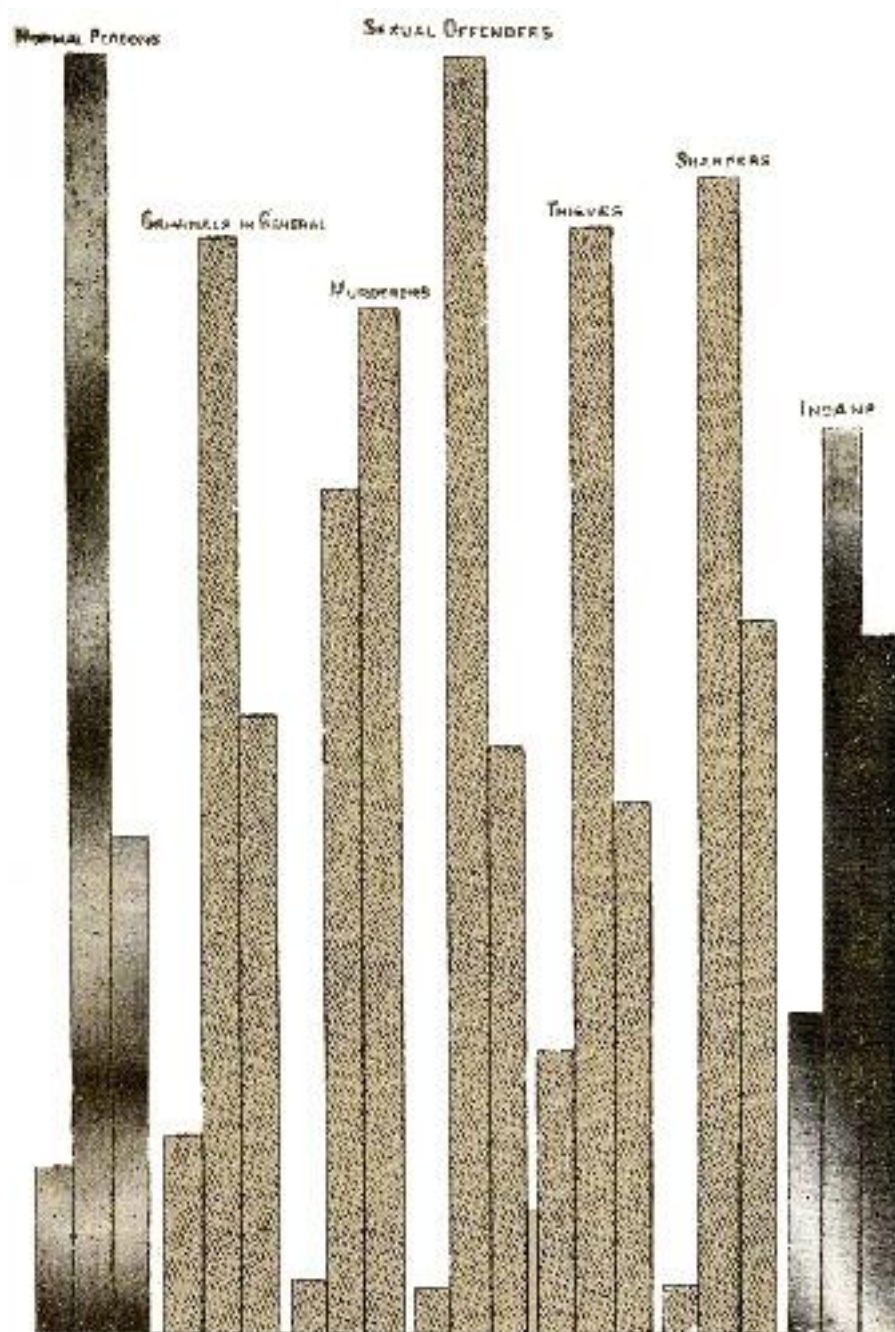
Следует помнить, что в криминальной наследственности, как принято выражаться, есть два фактора. Есть элемент врожденной предрасположенности, а есть элемент заражения от социальной среды. Оба эти фактора явно сыграли свою роль в Сбро... который рассматривается Ломброзо как классический тип "морального безумия". Его дед совершил убийство из ревности; его отец, осужденный за изнасилование, убил женщину, чтобы испытать пистолет. Он, в свою очередь, убил отца и брата. На практике не всегда удается разделить эти два фактора; плохая семья обычно означает плохую наследственность в строгом смысле слова. Часто одного элемента, будь то наследственность или зараза, недостаточно, чтобы направить ребенка на путь преступления. Об этом свидетельствует случай, приведенный Проспером Лукасом: "В ноябре 1845 года суд присяжных Сены осудил трех из пяти членов семьи воров, семьи Робер. В этом деле было одно обстоятельство, заслуживающее внимания. Отец не нашел среди всех своих детей того расположения, которого желал бы; ему пришлось применить силу к жене и двум младшим детям, которые до последнего не подчинялись его позорным приказам. Старшая дочь, напротив, словно по инстинкту, последовала примеру отца и с таким же рвением и жестокостью, как и он, пыталась склонить семью к своим отвратительным вкусам. Но в одной части семьи инстинкт отсутствовал; они унаследовали его от матери".

Влияние наследственности, даже в строгом смысле этого слова, в производстве преступников не всегда заключается в передаче развитых наклонностей. Иногда поколение преступников - это лишь один из этапов постепенного вырождения семьи. Иногда преступление кажется методом, с помощью которого деградирующий организм пытается освободиться от безумного пятна родителей. Из заключенных исправительной колонии в Эльмире 499 человек, или 13,7 процента, имели безумную или эпилептическую наследственность. Из 233 заключенных в Оберне, Нью-Йорк, 23,03 процента были явно невротического (безумного, эпилептического и т.д.) происхождения; в действительности их было гораздо больше. Вирджилио обнаружил, что 195 из 266 преступников страдали от болезней, которые обычно передаются по наследству. Росси обнаружил 5 безумных родителей у 71 преступника, 6 безумных братьев и сестер и 14 случаев безумия среди более дальних родственников. Кок обнаружил болезненную наследственность у 46 процентов преступников. Марро, который очень тщательно изучил этот вопрос, обнаружил, что эта пропорция составляет 77 процентов, а если принять во внимание широкий спектр аномальных черт характера родителей, то доля преступников с плохой наследственностью возрастает до 90 процентов. Он обнаружил, что необычайно большая часть родителей умерла от заболеваний спинного мозга и фтизиатра. Сихард, обследовав около 4000 немецких преступников в тюрьме, директором которой он является, обнаружил безумную, эпилептическую, суицидальную и алкогольную наследственность у 36,8 процента поджигателей, 32,2 процента воров, 28,7 процента сексуальных преступников, 23,6 процента заточников. Пента обнаружил среди родителей 184 преступников всего 4-5 процентов вполне здоровых людей.

Даже если у родителей нет ярко выраженных заболеваний, изнуряющее и истощающее влияние, возраст на момент зачатия и переутомление могут сыграть свою пагубную роль. Доктор Лэнгдон Даун ("*Психические заболевания детского возраста*") показал, как те же самые влияния играют роль в возникновении идиотизма; например, в периоды напряжения

и переутомления мужчина может зачать детей-идиотов, а в другие периоды - здоровых детей. Марро провел несколько интересных исследований возраста отца в период зачатия преступников по сравнению с обычными людьми и с сумасшедшими. Он разделил отцов на три группы в соответствии с возрастом зачатия: в первую вошли те, кто находился в периоде незрелости, который он считал возрастом до 25 лет; во вторую - период зрелости с 26 до 40 лет; в третью - с 41 года и далее - период декаданса. На Таблице VII. в графической форме представлен процент отцов, относящихся к каждому периоду в различных группах; первая колонка в каждой группе представляет собой долю отцов, относящихся к периоду незрелости, вторая - к периоду зрелости, третья - к периоду упадка. Видно, что наибольшая доля незрелых родителей приходится на класс воров, хотя среди безумцев эта доля еще больше. Еще более примечательна аномально большая доля преступников с родителями, относящимися к периоду упадка. Это наиболее заметно среди убийц, 52,9 % отцов которых прошли период зрелости; но это очень большая доля, превышающая долю безумных среди осужденных за нападения и ранения (не представленных в Таблице), а также среди заточников. У сексуальных преступников наибольшая доля зрелых отцов, наименьшая - юных. Подозревая, что среди идиотов будет очень большая доля пожилых отцов, я обратился к доктору Лэнгдону Дауну, который любезно просмотрел записи одной тысячи случаев и подтвердил это подозрение. Он обнаружил, что в 23 процентах случаев разница в возрасте при рождении ребенка-идиота составляла более десяти лет, причем отец почти в каждом случае был старше, а во многих случаях эта разница достигала более 25 лет. Таким образом, добавляет доктор Даун, получается, что разница в возрасте является одним из факторов возникновения идиотизма. Можно добавить, что престарелый родитель, умирая и оставляя своих детей молодыми и незащищенными, также оказывает социальное влияние на формирование преступников.

ПЛАТА VII.

Увеличенное изображение

Соотношение возраста родителей у нормальных людей, сумасшедших и преступников.

Интересно сравнить эти результаты с данными Короши, директора Венгерского статистического бюро, по обычному населению. Он исследовал 24 000 случаев и обнаружил, что дети отцов моложе 20 лет имеют слабое телосложение; отцы в возрасте от 25 до 40 лет производят на свет самых крепких детей, а отцы старше 40 лет склонны к рождению слабых детей. Самые здоровые дети имеют мать в возрасте до 35 лет; дети, рожденные между 35 и 40 годами, на 8 процентов слабее, а после 40 - на 10 процентов. Следует, однако, добавить, что дети, рожденные от старых отцов и молодых матерей, обычно имеют крепкое телосложение. Если родители одного возраста, то дети менее крепкие.

Подобные наследственные влияния, по-видимому, сыграли свою роль в формировании этого типичного преступника по инстинкту, Т. Г. Уэйнрайта, среди предков которого, похоже, не

было преступников или сумасшедших. В этой связи интересен часто цитируемый случай преступной семьи, впервые упомянутый Деспином в его "*Психологии природы*". У трех братьев, сыновей одного Жана Кретьена, были дети и внуки, а именно

Жан Жозеф

Жан-Франсуа, вор.
Беноит.
Клер, воровка.
Мари-Рене, воровка.
Мари-Роза, воровка.
Виктор, вор.
Викторина. -- Виктор, убийца.

Томас Франсуа, убийца.
Мартин, убийца - (сын, вор).

Пьер - Жан-Франсуа, вор и убийца.

О человеке и трех его сыновьях, породивших этот ужасный выводок, ничего не известно, кроме того, что они сами не были осужденными преступниками; но каким бы ни было влияние, оно существовало во всех трех братьях, от каждого из которых родились убийцы и воры. Именно тонкими наследственными влияниями, а также инстинктивными привычками всей жизни мы должны объяснить влияние преступной заразы на людей честной жизни и чистого послужного списка. Мсье Эмиль Готье, политический заключенный вместе с князем Крапоткиным и несколькими французскими рабочими в большой тюрьме Клерво, записал опыт, который представляет интерес в этой связи. "Из пятидесяти политических заключенных, - пишет он в своих интересных и вдумчивых впечатлениях, опубликованных в 1888 году в *Archives de l'Anthropologie Criminelle*, - принадлежащих к среднему или даже элитному слою рабочего населения такого большого города, как Лион, найдется добрых полдюжины, которые чувствуют себя в тюрьме как дома, и сразу же идут навстречу уголовным заключенным, принимая на себя, в силу не знаю какого неясного предопределения, их язык, их внешность, их привычки, их душевные склонности, даже ту же отрицательную мораль, дикость, вероломство, ловкость, хитрость и противоестественный порок".

Алкоголизм одного из родителей - одна из самых плодотворных причин преступлений у ребенка. Пьянству Юпитера, когда был зачат Вулкан, римляне приписывали уродство этого бога; по словам старого латинского поэта:...

"Quis nescit crudo distentum nectare quondam
Indulsisse Jovem Junoni; atque inde creatum
Vulcanum turpem, coelique ex arce ruendum?"

Сегодня уже нет никаких сомнений в том, что хронический алкоголизм, а также временная интоксикация во время зачатия глубоко изменяют мозг и нервную систему как родителей, так и потомства. Некоторые из наиболее характерных случаев инстинктивной преступности обусловлены исключительно или главным образом алкоголизмом одного из родителей. Когда безумие и алкоголизм сочетаются в родителях, потомству достается богатое и ужасное наследие дегенерации. Так, среди множества примеров Морель приводит случай, когда отец был алкоголиком, мать - сумасшедшей, а из пяти детей один покончил жизнь самоубийством, двое стали преступниками, одна дочь была сумасшедшей, а другая -

полуимбецильной. Тщательно составленная статистика 4000 преступников, прошедших через Эльмиру, штат Нью-Йорк, показывает, что пьянство явно присутствовало в родителях у 38,7 процента, и, вероятно, еще у 11,1 процента. Из семидесяти одного преступника, чью родословную удалось проследить Росси, у двадцати отец был пьяницей, у одиннадцати - мать. Марро обнаружил, что в среднем у 41 процента обследованных им преступников родители были пьяницами, в то время как у нормальных людей этот показатель составляет 16 процентов.

Не обязательно, чтобы алкоголизм зашел так далеко, чтобы нанести очевидный вред родителям. Действие яда может быть медленным и передаваться из поколения в поколение. Отцы едят кислый виноград, а у детей зубы становятся острыми.

Связь алкоголизма с преступностью отнюдь не так проста, как иногда думают; алкоголизм является как следствием, так и причиной. Он является частью порочного круга. Для хорошо воспитанного человека с хорошей наследственностью стать опьяневшим - дело не простое. Этому способствует предрасположенность, и алкоголизм становится, таким образом, не только причиной, но и симптомом дегенерации. Выводы доктора Крозерса, посвятившего этому вопросу немало исследований, заслуживают внимания. Он считает, что мы недостаточно изучили происхождение трезвости. Его выводы таковы: (1) опьянение само по себе свидетельствует о большей или меньшей нездоровости; (2) в значительной части случаев оно является лишь признаком медленного и коварного заболевания мозга; (3) когда преступления совершаются опьяневшими, вероятность психического заболевания очень велика; (4) использование спиртных напитков для получения опьянения с целью совершения преступления является свидетельством самой опасной формы мании рассудка. Преступление и опьянение - лишь симптомы болезни и вырождения, "следы которых можно проследить от стадии к стадии"[32]. Можно добавить, что опасность алкоголизма, с современной точки зрения, заключается не в каком-то таинственном побуждении к преступлению, которое он дает, а в том, как яд дает волю естественным или болезненным импульсам человека, какими бы они ни были.

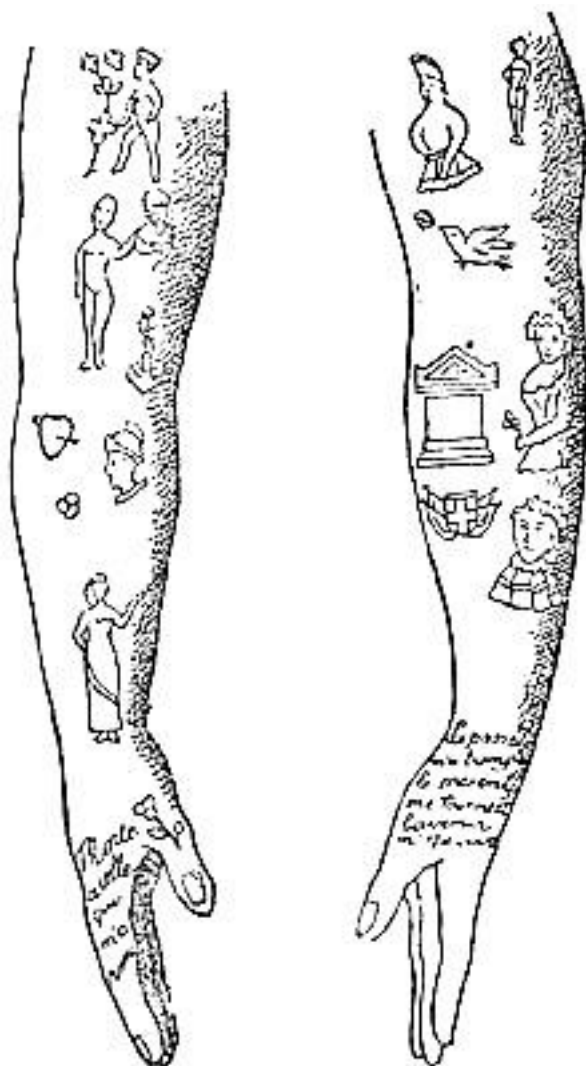
Если отбросить эти медленные и тонкие причины и симптомы дегенерации - причины, которые, хотя и были давно признаны, только сейчас начинают пониматься, - то нет никаких сомнений в том, что преступный родитель стремится породить преступного ребенка. Есть, как сказал Видок, семьи, в которых преступность передается из поколения в поколение, и которые, кажется, существуют только для того, чтобы доказать истинность старой поговорки: *bon chien chasse de race*. Расследования в Эльмире показали, что в 51,8 процента случаев дом был "положительно плохим", и только в 8,3 процента - "хорошим". Большое количество преступников, расследованных Росси (*Studio sopra una Centuria di Criminali*), принадлежали к преступным семьям. Можно привести два типичных примера :- N. N., осужденный за мошенничество и насилие; отец - алкоголик, осужденный за мошенничество; мать - здоровая; шесть братьев, умерли молодыми; один брат - чудовище; другой брат родился с перепончатыми пальцами; еще один брат - разбойник с большой дороги; еще один брат, осужденный за нанесение ран; две сестры, одна безумная, другая - проститутка. P. C., вор, каморриста, осужденный за ранение и т. д.; отец, осужденный за ранение; дядя по отцовской линии, вор; мать, пьяница, осужденная за мошенничество и ранение; дед по материнской линии, сумасшедший; дяди по материнской линии, каморристы; один брат, карманник, пять раз притворявшийся сумасшедшим; другой брат, каморриста, осужденный за мошенничество; еще один, вор; еще один, приемник; еще один, каморриста и вор; сестра, честная и здоровая.

Иногда преступная традиция передается через много поколений и с большим мастерством, образуя своего рода профессиональную касту. Примером тому служит семья фальшивомонетчиков Джонсонов в Америке. Дед был знаменитым фальшивомонетчиком в свое время; следующее поколение было хорошо известно полиции; в третьем поколении преступная наглость и мастерство, по-видимому, достигли очень высокой степени в семи братьях и сестрах, один из которых, особенно, считается одним из самых искусных фальшивомонетчиков современности; он провел большую часть своей жизни в различных тюрьмах.

Так называемая американская семья Джуков - самая крупная из известных преступных семей, и ее история, тщательно изученная, полна поучительности.^[33] Родовое гнездо этой семьи находилось в труднодоступном скалистом месте в штате Нью-Йорк. Здесь они жили в бревенчатых или каменных домах, зимой спали беспорядочно вокруг очага, как множество радиусов, прижавшись ногами к огню. Родоначальник семьи, потомок первых голландских поселенцев, родился здесь между 1720 и 1740 годами. По описанию, он вел жизнь человека из глубинки, "охотника и рыболова, любителя крепких напитков, весельчака и компанейского человека, не склонного к постоянному труду", работая время от времени. Такая прерывистая работа характерна для того примитивного образа жизни, который ведут среди дикарей мужчины всегда, если не женщины, и это тот образ жизни, который инстинктивный преступник перенимает естественным образом. Этот человек дожил до преклонных лет, ослеп и оставил многочисленное, более или менее незаконнорожденное потомство. Двое из его сыновей женились на двух из пяти более или менее незаконнорожденных сестер; эти сестры были "Джуками". Потомки этих пяти сестер были прослежены с разной степенью полноты через пять последующих поколений. Число прослеженных таким образом индивидуумов достигает 709; реальное же их количество, вероятно, составляет 1200. Эта огромная семья, хотя в ней и была определенная доля честных тружеников, в целом была семьей преступников и проституток, бродяг и нищих. Из всех мужчин не двадцать были квалифицированными рабочими, и десять из них научились своему ремеслу в тюрьме; 180 получали помощь на воле в общей сложности 800 лет; или, с поправкой на пропуски в записях, 2300 лет.^[34] Из 709 человек было 76 преступников, совершивших 115 преступлений. Средний уровень проституции среди замужних женщин вплоть до шестого поколения составил 52,40 процента; нормальный средний показатель оценивается в 1,66 процента. Нет более поучительного исследования преступной наследственности, чем семья Джуксов.

§ 7. Татуировка.

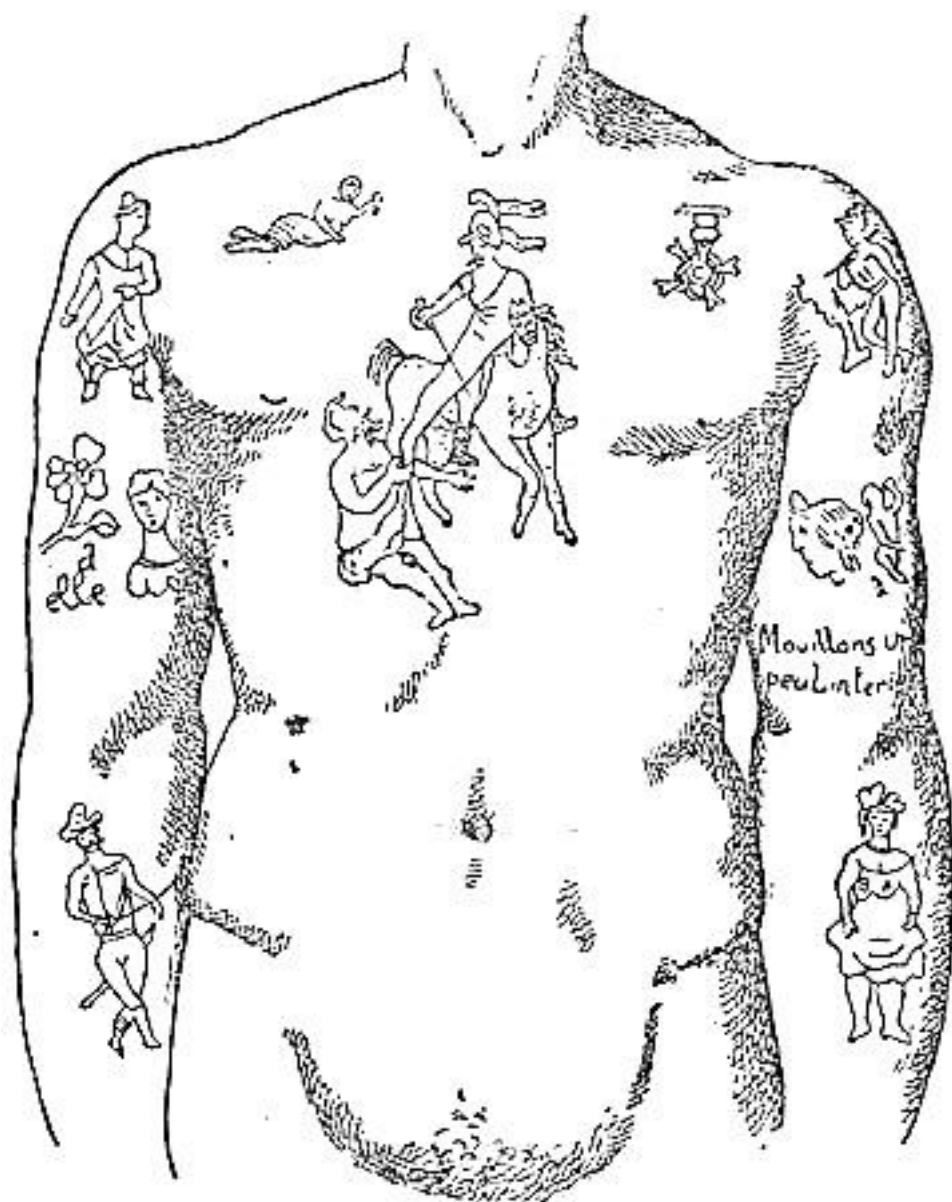
Практика нанесения татуировок очень распространена среди преступников и часто доходит до необычайных масштабов: на одном и том же предмете иногда можно обнаружить двадцать или тридцать рисунков. Ломброзо был первым, кто указал на полное биологическое и психическое значение этой практики.

Руки преступника, все тело которого было более или менее татуированным (Ломброзо.).

Альборгетти обнаружил татуировки у 15 процентов заключенных тюрьмы в Бергамо. Ломброзо обследовал 100 детей в исправительной колонии в Турине и обнаружил, что 40 из них татуированы. Среди 235 других малолетних преступников он обнаружил 32 процента татуированных. Среди обычного населения татуированные дети встречаются крайне редко. Росси обнаружил 23 татуировки среди 100 преступников, которых он так тщательно изучал. Лакассань среди 800 осужденных французских солдат обнаружил 40 процентов татуированных[35].

Рисунки различаются по характеру, но некоторые эмблемы часто повторяются. Тардые из 160 рисунков обнаружил 20, относящихся к любви, 20 - к войне, 8 - к религии, 8 - к оккупации, 6 - к непристойным практикам.

Французский стекольщик, вор, дезертир из армии; был в Африке.
Главная фигура на груди - Святой Георгий. (Ломброзо.)

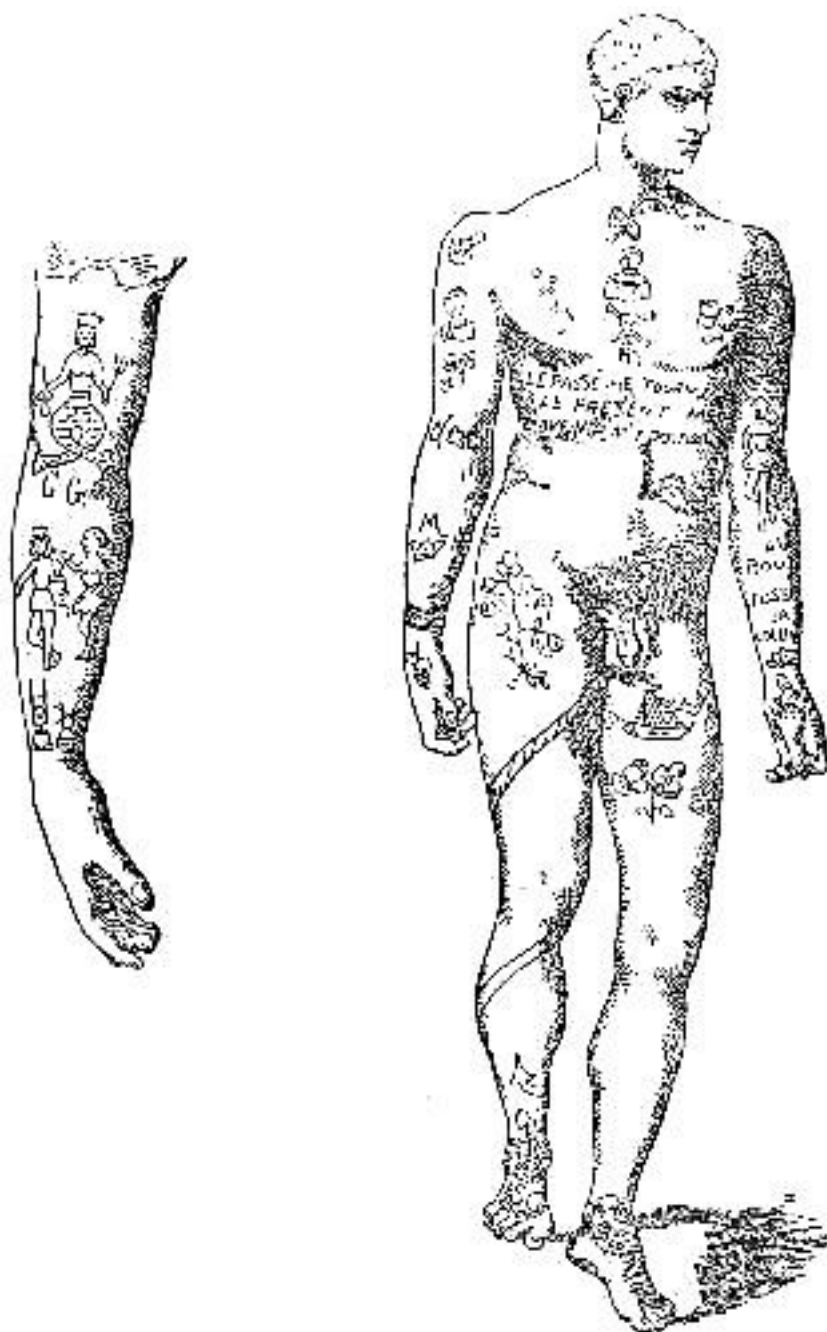
Доктор Гривз, медицинский работник тюрьмы Дерби, любезно сообщил подробности о татуировках, обнаруженных на заключенных, поступивших туда в течение трех месяцев. Из 555 человек, поступивших в тюрьму, 41 (40 мужчин и одна женщина) были татуированы, *то есть* 7,3 процента. Среди татуированных были в основном солдаты, несколько шахтеров и моряков. Излюбленными элементами были флаги, корабли, якоря, женские фигуры, браслеты и инициалы. Было две надписи: "Любовь" и "Иисус плакал"; среди менее распространенных изображений - распятие, мальтийские кресты, балерина, русалка и китайские цветочные горшки. Самые многочисленные и сложные фигуры встречались на солдатах.

Среди 23 татуированных преступников Росси чаще всего встречал следующие рисунки: портрет любовницы или обнаженной женщины (8); инициалы, либо себя, либо любовницы, либо друга (9); скрепленное сердце, эмблема то любви, то мести (5); цветы, кометы, мечи, змеи и т.д.

Татуированные надписи, как отмечает Лакассань, уделивший этому вопросу особое внимание, часто характеризуют душевную настрой преступника; вот несколько наиболее распространенных: "Сын несчастья", "Не повезло", "Смерть неверным женщинам", "Мечь", "Сын позора", "Родился под несчастливой звездой", "Дитя радости", "Прошлое меня обмануло".

Излюбленным местом для нанесения татуировки среди простого населения является передняя часть предплечья, в меньшей степени - плечи, грудь (особенно у моряков) или пальцы. Все без исключения татуированные на спине или половых органах (по словам Ломброзо) либо побывали на островах Тихого океана, либо сидели в тюрьме. Больше всего татуированных преступников, естественно, среди рецидивистов и инстинктивных преступников, особенно тех, кто совершил преступления против личности. Меньше всего их среди мошенников и фальшивомонетчиков, наиболее интеллектуального класса преступников. Есть свидетельства того, что преступники часто воздерживаются от нанесения татуировок, поскольку знают, что эти знаки легко распознать в руках полиции. Похоже, что в Италии связь между татуировками и преступностью была недавно признана простыми солдатами. В 1848 году солдаты пьемонтской армии считали татуировку признаком мужественности. Недавно, когда Ломброзо спросил одного солдата, почему он не татуирован, тот ответил: "Потому что такие вещи ведут на галеры"; а армейский врач заверил Ломброзо, что татуированные люди *априори* считались плохими солдатами.

ПЛАТА VIII.

Увеличенное изображение

Правая рука Г., французского вора и т.д., изгнанного из Франции и скитавшегося в Африке и Австралии. (Ломброзо.)

М. Ж., французский моряк и дезертир; характер его преступления неизвестен. (Ломброзо.)

Причины, порождающие татуировку, несомненно, сложны. Религия, которая раньше и до сих пор среди некоторых рас является главной причиной этой практики, до 1688 года практиковалась в Вифлееме христианскими паломниками, и до сих пор сохранилась в Лоретто. Из 102 татуированных преступников 31 носил религиозные эмблемы. Среди преступников к этому часто приводит месть, а среди более слабых - дух подражания.

Тщеславие - почти такая же сильная причина среди преступников, как и среди дикарей. "Чем больше у человека татуировок, - сказал Росси один неаполитанский солдат, - тем больше его уважают и боятся его товарищи, потому что это свидетельствует о большем прогрессе на пути преступления". Высшие эмоции всегда играют значительную роль; таким образом записываются воспоминания о детстве и память о любимых друзьях. Лакассань придает большое значение татуировке как разновидности геральдики, используемой необразованными людьми, аналогичной знаменам и печатям корпораций. Эротическая страсть - очень частая - возможно, самая частая - причина нанесения татуировок. Очень распространены всевозможные символы любви, от инициалов любимого человека до самых грубых эмблем противоестественной страсти. Татуировки проституток, как правило, именно такого характера; подобные эмблемы распространены среди педерастов и трибадов. Среди дикарей нагота, конечно, является одной из предрасполагающих причин, и та же причина действует среди моряков и проституток. Ломброзо придает первостепенное значение атавизму. Однако в строгом смысле этого слова я очень сомневаюсь, что мы можем обоснованно принять атавистическое объяснение. Преступник подвергается многим влияниям, которые приводят дикаря к принятию этой практики, основные из которых уже перечислены; это достаточное объяснение сходства привычек, и вряд ли стоит называть это атавизмом. Его лучше назвать выживанием. "Я рассматриваю ее, - хорошо говорит Лакассань в своей поучительной работе *"Les Tatouages"*, - как непрерывную и последовательную трансформацию инстинкта". Построение и материальное выражение метафоры и эмблематического языка было впервые принято наиболее возвышенными классами, у которых не было других средств передачи или материализации своих мыслей. Постепенно этот метод нашел прибежище у тех низших классов, у которых пока не было лучшего средства для выражения своих чувств и переживаний. В этих классах также преобладает тщеславие или потребность в одобрении, и это оказывает заметное влияние на поддержание обычая".

Среди женщин татуировки встречаются крайне редко. Из 300 женщин-преступниц в Турине Гамба обнаружил татуировки только у пяти. Соресина, обследовавший 1000 проституток в Милане, не нашел ни одной татуированной. Ломброзо из 200 преступниц нашел только одну татуированную; она была родом из Кьоджии, взрослой женщиной, убившей своего любовника из ревности, и много общалась с моряками[37].

Среди душевнобольных татуировка, похоже, не всегда является редкостью. В приюте для умалишенных в Анконе, как мы узнаем от доктора Ривы, [38] из 184 мужчин и 147 женщин не менее 16,30 процента первых и 6,80 процента вторых были татуированы. Следует отметить, что эти знаки встречались в основном среди более тяжелых и неизлечимых случаев умственного вырождения (слабоумие, алкоголизм, эпилепсия, врожденная умственная слабость). По характеру и расположению они отличались от тех, что обычно встречаются у преступников, тем, что были нанесены исключительно на руки и кисти, и состояли только из религиозных символов, особенно Мадонны Лоретто.

§ 8. Двигательная активность.

Необычайная и обезьянья ловкость часто отмечается среди преступников. Каждый знаком с дерзкими подвигами, благодаря которым заключенные часто вырываются из рук своих опекунов невредимыми. Этой особенности иногда способствует необычная длина рук. Вор, поджигатель, нарушитель и убийца, обследованный Марандоном де Монтъелем, не обнаружил ничего ненормального или преступного в своем физическом характере, кроме необычайной ловкости.

В пословицах многих народов леворукость, по инстинкту или в результате точного наблюдения, рассматривается с пренебрежением. Среди преступников она встречается довольно часто. Обследовав 81 нормального человека, Марро обнаружил 70 правшей, 7 левшей и 4 амбидекстров. Обследовав 190 рабочих, он обнаружил только 6 левшей. В целом доля нормальных левшей и амбидекстров составила 6,2 процента. Среди преступников же, за единственным исключением - разбойников, доля левшей и амбидекстров была в каждом случае выше. Среди 40 убийц - 17,5 процента, среди 7 поджигателей - 28,5 процента, среди 44 грабителей - 18,1 процента. Это соответствует большей сенсорной тупости, которая также наблюдалась на правой стороне среди преступников. Интересно также отметить тенденцию к амбидекстрии у детей, дикарей и идиотов.

При использовании динамометра, судя по опыту Марро, также наблюдается несколько большее преобладание левой руки над правой. Здесь интересно отметить, что среди нормальных людей доля, в которой левая рука сильнее правой, отнюдь не мала. Так, на Международной выставке в Лондоне в 1884 году наблюдения, проведенные под руководством мистера Гальтона над 400 взрослыми мужчинами - ремесленниками, клерками, профессионалами и т. д. - в возрасте от двадцати трех до двадцати шести лет, показали, что в 253 случаях правая рука была сильнее левой по силе сжатия; в 147 - левая; в 28 - обе руки были равны. Если разделить обследованных таким образом людей по роду занятий, то результаты окажутся весьма любопытными. Из 18 химиков у 12 правая рука была сильнее, у 5 - левая, у 1 - обе были равны. Из 9 плотников и столяров у 4 правая рука была сильнее, у 3 - левая, у 2 обе были равны. Из 87 клерков у 52 правая рука была сильнее, у 29 - левая, у 6 обе были равны. Из 9 медиков у 5 правая рука была сильнее, у 4 - левая. Из 7 священников и служителей церкви в 3 случаях правая рука была сильнее, в 3 - левая, в 1 - обе были равны. Высокая доля правшей среди химиков, несомненно, объясняется влиянием профессии, постоянной практикой захвата тяжелых бутылок правой рукой. Род занятий плотников и столяров также, несомненно, благоприятствует силе сжатия в левой руке. Фактор профессии менее очевиден среди клерков, но, несомненно, благоприятствует правой руке, и среди них пропорция очень близка к средней среди 400 человек. Врачи почти такие же левши в этом отношении, как и плотники, хотя на результат вряд ли может повлиять род занятий; в то время как священнослужители, которые, безусловно, наиболее свободны от влияния рода занятий в этом отношении, являются самыми леворукими из всех, хотя здесь цифры слишком малы, чтобы можно было получить какие-либо очень надежные результаты.

По-видимому, еще не было предпринято достаточных усилий, чтобы определить, что именно является леворукостью. Относительной силы двух рук для этого недостаточно, поскольку манцинизм, или леворукость, - это вопрос не только относительного умения, но и относительной силы. Вполне возможно, что человек может быть левшой в одних отношениях и правшой в других; таким образом (как это случилось с настоящим писателем) он может быть правшой в отношении всех тех действий, которые выполняются привычно и социально, или которые являются результатом обучения, и левшой во всех остальных отношениях. В таком случае, по-видимому, существует естественная тенденция к леворукости, которая контролируется и скрывается тренировками, но использует любую возможность заявить о себе в более незащищенных направлениях. Мне кажется, что акт бросания камня, требующий тонкой нервной настройки, а также мышечной силы, и не подверженный влиянию искусственного обучения, является для практических целей наиболее удобным и точным тестом для определения леворукости. Именно этот тест использовали Клэпхэм и Кларк; они обнаружили, что 6 процентов из 500 обследованных преступников были левшами[39].

Оттоленги недавно исследовал анатомический манцинизм преступников. По предложению Ломброзо он измерил с помощью инструментов Бертильона, которые дают максимальную точность, длину рук, средних пальцев и стоп у 100 преступников и 50 нормальных людей. Различия менее чем в миллиметр он не учитывал. Он обнаружил, что если у 14 процентов нормальных людей правая рука длиннее, то у 5 процентов преступников в целом и ни у одного из воров и карманников. У 35 процентов карманников левая рука была длиннее, чем у 11 процентов нормальных людей. Очень похожие результаты были получены в отношении пальцев. У 38 процентов нормальных людей правая нога была длиннее, чем у 27 процентов преступников; в этом отношении, однако, карманники (35 процентов) наиболее близки к норме, в то время как осужденные за ранения, которые в отношении руки наиболее близки к норме, в этом отношении наиболее далеки от нее. У 15 процентов нормальных людей левая нога была длиннее, у 35 процентов преступников, включая 55 процентов случаев нанесения ранений, и у 56 процентов сексуальных преступников. Следует добавить, что этот анатомический манцинизм не обязательно связан с двигательным манцинизмом[40].

Аномалии коленного сухожильного рефлекса очень распространены среди преступников; они либо преувеличены, либо, очень часто, отсутствуют. Ломброзо обнаружил слабые сухожильные рефлексы, особенно распространенные среди воров, и очень большую долю преувеличенных сухожильных рефлексов среди сексуальных преступников. Марро также обнаружил самую высокую долю преувеличенных рефлексов (огромная доля - 40 процентов) среди сексуальных преступников. Среди 79 процентов лиц с преувеличенными рефлексами родители были алкоголиками или сумасшедшими.

§ 9. Физическая чувствительность.

Татуировка, которой подвергаются преступники, иногда не щадя таких чувствительных частей, как половые органы, которые редко затрагиваются даже при обширной татуировке у варварских рас, служит доказательством недостаточной чувствительности преступников к боли.[41] Физическая нечувствительность преступника действительно была замечена каждым, кто знаком с тюрьмами. В этом отношении инстинктивный преступник напоминает идиота, для которого, как замечает Гальтон, боль - "желанный сюрприз". Его можно даже сравнить со многими низшими расами, например, с маори, которые без колебаний отрубали себе палец или два, чтобы иметь возможность носить европейские ботинки. Доктор Фелкин установил, что максимальное расстояние, на котором можно различить две точки компаса на кончике языка, составляет у среднего европейца 1,1 мм, у суданца - 2,6 мм, у негра - 3 мм.

Лавернь упоминает о пожизненно заключенном каторжнике, который улыбался от удовольствия, когда, приложив к нему моксу, видел, как горит его кожа, и слышал, как она трескается. Сбро... (убивший своего брата и отца), любимый Ломброзо типичный случай "морального помешательства", был признан Тамбурины и Сеппилли не воспринимающим боль при испытании иглой. Другие преступники были признаны очень нечувствительными к электрическому току. Доктор Николсон заметил: "Они сравнительно свободны от того возбуждения и трепета, которые так склонны возникать при обстоятельствах, связанных с напряжением и болезненным предчувствием". Заключенный, зная о вероятной порке на следующий день, вместо того чтобы поддаваться беспокойству и тревоге, сохраняет спокойствие и выдержку". Нередко в газетах можно прочитать о преступниках, которые без малейшего трепета протягивают руки для надевания наручников, сытно едят накануне казни или даже в то время, когда присяжные заседатели еще совещаются об их судьбе.

Один из ста преступников Росси получал в детстве удары отца "как ласку" и смог пройти с вывихнутой ногой от Генуи до Нови (около тридцати миль); другой нанес себе тяжелые раны и

заявил, что это не причинило ему боли. Доктор Пента в ходе своих тщательных исследований обнаружил, что большинство из 184 инстинктивных преступников в Санто-Стефано были нечувствительны к боли при проколах, ожогах, порезах и даже при серьезных хирургических операциях. "Я удалял опухоли, - замечает он, - значительных размеров, на спине и шее, без необходимости вызывать анестезию и не причиняя боли; в случае симулированной эпилепсии нашатырный спирт в носу не вызывал никаких рефлекторных явлений, а глубокие проколы и ожоги кожи не вызывали болезненных сокращений".

Эта невосприимчивость проявляется также в неуязвимости, или быстром восстановлении после ран, впервые отмеченном Бенедиктом, что, по-видимому, является часто наблюдаемым явлением среди преступников; так было замечено несколькими тюремными врачами, отвечавшими на мои вопросы.[42] В этом отношении инстинктивный преступник напоминает низших животных, а также низшие расы человека; среди египтян, китайцев, аннамитов и других рас раны заживают гораздо быстрее, чем в Европе. Так, мистер Трегир замечает: "Я видел, как маори пронзили большим плотовым копьем (железный шест толщиной с запястье), острие которого прошло через грудь, под ключицей, и вышло сзади. Через неделю он прошел пятнадцать миль, преодолев горный хребет, и рана затянулась"[43]. Бенедикт рассказывает о разбойнике, которому во время бунта пленников сломали несколько позвонков; все раны зажили, и прежний великан стал карликом, но мог работать в кузнице тяжелым молотом со всей прежней силой. Ломброзо знал одного вора, которому топором перебили лобную кость сбоку; через пятнадцать дней он выздоровел без всякого рецидива. Он также рассказывает об убийце, которого, когда он работал каменщиком, упрекнули за какую-то провинность; он бросился с третьего этажа во двор; все думали, что его убили, но он встал, улыбаясь, и попросил разрешения продолжить работу. Беременная женщина сделала себе кесарево сечение кухонным ножом, впоследствии убив ребенка; она выздоровела без перевязок и без лихорадки. Мы также слышали о преступнике с переломом ребер и плевритом, который мог тесать дрова и ездить в повозке по неровным горным дорогам. "Люди, обладающие этим качеством, - замечает Ломброзо, - считают себя привилегированными и относятся с презрением к тем, кто кажется деликатным и чувствительным. Таким людям доставляет удовольствие мучить других, которых они считают низшими существами".

Хотя они громко жалуются на пустяковые недомогания, они часто не подозревают о серьезных заболеваниях. В Чатеме в 1888 году заключенный упал замертво, вернувшись с родов; оба легких были обнаружены на ранней стадии пневмонии, и смерть, вероятно, наступила в результате обморока; он никому не жаловался. Заключенные наносят себе тяжелые увечья, чтобы добиться какого-нибудь пустяка. В Чатеме в 1871-72 годах было зарегистрировано 841 добровольное ранение или ушиб; 27 заключенных добровольно сломали конечности, и 17 из них пришлось подвергнуться ампутации; 62 пытались изувечить себя, а 101 нанес себе раны с помощью едких веществ. Ломброзо обнаружил снижение общей чувствительности у 38 из 66. Работая с электрическим аппаратом Дю-Буа Реймонда совместно с Марро, он обнаружил, что чувствительность преступников значительно уступает чувствительности нормальных людей. Мошенники обладали гораздо большей чувствительностью, чем убийцы и воры. Марро обнаружил, что чувствительность, измеренная эстеziометром, наиболее тупая у убийц и поджигателей. Аналогичные результаты были получены Рамлотом в отношении тактильной чувствительности; он обследовал 103 преступника и 27 нормальных людей и обнаружил тупость у 44 процентов первых и только у 29 процентов вторых[44]. Следует отметить, что случаи чрезмерной чувствительности, вызванной либо крайней пассивностью, либо каким-то болезненным состоянием кожи или мозга, также встречаются среди преступников.

Боно обнаружил, что зрение преступников превосходит нормальное. Он обследовал 190 подростков-правонарушителей и сравнил их с более чем 100 молодыми людьми аналогичного возраста в сельскохозяйственном институте, причем обследование во всех случаях проводилось в одинаковых условиях. Острота зрения 49 процентов преступников превышала 1,5 Снеллена; только 31 процент честных молодых людей обладали такой же остротой.

Оттоленги получил аналогичные результаты.^[45] Он обследовал 100 преступников с помощью типов Снеллена на открытом воздухе, используя различные меры предосторожности для обеспечения однородности и точности. Результаты были следующими.

Visus (в среднем) для	82 воров	=	1.8
" "	18 убийства	=	2.2
" "	100 преступники	=	2.0

В одном из убийств зрение было чрезвычайно острым ($V = 3$). Он обследовал 15 надзирателей в возрасте от 27 до 45 лет в тех же условиях и обнаружил, что зрение = 1,5. Необходимы дальнейшие наблюдения по этому вопросу, поскольку предыдущие наблюдатели (например, Бьелакофф) находили зрение преступников ниже нормального. Если результаты Оттоленги подтвердятся при более длительном наблюдении, то в этом вопросе можно провести интересную аналогию между преступниками и многими низшими расами. Так, исследования, проведенные Сеггелем в 1881 году, дали следующие результаты

Терра дель Фуэгианс	$V = 5$
Нубийцы	$V = 3$
Грузины	$V = 1\frac{3}{4}$

в то время как среди немецких и русских солдат средний показатель колебался между $1\frac{1}{2}$ и 0,95.

Оттоленги также обнаружил, что дальтонизм встречается очень редко; он встретил один случай (зеленой слепоты) среди 460 преступников, протестированных с шерстью Хольмгрена. Этот результат также соответствует результатам обследований низших рас, таких как самоеды, саамы, эскимосы, нубийцы и т. д. Следует добавить, что этот результат также нуждается в подтверждении, поскольку он не согласуется с другими наблюдениями. Так, Хольмгрен обнаружил, что дальтонизм наблюдался у 5,60 % из 321 преступника, в то время как среди 32 000 обычного населения эта доля составляла лишь 3,25 %. Часто встречается дисхроматопсия, что имеет большое значение, поскольку это расстройство так часто связано с серьезными нарушениями нервной системы.

Здоровье глаз у преступников, если оно подтвердится, можно сравнить с аналогичным состоянием у имбецилов. При исследовании двадцати молодых взрослых мужчин-имбецилов, страдающих незначительной степенью идиотизма, доктор Оливер обнаружил нормальное зрение и нормальное цветовосприятие, а глаза были совершенно свободны от незначительных болезненных изменений, столь часто встречающихся в глазах. Это состояние, "которое проявляется в правильном балансе мышечного действия, сохранении врожденной гиперметропии и ненормально здоровом виде глазного дна (представляющего картину, почти идентичную той, что наблюдается в младенческом возрасте), может

рассматриваться как значимое для типа неиспользованного, здорового глаза взрослого человека"[46].

Слух преступников относительно тупой, и они склонны к заболеваниям уха. Так, доктор Градениго, по просьбе Ломброзо, провел серию исследований по этому вопросу[47] на 110 инстинктивных и случайных преступниках. Из 82 обследованных им преступников 55 (67,3 %) оказались неполноценными по сравнению с нормой. Из этих 82 человек 40 были инстинктивными преступниками, и из них 29 (72,5 %) имели дефекты слуха. Из 28 женщин 15 (53,5 %) обладали слухом, не соответствующим норме. Четыре женщины, однако, обладали слухом, значительно превосходящим среднюю норму.[48] Градениго обнаружил, что дефекты слуха в подавляющем большинстве случаев были вызваны воспалительными заболеваниями среднего и внутреннего уха. Он не обнаружил постоянной связи между дефектами слуха и тупостью осязания, вкуса и обоняния, которые часто встречаются у преступников.

Оттоленги исследовал остроту обоняния 80 инстинктивных преступников (50 мужчин и 30 женщин) и 50 нормальных людей из среднего и низшего классов. Он сконструировал своеобразный осмометр, состоящий из двенадцати водных растворов эссенции гвоздики, содержащихся в одинаковых бутылках в одинаковых количествах. Растворы были градуированы от $\frac{1}{50000}$ до $\frac{1}{100}$. [49] Начиная с самого слабого раствора, он отмечал, когда начиналось обонятельное ощущение; он также использовал метод Николса и Бейли, предлагая испытуемому расставить бутылки в порядке интенсивности. Результат, в отличие от того, что он ожидал, ясно показал, что обоняние у преступников развито меньше, чем у нормальных людей, а у преступных женщин - несколько меньше, чем у преступных мужчин. Среди нормальных людей (как ранее обнаружили Николс и Бейли) обоняние у женщин менее острое, чем у мужчин. Среди 80 преступников 8 (6 мужчин и 2 женщины) не обладали обонятельной чувствительностью; у 2 из них полностью отсутствовало восприятие, у 6 - специфические ощущения.

Оттоленги также исследовал чувство вкуса у преступников.[50] Он обследовал 60 инстинктивных преступников, 20 случайных преступников, 20 нормальных людей низшего класса, 50 студентов и профессиональных мужчин, 20 преступных женщин и 20 нормальных женщин, все здоровые и крепкие, в большинстве своем в возрасте от двадцати до пятидесяти лет. В качестве испытуемых веществ использовались сульфат стрихни, сахарин и поваренная соль; были приняты различные меры предосторожности (внимание к равномерности количества используемого раствора, температуре раствора, чистоте полости рта и т.д.), чтобы сделать серию экспериментов, полную практических трудностей, как можно более надежной. Из этих экспериментов следовало, что чувство вкуса более развито у нормального человека, чем у преступника, и более развито у случайного преступника, чем у инстинктивного преступника. Он обнаружил вкусовую тупость у 38,3 % инстинктивных преступников, у 25 % обследованных мужчин низшего класса и у 14 % профессиональных мужчин. Женщины-преступницы также демонстрировали большую долю вкусовой тупости, чем обычные женщины. При этом он отметил, что у женщин, которые выглядели как нормальные, но были склонны к пороку и проституции, наблюдался еще больший процент вкусовой тупости, чем у криминальных женщин. Дефект остроты вкусовых ощущений, как ему показалось, носит скорее качественный, чем количественный характер. Общее возбуждение возникало в большом количестве случаев так же быстро, как и у нормального человека, но специфические ощущения были очень заторможены. Испытуемый ощущал вкус, но не мог сказать, какого рода он был; то есть дефект располагался центрально, в коре головного мозга, а не в сенсорном аппарате.

Следует отметить, что преступники начинают употреблять табак в раннем возрасте. Так, среди населения, которое обычно начинает курить в возрасте до тридцати лет, только в пропорции 14 проц. (а среди умалишенных - 7,2 %), 22 % преступников курят до тридцати лет, и почти все (279 из 300 мужчин и 32 из 32 женщин) - до поступления в тюрьму. Вентури[51] обнаружил, что табак употребляют 14,3 процента нормальных мужчин и 1,5 процента нормальных женщин; 45,8 процента преступных мужчин и 15,9 процента преступных женщин. Марамбат[52] пришел к выводу, что любовь к табаку - это первая страсть, укоренившаяся в подростке-преступнике. Из 603 несовершеннолетних преступников в возрасте от восьми до пятнадцати лет 51 процент приобрели привычку употреблять табак еще до заключения под стражу.

Ломброзо отмечает, что чувствительность преступников к погоде, по-видимому, выше, чем у обычного населения. Он обнаружил ее у 29 из 112 человек. Среди них было 9 человек, которые становились ссорящимися незадолго до бури, и один из них заметил, что его товарищи всегда предвещали плохую погоду, когда он хотел поссориться. По наблюдениям Достоевского, ссоры и беспорядки были особенно распространены среди каторжников весной. То, что верно в отношении русских заключенных в Сибири, похоже, верно и в отношении американских заключенных в Нью-Йорке. Из некоторых таблиц, приведенных доктором Вэем из Эльмиры, следует, что отметки за плохое поведение особенно многочисленны весной, а также, в некоторой степени, осенью.

Вазомоторная чувствительность. Неспособность краснеть всегда считалась сопровождением преступности и бесстыдства. Среди идиотов и дикарей румянец также встречается крайне редко; испанцы говорили об индейцах Южной Америки: "Как можно доверять людям, которые не умеют краснеть?". Из исследований Амадея, Тоннини и Бергезио следует, что если сравнивать сумасшедших и преступников, то в два раза больше последних не умеют краснеть. Пасини, исследуя женщин, отметил, что краснеют 21 процент убийц, 20 процентов отравительниц, 18 процентов детоубийц и только 10 процентов воров. Причем краснели они не при упоминании преступлений, а когда их спрашивали о менструальных функциях. Из 130 женщин-преступниц, обследованных Сальсотто, 50 краснели, когда их спрашивали о преступлениях. Доктор Андронико из Мессины сообщил Ломброзо некоторые интересные, хотя и слишком общие наблюдения, касающиеся проституток и молодых женщин-преступниц, содержащихся в тюрьмах под его опекой. "Среди записанных проституток, - замечает он, - ни одна не покраснела, когда ее спросили об их занятиях. Я видел, как некоторые из них краснели, когда их упрекали в противоестественной практике. Я заметил, что женщины убийства рассказывают о своих деяниях бесхитростно и не краснея; те, кто отравил своих мужей, краснеют, но частично. У женщин-заключенных, осужденных за воровство, румянец появляется сначала на ушах, затем на лице; осужденные за возбуждение к проституции не краснеют".

Для того чтобы проверить вазомоторные реакции преступника на различные мысли и эмоции, Ломброзо в течение года провел ряд очень интересных экспериментов со сфигмографом и с гениальным и ценным прибором Моссо - плетизмографом. С помощью сфигмографа (или, скорее, гидросфигмографа) он наблюдал за степенью возбуждения, которое вызывали у различных людей вино, сигары, еда, деньги и фотографии обнаженных женщин. Плетизмограф - тонкий инструмент для измерения психического возбуждения, зависящий от того, что малейшая эмоция вызывает изменение количества крови в любой части тела.[53] С помощью плетизмографа Ломброзо обнаружил, что самые сильные впечатления (превышающие нормальные) производили трусость, страх перед судьей, какой-нибудь любимый способ возбуждения (вино или женщины), но прежде всего - тщеславие.

Однако на основе его наблюдений нелегко сделать обобщение; необходимо, чтобы такие наблюдения проводились в течение длительного периода на большом количестве людей, как нормальных, так и преступников, и тщательно контролировались. Они представляют огромный интерес, поскольку позволяют проникнуть в самые потаенные уголки разума и измерить силу движущих им мотивов. Остается надеяться, что они будут проводиться в гораздо больших масштабах, чем это было до сих пор.

Все эти исследования физической чувствительности преступника имеют первостепенное значение, и необходимо, чтобы они были значительно расширены и тщательно проверены. Пока что все они почти сходятся в том, что у преступника наблюдается заметный недостаток физической чувствительности. На этой физической нечувствительности покоится та моральная нечувствительность, или психическая анальгезия, как ее еще называют, которая, как мы увидим, является наиболее фундаментальной психической характеристикой преступника.

ГЛАВА IV.

КРИМИНАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ (ПСИХИЧЕСКАЯ).

§ 1. *Нравственная невосприимчивость.*

Нравственная невосприимчивость инстинктивного и привычного преступника, его непредусмотрительность, отсутствие угрызений совести, жизнерадостность были отмечены задолго до того, как их всесторонне изучил Деспин. В *aprome* французских преступников совесть - это *la muette*, а побудить кого-либо к нечестной жизни - *l'affranchir*. Эта моральная невосприимчивость, действительно, является общим местом наблюдения всех, кто близко общался с преступниками. Галл заметил: "Если преступники и испытывают угрызения совести, то только потому, что они не совершили больше преступлений, или потому, что позволили себя поймать". Достоевский, рассказывая о своем близком и сочувственном знакомстве с каторжниками в Сибири, сказал: "В течение стольких лет я должен был бы уловить какой-нибудь признак, хотя бы и беглый, сожаления, нравственного страдания. Я не уловил ровным счетом ничего. Уединение и чрезмерный труд только развивают в этих людях глубокую ненависть, жажду запретных удовольствий и страшное равнодушие". Далее он рассказывает об отцеубийце, который в ходе разговора небрежно заметил: "Возьмем, к примеру, моего отца; он никогда не болел до самой смерти". "Сцены душераздирающего отчаяния почти никогда не наблюдаются среди заключенных, - замечает доктор Вей из Эльмиры, - их сон не нарушается никакими тревожными сновидениями, а протекает легко и спокойно; их аппетит также превосходен"[54] "Это очень необычная вещь, - замечает г-н. Дэвитт, - что я встречал в тюрьме очень мало людей, которые по внешнему виду или по разговорам свидетельствовали бы о том, что они действительно несчастны, независимо от срока заключения, размера дополнительного наказания или контраста между их прежней и тюремной жизнью"[55] Мистер Дэвитт, похоже, склонен приписывать это зловещее довольство некой героической стойкости, провиденциально заложенной в груди преступника. Однако он рассказывает об одном человеке, который ни разу не улыбнулся за

все время своего пребывания в Дартмуре. "Его существование казалось одной вечной печалью, и в целом он был самым ярким исключением из правила не унывающих заключенных, которое попало мне на глаза за время моего долгого общения с преступным населением Дартмура". Этим человеком был каменщик из Суонси, который однажды субботним вечером вернулся домой "немного свежим", но не пьяным, и застал свою жену в слезах, а узнав, что ее оскорбил человек, живший на другой стороне улицы, бросился с долотом в руках к дому этого человека и оставил его безнадежно раненым. Очевидно, что этот человек, приговоренный к семи годам каторги, не был инстинктивным преступником или привычным преступником вообще; именно сила его социальных, а не антисоциальных инстинктов стала причиной его преступления. Он был просто преступником по страсти, и его случай, таким образом, не является исключением из общего правила.

В целом можно заключить, что практика инстинктивного и привычного преступника очень близко соответствует вере той религиозной секты, которая во времена Содружества считала, что "рай и все счастье заключаются в отказе от греха и зла" и "что такие мужчины и женщины наиболее совершенны и подобны Богу или вечности, которые совершают самые большие грехи с наименьшими угрызаниями совести".

Деспин в своей "*Психологии природы*" (1868) изучил этот вопрос в самом широком масштабе, чтобы получить точные результаты. "Я обратился с этой целью, - говорит он нам, - к сборнику *Gazette des Tribunaux*, начиная с 1825 года, и вскоре убедился, что эта психическая особенность является неизменным правилом среди этих преступников..... Я убедился, что те, кто хладнокровно предвидит и совершает преступления, никогда не испытывают моральных угрызений совести. Я также обнаружил, что те, кто проявляет острую печаль и настоящее раскаяние после совершения преступного деяния, совершили его либо под влиянием бурной страсти, на мгновение подавившей нравственное чувство, либо случайно, без умысла". Он приходит к выводу, что двумя главными психическими условиями преступления являются нравственная бесчувственность и испорченность, а двумя сопутствующими нравственными аномалиями - неосмотрительность и непредусмотрительность.

"Вы заранее обдумывали свое преступление?" - спросил судья. "Да, в течение восемнадцати месяцев". "Но это чудовищно". "Я знаю; мне следовало совершить его в апреле, но, не имея денег, я назначил его на январь". Убийцу после вынесения приговора вывели на улицу в окружении толпы, которая осыпала его ругательствами. Увидев товарища, он крикнул ему, почти смеясь: "Алло! Меня только что приговорили к смерти". Один албанец, убив путешественника, чтобы ограбить его, сетовал, что расходы на выстрел составили пять пар, а на жертве он нашел только четыре пар; это было его единственное сожаление. Один убийца после своего преступления два дня ел и пил с товарищем; "он был весел, как жаворонок", - сказал тот. "Но, - сказал судья обвиняемому, - один факт указывает на раскаяние с вашей стороны: вы собирались перерезать себе горло, когда вас арестовали". "Это было сделано для того, чтобы меня не забрали в тюрьму".

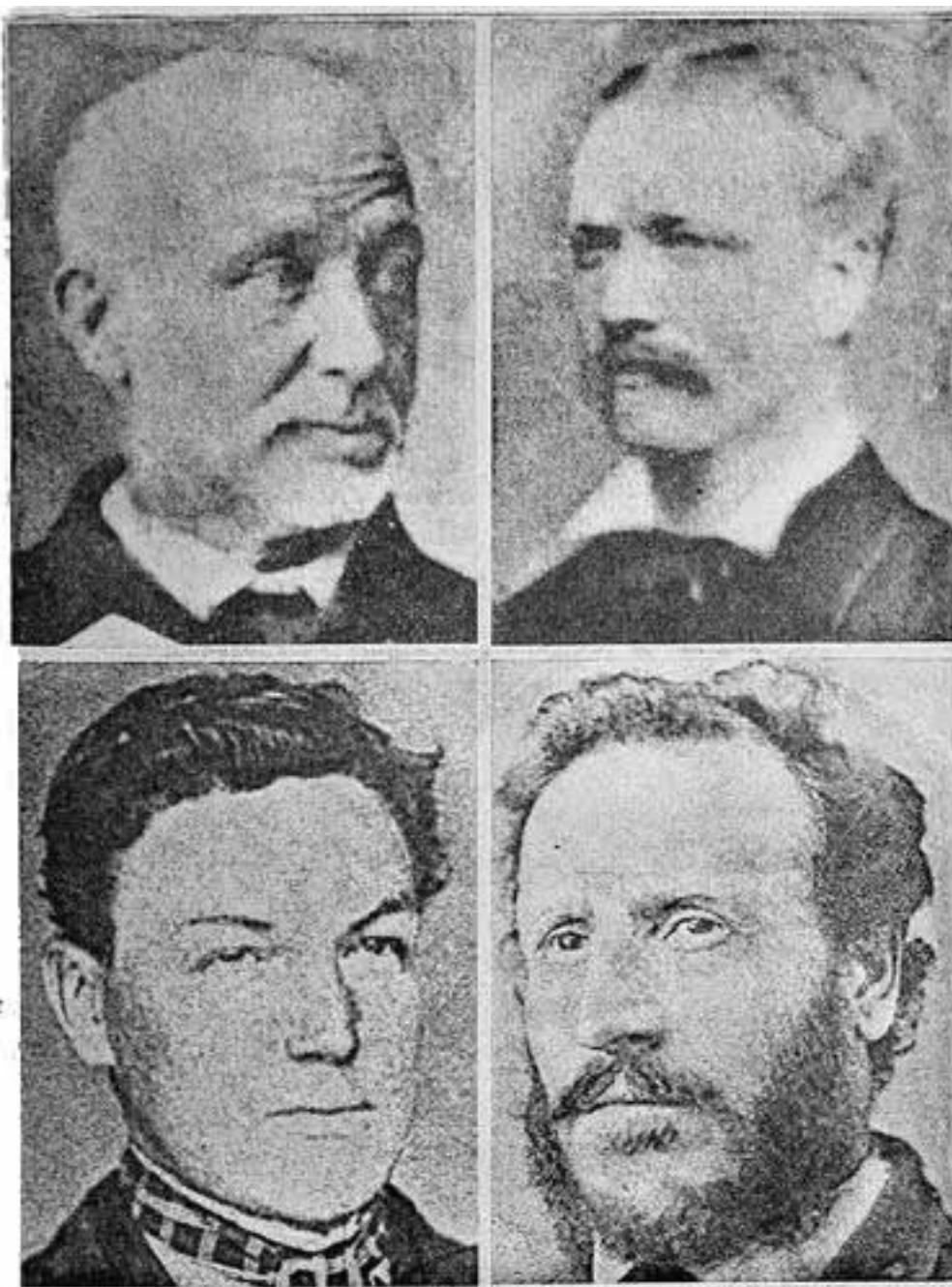
Уэйнрайт без утайки признался в своих злодеяниях. Как он мог убить такое невинное и доверчивое существо, как Хелен Аберкромби, спросили его однажды. После минутного раздумья он ответил: "Клянусь душой, я не знаю, разве что потому, что у нее были такие толстые ноги".

Можно было бы легко привести множество подобных историй, демонстрирующих моральную невосприимчивость инстинктивного преступника, часто проявляющуюся в жестокой браваде. Однако они легко доступны и достаточно известны. Достаточно привести еще одну.

Один капрал в Париже убил старуху, хозяйку трактира, чтобы ограбить ее. Его приговорили к смерти без всякой надежды на то, что наказание будет смягчено. Он знал об этом, но не беспокоился и гордился своим спокойствием и *хладнокровием*; он разговаривал со своими надзирателями на самые разные темы, не касаясь, однако, своего преступления; читал книги из тюремной библиотеки и, наконец, посвятил себя тому, что он называл литературным трудом своих последних часов. У него был вкус к стихам, и он написал драму о своем преступлении. "Смерть!" - часто говорил он окружающим его людям; "Я не могу бояться ее ни как солдат, ни как философ. Но она настигает меня в моей молодости и силе. Это ужасно, но я готов, и я пойду на казнь мужественно и с гордо поднятой головой". Поступки этого сократовского преступника соответствовали его словам. Он мирно спал, вставал и одевался с улыбкой на устах, радуясь, по его словам, тому, что все еще находится в этом мире, где, в конце концов, так приятно жить. Аппетит у него всегда был хороший, и он подшучивал над надзирателем, который его обслуживал, по поводу небольшого количества еды, которую ему давали. "Терпение!" - восклицал он, - "*на войне, как на войне*".

Один из палачей сказал Ломброзо, что все разбойники и убийцы шли на смерть, шутя. Однако было бы ошибкой искать моральное бесчувствие в спокойных занятиях и *шуточках* людей, которые, какими бы ни были их преступления, собираются заплатить за них крайнюю меру. Один преступник в последние часы жизни занимался раскладыванием своих неопубликованных литературных произведений; другой давал уроки гигиены надзирателям; третий заметил тем, кто пытался поторопить его к месту казни: "Не мешайте, без меня не начнут". Подобные истории, однако, были записаны о самых выдающихся политических преступниках во всех странах.

ПЛАТА IX.

Доктор Корре в своей интересной работе "*Преступники*" (*Les Criminels*) изучил исторические и судебные документы, касающиеся последних минут жизни 88 преступников, приговоренных к смерти, из которых 64 мужчины и 24 женщины. Из мужчин 25 умерли трусливо, уже полумертвые от страха, или после отчаянной борьбы с палачом. Это более двух пятых от общего числа, среди них было много главных криминальных знаменитостей, некоторые из них были образованными людьми, врачами и священниками. Четверо приняли свою участь в состоянии крайнего нервного возбуждения, сопровождавшегося болтливостью. Двенадцать сохраняли до конца циничное и театральное отношение; это были тщеславные личности, часто с некоторыми претензиями на литературные способности; Лакенер - их тип. Пятеро умерли с безразличием, бесстрашием, напоминающим бесчувствие грубияна или бессознательность безумца. Восемнадцать ушли из жизни со спокойным и покорным мужеством, часто раскаявшись и подготовленные увещаниями священника. Они принадлежали к разным социальным слоям. Представители низших

классов были, как правило, более искренними и публично признавали свою вину, служа предостережением для других; представители средних классов, желая оставить после себя сомнения в своей виновности, объявляли себя невиновными; остальные хранили молчание. Из 24 женщин только 5 (около одной пятой) проявили трусость. Только одна, отравительница, проявила "отвратительный цинизм". Остальные, в количестве 18 человек, были самообладанием и покорностью, часто раскаивались и, как правило, утешались религиозным управлением. К этой категории относится маркиза де Бринвилье, которая в течение долгих четверти часа была выставлена перед огромной толпой почти обнаженной - "раздетая, разодетая, одетая и одетая в бурро", - писала мадам де Севинье, - с непоколебимой стойкостью. Три четверти женщин и чуть больше четверти мужчин - среди тех, кто умер с покорным самообладанием. Цинизм, трусость и жестокая пассивность остальных свидетельствуют о моральном бесчувствии.

Из более чем 400 убийц, которых знал Брюс Томсон, только трое выразили раскаяние. Из 4000 преступников, прошедших через Эльмиру, 36,2 процента при поступлении положительно не восприимчивы к моральным внушениям; только 23,4 процента были "обычно восприимчивы". Доктор Сальсotto в своем недавнем исследовании 130 женщин, осужденных за преднамеренное убийство или соучастие в нем, [56] смог распознать подлинное раскаяние только у шести. Он осторожно отмечает, что точная статистика в этом вопросе не имеет большой ценности, если только она не связана с очень глубоким знанием отдельных преступников; предполагаемое раскаяние редко бывает настоящим, а настоящее раскаяние не бывает навязчивым. Достоевский, самый глубокий знаток человеческого сердца, когда-либо близко изучавший преступников, отмечал такой факт: "В одной тюрьме сидели люди, которых я знал несколько лет, которых я считал дикими зверями и к которым, как к таковым, я испытывал презрение; Но в самый неожиданный момент их души непроизвольно раскрывались на поверхность с таким богатством чувств и сердечности, с таким ярким ощущением своих и чужих страданий, что, казалось, чешуя спадала с глаз; на мгновение оцепенение было столь велико, что человек не решался поверить в то, что видел и слышал".

Моральная бесчувственность инстинктивного преступника является причиной его жестокости, которую он часто проявляет с самого детства. Росси обнаружил у десяти из 100 своих преступников преувеличенную и преждевременную жестокость; один из них в детстве брал молодых птиц, вырывал у них перья и жарил их заживо; другой мстил птицам за наказания, наложенные на него родителями. Определенная доля жестокости, однако, почти нормальна для здоровых детей. Инстинктивный преступник более отчетливо проявляется в том, что он продолжает заниматься одним и тем же делом на протяжении всей жизни. В Буэнос-Айресе один человек убил своего отца, чтобы ограбить его, и, не найдя денег, положил ноги своей матери на огонь, чтобы заставить ее признаться в том, о чем она не знала. Другой, убив всю семью, играл с трупами детей, подбрасывая их в воздух и поочередно ловя. Другой, упомянутый Ломброзо, когда ему показали фотографию убитой им жены, без дрожи в веках подтвердил свою личность, спокойно добавив, что после нанесения смертельной раны он попросил прощения, которое не было получено. Маленькая няня отравила детей-близнецов, находившихся под ее опекой, фосфором из коробка спичек, чтобы получить удовольствие от похода к врачу и аптекарю [57].

В Индии ни один мотив для убийства не кажется слишком неестественным или слишком надуманным, чтобы иногда быть правдой. "Деревенский школьный учитель в Алигархе (1881) убил одного из своих учеников; отчим в том же районе бросил двух своих пасынков в Ганг,

потому что они ему надоели. Мужчина в Джханси (1885 г.) убил свою дочь за то, что сосед оклеветал ее, чтобы кровь девушки была на голове соседа. Один хозяин убил своего слугу (1881 г.) и бросил тело перед дверью своего врага только для того, чтобы выдвинуть против последнего ложное обвинение. Аналогичный случай произошел в Азамгархе пять лет спустя: мальчика убили его дед и дядя; они бросили тело на поле сахарного тростника, а затем обвинили в преступлении хозяина. Еще более странная история произошла в округе Мутха: Рандбир, джат, который когда-то был процветающим человеком в Рандбирпуре, попал в руки ростовщиков, потерял свое имущество и дом и по какой-то кривой причине озлобился на своих старых односельчан. Он решил навлечь на них беду. Взяв с собой вертолет, он встретил маленькую девочку-чамарку, которую отвел в храм в Бахадурпуре. Там он перерезал ей горло и слегка ранил себя, а затем выдвинул обвинение в дакоити и убийстве против жителей своей старой деревни"[58].

Такое моральное бесчувствие, несомненно, тесно связано с физическим бесчувствием, о котором уже говорилось, и имеет столь же болезненный или нетипичный характер. Оно выходит далеко за пределы дикаря, с которым можно справедливо сравнить моральное бесчувствие, связанное с преднамеренным убийством или нанесением увечий ближнему. "Как ты храпишь!" - говорит один человек другому. "Еще раз так сделаешь, и я тебя убью". Через час после этого он убил его. Лорд Гиффорд упоминает австралийскую женщину из племени мулиана, которая призналась, что убила и съела двух собственных детей, которые досаждали ей своим плачем. (Австралийские аборигены, однако, обычно очень нежны со своими детьми). Один вождь племени маори сказал мистеру Трегиру: "Если я выхожу на утреннюю прогулку с копьем, вижу человека и вонзаю в него копье, *это* не убийство - это *"убийство"*. Но если я приглашу его к себе домой, дам ему еды, скажу, чтобы он спал, а потом убью его, *это* будет *"убийство"*"[59] Такое четкое разграничение свидетельствует о значительной степени моральной невосприимчивости. Следует отметить, однако, что хотя в этом отношении преступник приближается к дикарю, он в то же время относится к тем более или менее цивилизованным людям, которые спокойно переносят убийство, когда оно называется войной.

§ 2. Интеллект.

Две наиболее характерные черты в интеллекте среднего преступника на первый взгляд несовместимы. С одной стороны, он глуп, неточен, лишен предусмотрительности, поразительно неосмотрителен. С другой стороны, он хитер, лицемерен, любит фальшь, даже ради нее самой, изобилует уловками. Эти характеристики полностью проиллюстрированы в многочисленных анекдотических книгах, написанных о преступлении и преступниках.

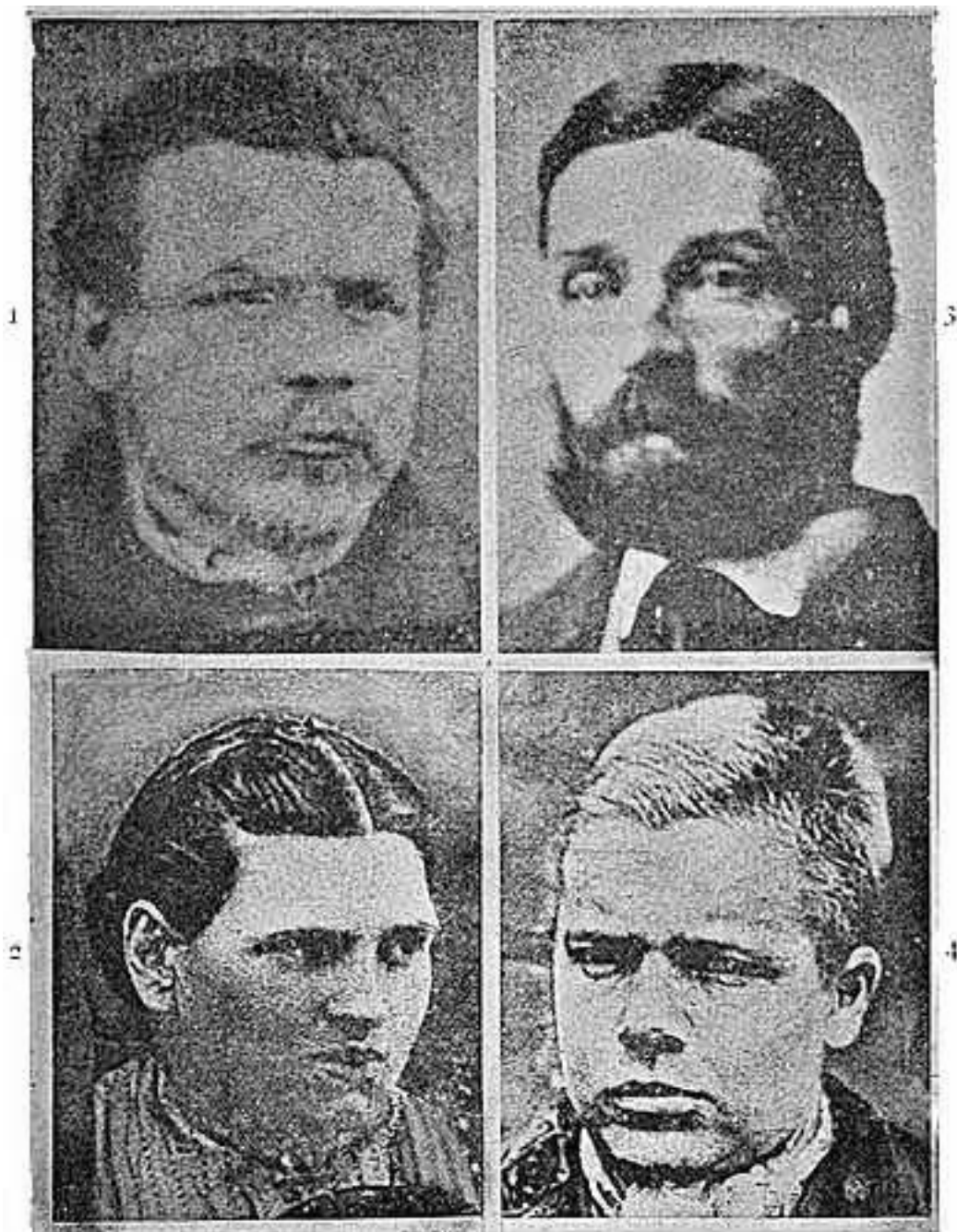
Было предпринято несколько попыток получить точные данные об относительном интеллекте преступников, но в таких расчетах присутствует значительный элемент догадки. Доктор Марро, надежный наблюдатель, обнаружил заметный недостаток интеллекта в 21 случае из 500. Он обнаружил, что наибольшая доля людей с дефектами интеллекта приходится на поджигателей, а затем на убийц; далее следуют бродяги, сексуальные преступники, осужденные за нападение, разбойники и осужденные за простую кражу. Мошенники, а также карманники и грабители не показали ни одного случая дефектного интеллекта. Иными словами, преступники против личности демонстрируют гораздо более низкий уровень интеллекта, чем преступники против собственности.

Глупость и хитрость преступника на самом деле тесно связаны, они приближают его к дикарям и низшим животным. Как и дикарь, преступник лишен любопытства - основы науки и одного из самых высоких приобретений высокоразвитого человека. В этом отношении его

постоянно сравнивают с животными. Маке, бывший начальник парижской *полиции сыска*, замечает: "Несмотря на хитрость и уловки, которые слишком безвозмездно приписывают ворам, их тупость в целом едва ли заслуживает доверия; они почти все похожи на страуса, который, спрятав голову за листом, думает, что его не видят, потому что он не видит". Доктор Корре замечает: "В преступнике есть что-то кошачье: подобно кошке, ленивой и капризной, но страстно стремящейся к цели, антиобщественное существо знает только, как удовлетворить свои импульсивные инстинкты". Доктор Вей из Эльмиры говорит: "Ошибочно полагать, что преступник от природы смысленный. Если он и сообразителен, то, как правило, в узком кругу и самоповторяется. Подобно хитрости лисы, его сообразительность проявляется в реализации его планов, а также в личном удовлетворении и комфорте". "Многие уголовные неграмотные, - замечает он в другом месте, - настолько дремучи, что не могут отличить правую руку от левой". М. Жоли, рассуждая о том, как преступник любит хитрить, добавляет: "Животные из всех живых существ больше всего любят уловки, когда действуют их особые инстинкты. Пустые и необученные дети, решившие обмануть своих учителей и развлечься во что бы то ни стало, более *rusé*, чем их товарищи во главе класса. Женщины используют уловки гораздо чаще, чем мужчины". В заключение приведу слова доктора А. Краусса[60]:- "Специалисты говорят, что преступники более проницательны, чем умны. Но что это за проницательность? Это инстинктивная, врожденная способность, не зависящая от реального интеллекта, которая рано совершенствуется у детей, у самых низких дикарей, у женщин, а также у имбецилов; хотя опыт приходит ей на помощь, она никогда не поддается искусственной культуре. По сути, это способность, ограниченная рассмотрением конкретных случаев, которая в основном связана с обманом других. Умственная инертность, так часто сочетающаяся с этой способностью, проявляется в том, что преступник, планируя преступление, не просчитывает все возможные варианты развития событий, а сразу после успеха своего поступка теряет всякую осторожность, как будто энергия его ума, направленная на проект и его исполнение, была исчерпана одним махом. Помимо этой инстинктивной способности, интеллект - это способность к бесконечному разнообразию, которая созревает медленно, постепенно затрагивая язык и вопросы абстрактной культуры. Его нужно культивировать с усердием и с помощью счастливой организации нервных центров. Он часто развивается поздно даже у высокоодаренных людей".

В то же время среди преступников иногда встречаются люди несомненной интеллектуальной силы. Вийон, один из самых правдивых, если не один из самых великих поэтов, был преступником, человеком, постоянно находящимся под угрозой виселицы; однако мне не кажется очевидным, что он был тем, кого мы должны назвать инстинктивным преступником. Видок, ловкий преступник, ставший столь же успешным полицейским чиновником и написавший свои интересные и поучительные "*Мемуары*", возможно, и не был, как утверждает Ломброзо, человеком гениальным, но он, несомненно, был человеком больших способностей. Евгений Арам сегодня общепризнан как сравнительный филолог, который предвосхитил и в некоторой степени открыл некоторые из более поздних достижений этой науки.

ПЛАТА X.

Джонатан Уайлд - интересный пример преступника с большими практическими способностями, человека, чей организаторский гений сделал бы его равным любому положению, в котором он мог оказаться. "В республике гильдии воров" - я цитирую превосходное изложение карьеры Джонатана Пайка[61] - "Джонатан Уайлд стал как бы диктатором; но, как и многие великие люди средневековья, он был обязан своим величием двойной сделке. Начав с малого, он стал, по крайней мере в Лондоне, главным приемщиком всех краденых товаров. Он приобрел и сохранил это положение благодаря настойчивому применению двух простых принципов: он делал все возможное, чтобы помочь закону осудить всех тех злоумышленников, которые не признавали его власти, и делал все возможное, чтобы возместить убытки всех тех, кто был ограблен и кто вошел к нему в доверие. Постепенно он создал канцелярию по возвращению пропавшего имущества, чему правительство, должно быть, некоторое время потворствовало. Здесь ограбленные искали аудиенции у единственного человека, который мог пообещать им возмещение; здесь

грабители собирались, как рабочие в мастерской, чтобы получить плату за выполненную ими работу. В некоторых отношениях Дикий был более самодержавным, чем многие короли, ведь он обладал властью жизни и смерти. Если он мог наградить вора, который подчинился ему, он мог повесить разбойника, который не обратился к нему за защитой. Если за достаточную плату он мог найти потерянное, то, когда его притязания забывались, он мог заставить потерявших раскаяться в своей житейской мудрости. Он не был выше своего положения и никогда не позволял такому чувству, как щедрость, вмешиваться в простые правила ведения бизнеса. Он носил с собой служебный жезл, сделанный из серебра, который, по его утверждению, был знаком власти, данной ему правительством. Ценные товары он тщательно прятал на многочисленных складах; а когда в Англии не находилось для них рынка из-за безразличия ограбленных или опасности для нечестных покупателей, он отправлял их на собственном корабле в Голландию, где нанимал надежного агента. Подобно варварским монархам, он дарил подарки, когда хотел выразить желание дружбы и помощи; а чтобы получатели этих милостей не были скомпрометированы, он держал штат искусных ремесленников, которые могли так изменить внешний вид табакерки, кольца или часов, что даже настоящий владелец не мог их узнать. Удовлетворившись хорошей службой кого-либо из своих подчиненных, которым могла угрожать опасность, он давал им должности в своем доме, снабжал деньгами и одеждой, а также находил для них работу по обрезанию и подделке монет. Он даже не ограничивал свои операции Лондоном, но, подражая другим великим завоевателям и грабителям, или, возможно, благодаря независимой работе собственного интеллекта, разделил Англию на округа и назначил в каждый из них свою банду; каждый должен был отчитываться перед ним, как графства в старину перед королем, за собранные доходы. И как в хорошо укомплектованной армии есть артиллерия, кавалерия и пехота, так и среди приближенных Джонатана Уайлда был специальный отряд для грабежей в церкви, другой - для различных празднеств в Лондоне, а третий отличался особой склонностью к тому, чтобы делать максимум на сельской ярмарке. Телохранителей государя обычно выбирают за их внешний вид или за испытанную доблесть в полевых условиях. Принцип отбора Уайльда был несколько иным. Он считал, что верность самому себе - первая добродетель в последователе, а верность можно обеспечить только при абсолютной невозможности быть неверным. По этой причине самой большой рекомендацией, которой мог обладать любой новобранец, было то, что он был осужден, был перевезен и вернулся до истечения срока наказания. Такой человек не только имел опыт в своей профессии, но и по закону не мог дать показания против своего работодателя. Своими действиями он постоянно находился во власти Уайлда, который, согласно закону, никогда не мог быть в его власти. Таким образом, авторитет Уайлда был верховным в двух отношениях. Он также не был первым человеком, который когда-либо злоупотреблял такой властью. Он делал то же, что и политические партии в прежние времена. Он использовал все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы обеспечить собственную безопасность или уничтожить любого, кого он подозревал. Согласно общественному мнению его времени, необходимо было повесить значительное число воров и грабителей; он удовлетворял одновременно и народные представления о справедливости, и свои собственные принципы, отправляя на виселицу всех, кто скрывал свою добычу или отказывался разделить ее с собой. Когда требовалось, он приводил и несколько дополнительных жертв в виде людей, не совершивших никакого преступления. Иногда он уничтожал их потому, что они, к несчастью, обладали уликами против него самого, иногда только потому, что за осуждение любого, кто мог совершить большое преступление, предлагалась большая награда, а также потому, что, имея за спиной банду, доказать вину невиновного было так же легко, как вину виновного, и не менее удобно". Величие Уайлда внезапно рухнуло. Его арестовали за то, что он пришел на

помощь разбойнику недалеко от Боу, и его враги сразу же воспрянули духом. На него быстро посыпались улики, и в 1725 году он был повешен.

§ 3. Тщеславие.

Тщеславие преступников - это одновременно интеллектуальный и эмоциональный факт. Оно свидетельствует об их ложной оценке жизни и самих себя, а также об их эгоистическом восторге от восхищения. Они разделяют этот характер со значительной частью художников и литераторов, хотя, как отмечает Ломброзо, значительно превосходят их в этом отношении. Тщеславие художников и литераторов отмечает ненормальный элемент, тенденцию к вырождению. Оно обнаруживает в них слабые стороны психической организации, которая в других отношениях очень развита. Тщеславие может существовать и у обычного человека с хорошо развитой психикой, но оно незаметно; в своих крайних формах оно отмечает аномального человека, человека с неуравновешенной психической организацией, художника или преступника.

У Джорджа Борроу, столь тонко изучавшего людей, есть несколько замечаний о тщеславии преступников в отношении одежды: "Нет на свете людей более тщеславных, чем грабители в целом, более любящих красоваться при каждом удобном случае и привлекать взоры своих собратьев галантностью своего внешнего вида. Знаменитый Шеппард былых времен любил щеголять в костюме из генуэзского бархата, а когда появлялся на публике, обычно носил на боку меч с серебряной рукоятью; а Во и Хейворд, герои более позднего времени, были лучше всех одетыми людьми на лондонском *лав*. Многие итальянские разбойники великолепно украшены, а разбойники-цыгане равнодушны к нарядной одежде; одна только шапка Харам-паши, предводителя банды цыган-каннибалов, захватившей Венгрию в конце прошлого века, была украшена золотом и драгоценными камнями на сумму в четыре тысячи гульденов. Обратите внимание, тщеславные и легкомысленные, как гармонично сочетаются тщеславие и преступление. Испанские разбойники так же любят выставлять себя напоказ, как и их собратья в других странах, и, будь то в тюрьме или на свободе, они никогда не бывают так счастливы, как когда, наряженные в изобилие белого белья, они могут понежиться на солнце или прогуливаться взад-вперед". Далее он описывает основные черты испанской разбойничьей моды[62].

Более значительным и еще более распространенным является моральное тщеславие преступников. "В обычном обществе, - говорит Видок, - позора бояться; среди заключенных единственный позор - не быть позорным; быть *эскарпом* (убийцей) - высшая похвала". Это универсально для любой группы убийц или воров; автор крупной преступной сделки рассматривается всеми своими товарищами как герой, а на остальных он смотрит с презрением; человек, имевший несчастье оказаться в тюрьме за небольшое или, по мнению преступного общества, неблагоприятное преступление, представляет себя автором какого-то преступления огромного масштаба.

Русский юноша девятнадцати лет убил целую семью. Когда он узнал, что о нем говорит весь Петербург, он сказал: "Теперь мои школьные товарищи увидят, как несправедливо они поступили, сказав, что обо мне не должно быть слышно". Именно это слабое желание вызвать интерес и сочувствие побуждает молодых людей с неуравновешенной психикой совершать самоубийства публично и с размахом. Это же чувство, а также, несомненно, потребность в самовыражении, приводит к тому, что преступники часто ведут дневники. Маркиза де Бринвилье написала подробный отчет о своих пороках и преступлениях, который был приведен в качестве доказательства против нее; Уэйнрайт, похоже, вел подобный дневник, который также попал в другие руки; Джон Уилкс Бут, неглупый молодой актер,

убивший президента Линкольна, обладал, наряду со своим мальчишеским патриотизмом, некоторыми чертами инстинктивных преступников, особенно проявлявшимися в его болезненном тщеславии. Главным страданием, которое он испытывал после совершения преступления, было его тщеславие. Он записал в своем дневнике: "Я ударил смело, а не так, как пишут в газетах; я шел твердым шагом через тысячи его друзей; меня останавливали, но я пробивался вперед. Полковник был рядом с ним. Я крикнул *Sic Semper*, прежде чем выстрелить. В прыжке я сломал ногу. Я прошел все пикеты. В ту ночь я проскакал шестьдесят миль, и при каждом прыжке кость моей ноги разрывала плоть". И снова он пишет: "После того, как за мной охотились, как за собакой, через болота, леса, а прошлой ночью меня преследовали канонерские лодки, пока я не был вынужден вернуться, мокрый, холодный и голодный, когда каждый человек был против меня, я нахожусь здесь в отчаянии. И почему? За то, что сделал то, за что Брут был удостоен чести - то, что сделало Телля героем". И снова: "Я брошен, на мне проклятие Каина, когда, если бы мир знал мое сердце, один этот удар сделал бы меня великим".

Чрезмерное тщеславие преступника иногда приводит к тому, что он совершает неосторожность, заранее рассказывая о своих планах, и тем самым рискует быть обнаруженным. Перед тем как убить трех богачей, один убийца сказал: "Я хочу совершить нечто великое: обо мне будут говорить!" Мы слышим о "ненасытном и болезненном самолюбии" Уэйнрайта. Он наслаждался уважением, которое оказывали ему в тюрьме, и настаивал на том, чтобы с ним обращались как с джентльменом. Один заключенный завершил письмо своему сообщнику: "Ваша Лукреция Борджиа". Иногда тщеславие преступника проявляется в художественных или драматических представлениях, которые он делает из своего преступления. Возможно, самая любопытная и дерзкая попытка - та, что зафиксирована Ломброзо, который дает представление о ней: три убийцы сфотографировали себя такими, какими они предстали с ножами в руках и решительным злодейским видом, когда собирались совершить преступление.

Аббат Моро описал прием великого преступника его товарищами в тюрьме Ла Гранд-Рокетт. Его сразу же окружают, хотя любопытство остается почтительным; "он - король среди своих подданных; завистливые взгляды бросают на тех привилегированных особ, которым удалось расположиться рядом с ним; они жадно слушают его малейшее слово; они не высказывают своего восхищения, боясь прервать его, и он знает, что властвует над ними и очаровывает их".

§ 4. Эмоциональная нестабильность.

Преступник повсеместно не способен к длительным и продолжительным нагрузкам; объем регулярной работы, который полностью истощил бы самого энергичного и бунтарского человека, легко выполнил бы обычный рабочий. Он по сути своей бездельник; все искусство преступления заключается в стремлении избежать необходимости труда. Таким образом, эта конституционная лень является одной из главных органических основ преступности.

Сделайте безделье невозможным, и вы сделаете многое для того, чтобы преступник стал невозможным. Недаром французские преступники называют себя *pègres* (от *pigritia*) - бездельники. Лемер, печально известный французский преступник начала века, говорил от имени всего своего класса, когда заявил своим судьям: "Я всегда был ленив; это позор, я признаю, но я не приспособлен к работе; чтобы работать, нужно усилие, а я к нему не способен; у меня есть энергия только для зла; если нужно работать, мне нет дела до жизни; я предпочел бы быть приговоренным к смерти".

Хотя по своей сути он ленив и проявляется даже в пренебрежении личной чистотой (хотя иногда внешне одевается как обычный человек), преступник способен на моменты бурной деятельности. Он действительно не может без них жить, они являются главными событиями его духовной жизни.

Луи Дебре, несчастный *литератор*, заключенный в тюрьму Сен-Пелажи за литературный проступок, "подытожил психологию преступников, - замечает Эмиль Готье, - одной живописной формулой: Они видят мир в виде огромной тюрьмы, чередующейся с огромным борделем". И это действительно так. Тюремное заключение для них - нормальное состояние. Свобода - это их праздник, случайный преходящий праздник, во время которого они погрязают в *far niente* и дебоширят, как моряки, которые за три дня тратят заработок за восемнадцать месяцев, но праздник, который будет иметь конец, предвидимый и ожидаемый конец".

Преступник жаждет какого-то мощного стимула, возбуждения, переполоха, чтобы вывести его из привычной инертности. Именно поэтому во всех странах среди преступников так сильна любовь к алкоголю. Организованный человек, каким, как мы видели, является преступник, должен иметь какой-то мощный стимулятор, чтобы вывести его из себя, дать ему радость, которая иначе недоступна его пониманию, и алкоголь - это стимулятор, который легче всего найти под рукой. Если, как это часто бывает, он является ребенком родителей-алкоголиков, тяга к выпивке вскоре приобретает болезненную интенсивность. Преступность и пьянство тесно связаны друг с другом, хотя мы должны остерегаться слишком безоговорочно считать пьянство причиной преступности. И преступность, и пьянство - это болезненные проявления органических дефектов, которые в большинстве случаев предшествуют рождению. Злоупотребление алкоголем, однако, не является универсальным среди преступников, во всяком случае, когда требуются какие-либо интеллектуальные способности. "В нашем деле пить не принято", - сказал Ломброзо один шарпер.

Преступник находит другую сильную форму возбуждения в азартных играх. Любовь к картам распространена среди преступников еще шире, чем любовь к выпивке. Она часто превращается в страсть. Лавернь рассказывает о группе преступников, которые играли два дня без перерыва. Мы слышали о французском заключенном, который проигрывал свои скудные пайки хлеба и вина и в конце концов умер от голода; о другом, который в азарте игры забыл о приближающейся казни.

Ко всем формам сексуального возбуждения, естественным и неестественным, прибегают преступники обоих полов, часто с самого раннего возраста. Тюрьма, в которой преступник содержится один или с лицами того же пола, способствует развитию извращенных сексуальных привычек в высокой степени. Князь Крапоткин, говоря о моральном влиянии тюрем на заключенных во Франции, пишет: "Факты, с которыми мы столкнулись во время нашей тюремной жизни, превосходят все, что могло бы придумать самое неистовое воображение. Нужно было долгие годы провести в тюрьме, изолированной от всех высших влияний и предоставленной собственному воображению и воображению тысячи заключенных, чтобы прийти к тому невероятному состоянию ума, которое наблюдается среди некоторых заключенных. И я полагаю, что скажу только то, что будет поддержано всеми разумными и откровенными руководителями тюрем, если скажу, что тюрьмы - это питомник для самой отвратительной категории нарушений нравственного закона"[63] Есть неоспоримые доказательства того, что те же самые практики существуют, несмотря на всю дисциплину, в английских тюрьмах.

Подобные практики возникают главным образом как средство возбуждения и развлечения в бессодержательной жизни. Любовь в ее самых высоких и сильных формах, похоже, встречается крайне редко. Это верно даже тогда, когда любовь является причиной преступления. Любовь, даже если она сильна, остается довольно жестокой. Когда одного мужчину спросили, действительно ли он любит женщину, ради которой убил ее мужа, он ответил: "О, если бы вы видели ее обнаженной!".

Жажда возбуждения, опьянения, шума находит свое главное удовлетворение в любви к оргиям, которая теперь почти ограничивается, во всяком случае в ее крайних формах, преступником и его интимной союзницей, проституткой. Оргия - самый священный праздник преступника; здесь он достигает наивысших переживаний забывчивого возбуждения. Видок, в душе оставшийся преступником даже после того, как он стал полицейским чиновником, описал оргию в своих *"Мемуарах"*: "Представьте себе довольно большой квадратный зал со стенами, когда-то белыми, а теперь почерневшими от всевозможных выделений: таков, во всей своей простоте, вид храма Вакха и Терпсихоры. Поначалу, в силу вполне естественной оптической иллюзии, поражает лишь малость этого места, но когда глазу удастся пронзить атмосферу, густую от тысячи испарений, которые нельзя назвать недурными, размеры становятся очевидными благодаря деталям, которые вырываются из хаоса. Это момент творения; все проясняется; туман рассеивается, становится населенным и одушевленным; появляется движение, возбуждение, не пустых теней, а существенных форм, которые пересекаются и переплетаются во всех направлениях. Какое блаженство! Какая радостная жизнь! Никогда для эпикурейцев не было собрано столько удовольствий, как здесь для любителей погрязнуть в трясине. Вокруг - ряды столов, на которых, никогда не убираясь, сто раз в день обновляются отвратительные возлияния, обрамляющие пространство, отведенное для так называемых танцующих. В конце этого инфекционного логова возвышается, поддерживаемая четырьмя изъеденными червями столбами, своего рода платформа, конструкция которой скрыта двумя-тремя фрагментами старого гобелена. На этом помосте расположились музыканты: два кларнета, скрипка, громкий тромбон и оглушительный барабан..... В этом вместилище не найти никого, кроме проституток и их обидчиков, точильщиков всех мастей, мошенников самого низкого сорта и многих из тех нарушителей ночного покоя, чья жизнь делится на две части, одна из которых посвящена разгулу, другая - грабежу".

Более интересным, чем это обращение к внешним источникам стимула, и более значимым для эмоциональной неустойчивости являются спонтанные вспышки возбуждения, характерные для преступников, любопытные самовозбуждения, возникающие из таинственных и неисчислимых глубин организма. Достоевский изучил эти вспышки и замечательно их описал. "Один заключенный жил спокойно, - рассказывает он[64], - несколько лет подряд, и поведение его было образцовым. И вдруг, к великому изумлению своих опекунов, он взбунтовался и отшатнулся, не решаясь ни на какое преступление, даже на убийство или изнасилование. Все поражены. Этот неожиданный взрыв - мучительное, судорожное проявление личности, инстинктивная меланхолия, желание утвердить деградировавшее *эго*, эмоция, затуманивающая рассудок. Это похоже на спазм, приступ эпилепсии; человек, погребенный заживо и внезапно очнувшийся, в отчаянии бьется о крышку гроба; он пытается отодвинуть ее, поднять; разум убеждает его в бесполезности всех его усилий, но разум не имеет ничего общего с его конвульсиями. Не следует забывать, что почти каждое проявление личности заключенного считается преступлением; также и то, что вопрос о том, важно ли это проявление или незначительно, для заключенного совершенно безразличен. Риск за риск, лучше пойти на крайние меры, вплоть до убийства. Только первый шаг стоит того; постепенно человек увлекается и его уже не удержать". Тюрьме есть

за что отвечать в развитии этих эмоциональных вспышек, и только в тюрьме есть возможность их изучить. Однако было бы опрометчиво делать вывод, что они полностью из-за тюремных условий. Они согласуются со всем, что мы знаем о криминальной психологии, и не только в условиях тюрьмы они являются причиной преступлений.

В Германии эти периодические взрывы (известные как *Zuchthaus-Knall*) были описаны Дельбрюком и Крафт-Эбингом. В Италии их отмечал Ломброзо, особенно в жаркую погоду и в то время, когда эпилептические приступы наиболее часты, и он рассматривает их как новое доказательство тесной связи между инстинктивным преступником и эпилептиком. В Англии они, по-видимому, редко встречаются у мужчин, но, с другой стороны, часто встречаются у женщин, которые, выражаясь тюремным языком, "вырвались на свободу". Этот дикий приступ маниакального насилия, который время от времени охватывает женщин, содержащихся в тюрьмах, и который можно рассматривать почти как преувеличенную или викарную форму оргии, был изучен в Англии с некоторой тщательностью. Здесь, как и за границей, часто предполагается, что это добровольное неповиновение, заслуживающее наказания.

Одна женщина-суперинтендант так описала Мэйхью этот "приступ": "Иногда они знают, когда наступает приступ, и сами просят, чтобы их заперли в палатах для огнеупорных. В таких припадках они ужасно буйны; они рвут и ломают все, что попадает им под руку. Чем моложе они, тем хуже себя ведут. Самый буйный возраст, по-моему, от семнадцати до двух-трех двадцати лет; действительно, в этом возрасте они очень часто похожи на извергов". Медицинский работник сообщил ему, что "4 процента всех заключенных, или 20 из 600, были подвержены таким приступам бурной страсти, и почти неизменно это были люди в возрасте от пятнадцати до двадцати пяти лет". "Женщины, - добавлял он, - редко наносят увечья себе или окружающим, хотя они разбивают окна и даже иногда рвут на ленты собственную одежду"[65].

Мисс Мэри Карпентер в своей книге *"Жизнь женщин в тюрьме"* воспроизводит характерный, по ее словам, диалог

"Мисс Г., я собираюсь сбежать сегодня ночью".

"О, чепуха; вы не подумаете о такой глупости, я уверена".

"Уверена, что подумаю".

"Зачем?"

"Ну, я решил, вот зачем. Я вырвусь сегодня ночью - смотрите, если не вырвусь".

"Кто-нибудь обидел вас или сказал что-нибудь?"

"Нет. Но я *должна* вырваться. Здесь так скучно. Я обязательно вырвусь".

"И тогда ты отправишься в "темную" [камеру]".

"Я хочу в "темную"".

"И вырывание часто происходит, как и было обещано; стекла вылетают из оконных рам; полосы простыней и одеял проходят через камеру или остаются в ней в куче; посылаются охранники, и начинаются потасовки, драки, царапанье и крики, равных которым нет в Пандемониуме, и ничего больше".

Доктор Николсон сделал интересное наблюдение относительно периодов, когда эти "срывы" наиболее вероятны. "В дни, соответствующие менструальному периоду, вероятность их возникновения выше. Кроме того, что я сам убедился в этом в нескольких случаях, у меня есть свидетельства опытных тюремных матрон, подтверждающие тот же эффект". Эти маниакальные вспышки истерии можно сравнить с несколько похожими эффектами, наблюдаемыми, в частности, менструальными периодами у эпилептиков, сумасшедших и имбецилов. Так, доктор Х. Сазерленд (*West Riding Asylum Reports*, vol. ii.), основываясь на наблюдениях за 500 заключенными Вест-Райдингского приюта, отмечает, что при эпилептическом помешательстве припадки обычно учащаются, и пациенты обычно становятся возбужденными в катамениальный период; в то время как обострения мании обычно происходят в это время. Он отмечает частоту возбуждения, насилия, непристойных высказываний, разрывания одежды и т. д. среди безумных женщин, как правило, в этот период. У девочки с врожденной имбецильностью, которая в период полового созревания стала агрессивной, жестокой и капризной, доктор Лэнгдон Даун отметил, что месячные всегда характеризовались неповиновением, жестоким языком, грубыми жестами и неправдивостью. У обычных здоровых девушек наступление месячных часто отмечается приступами необычной буйности.

Период года, по-видимому, также оказывает определенное влияние на эмоциональную нестабильность. Мисс Карпентер замечает, что "заключенные всегда наиболее плохо ведут себя на Рождество", возможно, потому, что этот период еще до христианства ассоциировался с излишествами. Среди мужчин в Эльмире, судя по диаграммам, приведенным доктором Вэем, наблюдается тенденция к неповиновению осенью, а также весной. В испанских тюрьмах, как следует из книги Салилласа "*Vida Penal en España*", ссоры и аресты гораздо чаще происходят весной и летом, чем в любое другое время года. Так, например: Март-май - 8, июнь-август - 9, сентябрь-ноябрь - 4, декабрь-февраль - 3. Два самоубийства произошли в сентябре.

Очень интересен инстинктивный и непреодолимый характер преступных побуждений, о чем свидетельствуют факты, которые нет никаких оснований опровергать. Казанова, рассказывая о своих хитроумных схемах мошенничества, говорит: "Когда я приводил в исполнение спонтанную идею, которую не обдумывал заранее, мне казалось, что я следую законам судьбы и подчиняюсь высшей воле". Несколько карманников сказали Ломброзо: "Видите ли, в такие моменты вдохновения (*sic*) мы не можем сдерживать себя, нам приходится воровать". "Я очень старалась, мисс, - иногда говорят женщины матроне, замечая мисс Карпентер, - но ничего не вышло. Я была вынуждена воровать или следить за кем-то, у кого можно было украсть. Я старалась изо всех сил, но ничего не поделаешь, и вот я здесь. Это не совсем моя вина, потому что я старался". Карманник сказал Марро: "Когда я вижу, что кто-то проходит мимо с часами в кармане, хотя мне не нужны деньги, я чувствую настоящую потребность взять их". Достоевский, рассказывая об одном из каторжников, которого больше всего боялся, но который был ему искренне предан, говорит: "Он иногда крал у меня, но это всегда было *невольно*; он почти никогда не брал у меня взаймы, так что его привлекали не деньги или другой заинтересованный мотив". Однажды он продал Библию, чтобы получить выпивку. "Вероятно, в тот день он почувствовал сильное желание выпить, а когда он чувствовал сильное желание чего-либо, его нужно было удовлетворить. Я постарался упрекнуть его так, как он того заслуживал, ибо я сожалел о своей Библии. Он слушал меня без раздражения, очень спокойно; он согласился со мной, что Библия - очень полезная книга, и искренне сожалел, что у меня ее больше нет, но он ни на мгновение не раскаялся в том, что украл ее; он смотрел на меня с такой уверенностью, что я сразу перестал его ругать. Он терпел мои упреки, потому что считал, что иначе и быть не может, что он

заслуживает порицания за такой поступок и что я должен поносить его, чтобы облегчить себе жизнь, утешиться за потерю; но втайне он считал это глупостью, глупостью, о которой серьезному человеку было бы стыдно говорить. Мне даже кажется, что он считал меня ребенком, сорванцом, который не понимает самых простых вещей в мире".

Точно такие же инстинктивные и произвольные импульсы, не сопровождаемые стыдом, встречаются среди представителей различных низших рас. Например, о туземцах британской Новой Гвинеи сказано: "Они заядлые воры, но не испытывают чувства стыда, когда их обнаруживают. Они часто говорят, что чувствуют непреодолимую силу, которая заставляет их протянуть руку и закрыть ее на каком-то предмете, который они жаждут, но который им не принадлежит"[66].

§ 5. Чувства.

Может показаться странным противоречием тому, что уже было сказано о нравственной невосприимчивости преступника, его жестокости и неспособности испытывать угрызения совести, когда к этому добавляется, что он часто бывает открыт для чувств. Тем не менее, это правда. Вся утонченность и нежность чувств, которых достигают преступники, проявляется в том, что мы называем сентиментальностью или сентиментальностью. Их цинизм сочетается с сентиментальностью в их литературных произведениях. Их противоестественная любовь часто сентиментальна, как показано в характере татуировок. Два интересных примера преступных чувств были недавно зафиксированы доктором Линдау. Один немецкий преступник (следует отметить, что он был немцем), жестоко убив свою возлюбленную, вернулся в ее дом, чтобы выпустить канарейку, которая могла страдать от недостатка пищи. Другой, убив женщину, остался, чтобы покормить плачущего ребенка. Лакенер в тот же день, когда совершил убийство, рискнул собственной жизнью, чтобы спасти кошку. Евгений Арам был очень снисходителен к животным. Уэйнрайт всегда очень любил кошек; в последние дни жизни "его единственным спутником была кошка, к которой он проявлял необычайную привязанность". Одна из главных особенностей эссе Уэйнрайта - их сентиментальность. Себя, находясь в тюрьме, он описывал как обладателя "души, питательной средой которой является любовь, а ее потомством - искусство, музыка, божественная песня и еще более святая философия".

1.

2.

3.

4.

Все заключенные заводят домашних птиц, животных или цветы, если у них есть такая возможность. Это просто результат одиночества, не имеющий никакого отношения к криминальной психологии. Если и встречается, то чаще всего среди заключенных, не являющихся преступниками. Никто лучше Достоевского не описал в *"Воспоминаниях о мертвом доме"* ту роль, которую животные играют в жизни заключенных. Он подробно описывает козу, лошадь, собак, уток, орла. Никто из тех, кто однажды прочитал эту книгу, не сможет забыть историю орла. Орел не поддавался приручению; одинокий и безутешный, он отказывался от пищи; наконец его горестное отчаяние вызвало сочувствие каторжников; они решили освободить его, отнесли на валы холодным и серым осенним днем и долго и с тоской смотрели, как он летит на крыльях по степи, на свободу.

Семейная привязанность отнюдь не редкость среди преступников. Часто, как известно, именно она является мотивом преступления. Очень редко можно встретить заключенного,

которого не трогает упоминание о его матери. Инспектор Бирнс из Нью-Йорка говорит: "Помните, что почти все великие преступники страны - это люди, ведущие двойную жизнь. Как ни странно, но факт: некоторые из самых беспринципных негодяев, когда-либо взламывавших сейфы или выпускавших фальшивки, были дома примерными мужьями и отцами. В огромном количестве случаев жены помогали своим виновным партнерам в их злодеяниях, и дети тоже принимали в этом участие. Но в столь же многих случаях все мысли о призвании преступника оставались за дверью. Был такой Джордж Энглс, фальшивомонетчик. Его семья жила тихо и rispetабельно, общалась с лучшими людьми и нравилась всем, с кем они встречались. Джордж Леонидас Лесли *по прозвищу* Говард, которого нашли мертвым неподалеку от Йонкерса, вероятно, уведенный своими приятелями, был прекрасным человеком, с культурными вкусами и изысканными манерами. Билли Портер и Джонни Ирвинг были не столь благородны, но вполне могли сойти за ремесленников; а Ирвинг, как говорят, при всем своем злодействе хорошо обеспечивал свою старую мать и сестер. Джонни Грек оплатил обучение своих девочек в женском монастыре в Канаде и воспитал их как леди, даже не подозревая о делах их отца. Я знаю, что так же поступали некоторые из самых тяжелых случаев, с которыми нам приходится сталкиваться".

Инспектор Бирнс также упоминает знаменитого американского взломщика и фальшивомонетчика, которого в братстве называют "Принцем воров" за его большую щедрость: "Известно, что он всегда помогал женам и семьям своих подельников, когда они попадали в беду".

Преступник ценит сочувствие. Достоевский рассказывает, как сразу же отреагировали каторжане на приветливого и добродушного начальника, который обращался с заключенными как с равными: "Они его не любили, они его обожали..... Я не помню, чтобы они хоть раз позволили себе проявить неуважение или фамильярность. Напротив. При встрече с губернатором лицо каторжника внезапно озарялось; он широко улыбался, держа в руке фуражку, даже при виде его приближения." Князь Крапоткин цитирует и подтверждает наблюдения доктора Кэмпбелла, опытного тюремного хирурга. По словам доктора Кэмпбелла, благодаря мягкому обращению, "с таким вниманием, как если бы это были нежные дамы, в больнице обычно поддерживался величайший порядок". Его поразила "замечательная черта в характере заключенных, заметная даже среди самых грубых преступников; я имею в виду большое внимание, которое они уделяют больным. Самые закоренелые преступники, - добавляет он, - не свободны от этого чувства".

Подобные чувства - ограниченные, несовершенные, фантастические, какими они иногда кажутся, - самое приятное место в криминальной психологии. Оно также является самым обнадеживающим. В развитии этой нежности лежит отправная точка для морализации преступника. Например, какой неистощимый фонд прекрасных чувств был скрыт в молодом воре, записанном Ломброзо, который покончил жизнь самоубийством через повешение, предварительно поставив свои ботинки на кровать между двумя соломенными крестами, как бы говоря: "Я ухажу; молитесь за меня". "Если вдуматься, - добавляет Ломброзо, - это патетическая поэма".

§ 6. Религия.

Во всех странах религия, или суеверие, тесно связана с преступностью. Сансийские дакоиты, живущие на высокогорьях Центральной Индии, перед началом экспедиции проливали на землю немного спиртного, чтобы умиловить Деви. "Если кто-то чихал или появлялось какое-либо другое дурное предзнаменование, отправление откладывалось. Если

они слышали шакала или бление деревенского осла, их сердца веселели, но похороны или змея заставляли их вернуться. Они также были очень суеверны в отношении своего масла. Сосуду не разрешалось касаться земли, пока масло не было вылито на факел, а затем его бросали на землю; и с этого момента и до окончания работы ни одна вода не касалась их губ"[67].

Среди 200 итальянских убийц Ферри не нашел ни одного, кто был бы нерелигиозен. "Русский крестьянин, - замечает мистер Кеннан, - может быть разбойником или убийцей, но он, тем не менее, продолжает перекрещиваться и читать молитвы". Достоевский также отмечает религиозный пыл, с которым каторжники дарили церкви свечи и подарки. Все, кто живет незаконными методами, говорил Казанова, уповают на помощь Божию. Неаполь - самый криминальный город Европы по преступлениям против личности; число убийц здесь составляет около 16 на 100 000 человек, в то время как в Италии в целом - 8,12, а в Ирландии (наименее криминальной стране Европы) - около 5. Неаполь также является самым религиозным городом Европы. "Ни один другой город, - замечает Гарофало,[68] - не может похвастаться столь частыми процессиями; ни один другой, пожалуй, не следит так ревностно за церковными обрядами". Но, к сожалению, - как писал прославленный историк [Сисмонди], говоря об итальянцах своего времени, - "убийца, все еще запятанный кровью, которую он только что пролил, благочестиво постится, даже когда обдумывает новое убийство; проститутка ставит образ Богородицы возле своей кровати и благочестиво читает перед ним свои четки; священник, осужденный за лжесвидетельство, никогда не бывает случайно виновен в том, что выпил стакан воды перед мессой". Эти слова Сисмонди, - добавляет Гарофало, - так же верны сегодня, как и тогда, когда они были написаны". Из 500 преступников, обследованных Марро, 46 процентов регулярно посещали церковь, 25 процентов - нерегулярно. Среди сексуальных преступников доля регулярно посещающих церковь возросла до 61 процента. Известный Марро шестидесятилетний мужчина, сидевший в тюрьме за изнасилование восьмилетнего ребенка, был сильно опечален нерелигиозными разговорами некоторых своих товарищей. "Я не подражаю им, - сказал он, - утром и вечером я читаю молитвы".

Среди женщин, заметил губернатор Сен-Лазара мсье Жоли, особенно суеверны преступницы по страсти, а воровки и того меньше; это практичные женщины.

Не следует думать, что в религии преступников есть неискренность или лицемерие. Для человека низкой культуры божественные силы легко поддаются на помощь индивидууму, и их всегда можно умиловить. Немецкие убийцы считают, что могут сделать это грубо, по словам Каспера, оставив свои экскременты на месте преступления. Более высокий уровень интеллекта добьется того же самого путем молитвы. Жена, отравившая своего мужа, написала своему сообщнику: "Ему плохо... если бы Бог этого хотел. О, если бы Бог сжалился над нами, как бы я благословила Его! Когда он жалуется [на действие яда], я благодарю Бога в своем сердце". А он отвечает: "Я буду молить Небо, чтобы оно помогло нам". А она снова: "Он был болен вчера. Я думала, что Бог начинает свою работу. Я так много плакала, что не может быть, чтобы Бог не сжалился над моими слезами". Ломброзо обнаружил 248 татуированных заключенных из 2480 с религиозными символами, а жаргон преступников свидетельствовал о вере в Бога, бессмертие души и церковь. Когда женщина, задушившая и расчленившая ребенка, чтобы насолить его родственникам, услышала оглашение смертного приговора, она повернулась к своим защитникам и сказала: "Смерть - это ничто. Главное - спасение души. Когда она в безопасности, остальное не имеет значения".

Понятно, как легко религиозные верования и религиозные обряды, особенно в католических странах, поддаются практике невежественного преступника, и очень редко случается, чтобы

приговоренный к смерти преступник не воспользовался услугами капеллана (только один раз за более чем тридцать лет в Ла-Рокетте), и часто он отвечает на них с благодарной готовностью. В религии его примитивная эмоциональная натура, с ее неустойчивостью и любовью к чувствам, легко находит то, что ей нужно. Один опытный и умный французский капеллан сказал М. Жоли, что он испытывает "большее удовлетворение" от общения со своими заключенными, чем от общения с людьми из мира. Преподобный Э. Пейсон Хаммонд, который провел множество миссий среди заключенных, находит среди них очень большую склонность к обращению. Например, о заключенных государственной тюрьмы Джефферсон-Сити в США он говорит: "Многие сердца были растоплены до слез, и я верю, что очень многие были обращены". "Осужденные в свой последний час, - писал Лавернь, - в девяти случаях из десяти умирают религиозно. Какими бы чудовищными ни были их преступления, все они оставляют в сердце священника, который их наставляет, неизгладимые воспоминания. Он еще долго видит их в своих снах, прекрасных и счастливых".

Если преступник не суеверно набожен, он обычно глуп или жестоко равнодушен. Максим дю Камп во время посещения тюрьмы Мазас, во время службы в воскресенье, имел любопытство заглянуть в тридцать три камеры, чтобы понаблюдать за действием церемонии: трое читали мессу; один стоял с покрытой головой, глядя на алтарь; один стоял на коленях; один держал молитвенник, но читал брошюру; один плакал, положив голову на руки; двадцать шесть сидели за своими столами, работали или читали.

Кажется, крайне редко можно встретить в тюрьме умных и нерелигиозных людей. Возвышенные преступники, с которыми мы встречаемся в елизаветинских драмах, надменно рассуждающие о божественных вещах и совершающие неслыханные злодеяния, не встречаются в наших тюрьмах. Свободомыслящие люди встречаются редко. Пустяк побудит заключенного записать себя протестантом вместо католика, или *наоборот*, или перейти с одной стороны на другую; но из 28 351 заключенного трех крупных столичных тюрем, отмечает преподобный Дж. В. Хорсли, только пятьдесят семь назвали себя атеистами, и это число, добавляет он, должно быть еще более уменьшено, поскольку в него входят некоторые китайцы и магометане. Следует отметить, что признание себя атеистом не лишает заключенного никаких преимуществ или привилегий, доступных остальным. Однажды мистер Хорсли решил вести записи первых двенадцати последовательных случаев тех, кто при поступлении назвал себя либо положительно атеистами, либо отрицательно безрелигиозными. Результаты оказались интересными: 1 - вор, довольно невежественный человек, чьей главной причиной быть неверным было то, что его родители "впихнули религию ему в глотку". 2 - бывший солдат, большой любитель выпить, и когда его спросили, почему он назвал себя атеистом, "он ответил, что называет себя только сумасшедшим"; на самом деле он был сумасшедшим. 3 - грабитель, который сказал, что имел в виду, что никогда не посещал церковь, потому что видел много лицемерия среди исповедующих христиан; через несколько дней он отказался от звания атеиста. 4 был мошенником, большим лжецом и, вероятно, сумасшедшим. 5 - юноша девятнадцати лет, очень слабого ума, дезертировавший из армии; его отец был "последователем Брэдли". 6 немецкий еврей, который часто посещал христианские церкви, но, не будучи крещеным, просто не знал, как себя описать. 7 нетерпеливый школьный учитель, обвиненный в дезертирстве своей семьи; он имел в виду, что перестал посещать религиозные богослужения, потому что сознавал, что его религия была лишь формальной; его "атеизм" был просто формой покаянного самоотречения. 8 Тщеславный юноша семнадцати лет, напавший на своего опекуна и принявший атеизм, чтобы оправдать свой дух мести. 9 молодой человек, ограбивший своего работодателя; он был воспитан под религиозным влиянием, но, привлекая к себе внимание

возражениями против явленных религий, стал лектором-секуляристом. 10 проститутка и дипсоманка со 150 убеждениями; всегда называла себя атеисткой, когда была в плохом настроении или пьяна. 11 молодой пекарь, принявший яд; под воздействием лауданума назвал себя атеистом; регулярно ходит в конгрегационную капеллу. 12 девочка пятнадцати лет; она имела в виду, что редко, если вообще когда-либо, посещала какие-либо места поклонения. Таким образом, только в двух или трех, или, самое большее, в четырех случаях из двенадцати, имело место исповедание атеизма в любом законном смысле этого слова.

ПЛАТА XII.

1

2

3

4

§ 7. Воровской сленг.

Каждая профессия, каждая изолированная группа людей, почти каждая семья обладает более или менее обширным набором слов и фраз, которые непонятны незнакомцам. В английском языке этот диалект называется *сленгом*, во французском - *арго*, в итальянском - *gergo*. Наиболее развитым и распространенным сленгом такого рода является тот, который используют закоренелые преступники. В каждой стране есть свой воровской сленг, но в пределах страны он, как правило, понятен; ломбардский вор, замечает Ломброзо, может понять калабрийца; парижский *арго* понятен в Марселе. Использование преступного сленга отличает рецидивиста. "Если человек говорит *на жаргоне*, - говорит аббат Кроз, - он записывается в армию злодеев".

"Я бежал трусцой по цветущим трущобам в Капелле, когда столкнулся с велосипедистом, который говорил на красном жаргоне. Я разорвал его канистру и ударил по часам, которые были красными, но меня заметил коп, который меня задержал. Меня приволокли к клюву, который дал мне шесть досок в "Сталь". Через неделю после того, как меня выгнали, я совершил кражу возле собора Святого Павла, меня вычислили, отвязали, и я получил эти семь кусков". Такова история ареста карманника, рассказанная мистером Дэвиттом. Вот перевод: "Когда я шел по узкому переулку в Уайтчепеле, я столкнулся с пьяным человеком, у которого были золотые часы. Я украл его часы, которые были золотыми, но был замечен полицейским, который поймал меня и отвел к магистрату, который дал мне шесть месяцев в Бастилии [старый исправительный дом, Колдбат Филдс]. Когда меня выпустили, я попытался украсть часы возле собора Святого Павла, но был снова схвачен, осужден и приговорен к семи годам каторги".

У мистера Хорсли есть интересный отрывок об английском воровском сленге, который я приведу в краткой транскрипции: "Имея многообразное происхождение, он все же в основном происходит от цыганского говора, и таким образом содержит большой восточный элемент, в котором легко прослеживаются старые санскритские корни. Многие из этих слов были бы непонятны обычным людям, но некоторые перешли в обычную речь. Например, слова *bamboozle*, *pal* (компаньон, друг), *mull* (делать муть или беспорядок из чего-либо), *bosh* (из персидского) - это чисто цыганские слова, но они нашли себе если не дом, то пристанище в нашем говоре. Затем происходят переходы (не всегда самые удачные) из языка наших тевтонских предков, так что доктор Лэтэм, филолог, говорит: "Лондонские воры" (и он мог бы еще сказать "профессиональные бродяги") "являются хранителями англосаксонизмов". Далее следуют космополитические заимствования из многих языков. От французского *bouilli* мы, вероятно, получили тюремный сленговый термин "бык", обозначающий порцию мяса. *Chat*, воровской термин, обозначающий дом, - это, очевидно, *château*. *Сталь*, привычное название тюрьмы Колдбат Филдс, - это присвоение и сокращение от Бастилии; а тот, кто "делает поднос" (отбывает трехмесячное заключение) в ней, заимствует свое слово у наших галликанских соседей. Так от итальянского мы получаем *casa* - дом, *filly* (*figlia*) - дочь, *donny* (*donna*) - женщина и *отее* (*uomo*) - мужчина. Из испанского мы получаем *don*, который университеты не презирают как полезный термин. Из немецкого языка мы получили *durrpacker*, обозначающее женщину-лоточницу, от *dorf*, деревня, и *nachgehen*, бежать за ней. Из Шотландии мы заимствуем *duds* для одежды, а из иврита *shoful* для основной монеты. Чисто местное производство, однако, и полностью искусственное, - это два класса рифмовок и бэк-сленга, которые смешиваются с жаргоном, образуя единое целое. В первом случае любое слово, рифмующееся с тем, которое вы собираетесь использовать, ставится на место и постепенно становится общепринятым. Его достоинством является неразборчивость, когда хочется, чтобы случайные прохожие не

догадались, о чем идет речь, что, естественно, нередко случается во времена детективов и констеблей в штатском. Предположим, я "тронул" (*то есть* удачно ограбил) и решил немного расслабиться в компании своей возлюбленной (или одного из них), я могу обратиться к ней так: "Приходите, коровы и поцелуй, устройте битву на Ниле на своей ярмарке в Барнете, а мошенника и злодея - на своем скай-рокет; позовите камбалу и даб с опрятным Чаринг-Кроссом, и мы отправимся в Буши-Парк за лягушками и жабами в живых угрях". По-видимому, это было бы лишь приложением к знаменитой бессмыслице, придуманной Foote, но, по сути, мастер или мастерица рифмованного сленга сразу же поняла бы это как - "Come, missus, put a tile (hat) on your hair, and a shilling in your pocket; call a cab with a tidy horse, and we'll go for a lark along the road into the fields. Ко второму классу производственного сленга относится тот, который в значительной степени покровительствует торговцам. Он называется back-slang и состоит в том, что слова пишутся (более или менее точно) задом наперед. Так, например, "Hi, yob! kool that enif elrig with the nael ekom. Sap her a top o' reeb and a tib of ossabot," означает всего лишь: "Привет, парень! Посмотри на эту прекрасную девушку с тощим моком (ослом). Передай ей горшок пива и немного табака". Искусство или достоинство этой формы сленга заключается в быстроте, часто поразительной, с которой такие слова могут быть переиначены. Так, один джентльмен, желая проверить мастерство профессора этого искусства со словом, не используемым на рынке, спросил своего друга-стоика, как на заднем жаргоне называется бегемот. Тот сразу же ответил: "Summatoroppy", причем буква "y" была благозвучно поставлена вместо "ih" [69]. Дэвитт так описывает форму сленга ("воровская латынь"), обычно используемую профессиональными взломщиками и высшим воровским орденом: "Ее главная особенность заключается в изменении положения слогов в слове, содержащем более одного слога, и превращении в два слога всех слов, имеющих только один в обычном произношении, путем добавления гласной или жидкой согласной к первой или второй части такого слова. Если применить это простое правило к сленговым словам, то "жаргон" становится слишком сложным для понимания любого, кроме посвященного. Например, если два вора охотились за дичью, и один из них увидел полицейского, он крикнул бы своему товарищу: "Islema! Ogda the opperca!", что на сленге означает - "Misle! Догони копа! В противном случае - "Исчезни! Видишь полицейского!" [70] Очень похожая практика преобладает в воровском жаргоне Франции, Италии, Испании и Индии. Несомненно, он является универсальным. С ним тесно связан сленг, называемый *largongi*, на котором, например, *макароны* становятся *lacaronimique*, а *vache* - *lachevane*.

Главный интерес сленга закоренелых преступников - психологический. Он дает нам любопытное представление о психических процессах тех, кто его придумывает и использует; он сам по себе является воплощением преступных наклонностей; по меткому выражению Виктора Гюго, "C'est le verbe devenu forçat". Он полон метафорических выражений, предметов, названных по их атрибутам. Почти все подвергается деградации, иногда с грубым и фантастическим остроумием. "В то время как воображение поэта наделяет душой одушевленные предметы, - замечает М. Жоли, - воображение преступника превращает живые формы в вещи, уподобляет человека животным". Так, кожа для них - *кожа*, лицо - *муфта*, рот - *бек*, рука - *элерон*. Тело называется трупом, а есть - значит класть что-то в свой труп. Женщина, которая поддерживает хулигана, называется его кастрюлей (*marmite*), друг - *poteau*; *ne pas être méchant* означает быть дураком. Все вульгаризируется. Преступник инстинктивно обесценивает драгоценную чеканку языка, подобно тому как в его воображении деньги в Париже - это "цинк", а в Аргентинской Республике - "железо".

Душа во французском жаргоне многозначительно называется *la fausse*, а совесть - *la muette*; стыд - просто *la rouge*. В английском сленге, как замечает мистер Хорсли, "деликатное

выражение "fingermith" обозначает профессию, которую в тупом мире могли бы назвать профессией карманника". Или, опять же, получить три месяца каторжных работ приятнее, чем получить тринадцать чистых рубашек, по одной в неделю в тюрьме. Бегущее колесо опять же более вежливо называют вечной лестницей, или колесом жизни, или вертикальной кофемолкой. Уголовное рабство приравнивается к служению Ее Величеству за просто так, и даже делается попытка смягчить ужас кульминации преступной карьеры, говоря о смерти в ночном колпаке лошади - то есть в недоуздочке". Таким образом, в то время как лучшие вещи в жизни унижаются, существует тенденция возвышать те, которые действительно свидетельствуют о деградации.

Криминальный сленг Франции и Италии был изучен в психологическом плане гораздо тщательнее, чем английский, Майором, Ломброзо и другими. Ломброзо считает, что наиболее заметной и любопытной характеристикой уголовного сленга является то, что уже отмечалось, когда вещь обозначается ее наиболее яркими качествами с криминальной точки зрения. Так, адвокат становится *blanchisseur* или *imbiancatore* (мойщиком); судья по делам обучения - *curicux* или *père sondeur*; проповедь - *l'ennuyeuse* или *tediosa*; кошелек - *la santa*; суд - *la juste*. "Гильотина, - замечает М. Жоли, - обозначается без проклятий, без презрения, без ненависти, но с богатством выражений и с покорностью, можно сказать, с фаталистическим юмором, который не успокаивает ни их, ни других. Сам палач называется *судьей мира*".

Etrangler un perroquet - выпить стакан абсента, причем речь идет о цвете (зеленом), а также, как говорят, об ощущениях при глотании абсента и других тонкостях. Проститутка - это *hôtel du besoin*, *Louis-quinze*, а также *bourre-de-soie*, намекая, как говорят, на ропот предложений и шелковое платье; бордель - *le cloaque*. На венецианском сленге обещание называется тенью. В баварском языке игральная карта - это *karzerweg* - дорога в тюрьму.

Очень странными, далекими и причудливыми являются некоторые из этих сленговых синонимов, полных грубой иронии и насмешки. *Paradouze* = *paradis* (*douze* вместо *dise*); *saucisse* = *moi* (посредством *moi-s-aussi*); *crottard* = *trottoir*; *blanchir du foie* = намереваться предать (игра на *foi*); *perdreau* = *pederaste* (*pedro-pédero*); *herbe sainte* = *absinthe*; *être dans l'infanterie* = быть беременной (*enfanter*); *moulin à vent* = *derrière*; *pape* = *verre de rhum* (*Rome*); *veronique* = *lanterne* (*verre*); *vert-de-gris* = *absinthe* (игра на *vert* и *verre*, с намеком на его пагубные свойства); *demoiselle du Pont-neuf* (чтобы все перешли) = проститутка; *apaier* = убивать; *boire dans la grande tasse* = утопиться; нож - *lingre* (от *Langres*, французский Шеффилд); *souteneur* (хулиган проститутки) называется английским словом *fish* или другим похожим названием (*poisson*, *goujon*, *baraillon*, *maquereau*); проститутка называется *morue*, а *Banc de Terre-Neuve* - та часть парижских бульваров, которая находится между Мадлен и Порт-Сен-Дени.

Иногда жаргон преступников, как и жаргон всего остального мира, напоминает об историческом факте. Свергнуть с престола во Франции - это *juilletiser*. Солнце - *le grand Jablo*, так как электрические лампы Жаблошофа первыми осветили Париж. *Путч де Рагуза* - дезертирство, в аллюзии на герцога Рагузы. В Италии пьяницу называют французом, нищего - испанцем, карточного шулера - греком. В Испании вора называют *мурсио*, от провинции Мурсия.

Слова часто сокращаются. В качестве примера Ломброзо приводит *tra* = *travail*; *ces mess* = *ces Messieurs* = the police; *chand* = *marchand*; *lubre* = *lugubre*; *abs* = *absinthe*; *avoir ses aff* = *avoir ses affaires* (*menstrues*); *mac* = *maquereau* = *souteneur*, of a prostitute.

Очень любопытно большое количество иностранных слов, как правило, в более или менее испорченной форме, которые встречаются в уголовном сленге. В немецком канте много слов на иврите, в итальянском - на немецком и французском, во французском - на немецком и английском, в английском - на итальянском и цыганском. "Иврит, или, скорее, идиш, - замечает Ломброзо, - составляет половину голландского сленга и почти четверть немецкого, в котором я насчитал 156 слов из 700, и в котором все термины, обозначающие различные преступления (кроме *band-spicler* для мошенника в кости), являются еврейскими". Любопытно также присутствие архаизмов, классических и средневековых.

Более интересно обнаружить откровение о вещах, в которых преступник наиболее тесно заинтересован, отмечая богатство и разнообразие синонимов для определенных слов. Так, Кунье и Ригини нашли 17 слов для обозначения надзирателей или полиции; 9 - для акта содомии; 7 - для грабежа. Французский жаргон имеет 44 синонима для пьянства, кроме того, 20 для питья и 8 для вина, всего 72; в то время как для воды есть только 19, а для денег - 36.

Этот сленг в основном имеет эфемерный характер, но значительная часть его постоянна. Его тенденция, однако, заключается в том, чтобы вымереть. Современный профессиональный преступник избегает сленга, как избегает татуировки.

ПЛАТА XIII.

1

2

3

4

§ 8. Тюремные надписи.

Всякий раз, когда среднестатистический человек уединяется на сколько-нибудь значительное время от своих собратьев, он испытывает потребность воплотить в себе некое литературное или художественное выражение себя. Этот инстинкт кажется более глубоким и распространенным, чем тот, который побуждает некоторых людей оставлять на посещаемых ими местах свои имена или другие знаки - самые пенные соцветия тщеславных моментов. Здесь нет тщеславия, и это инстинкт, от которого не освобождается ни один человек, независимо от степени его культуры; он действительно едва ли отличим от инстинкта, который приводит к созданию героических произведений искусства. Выражение его зависит от конкретного человека. Я знал одну комнату, где в течение нескольких недель уединения, связанного с дежурством в больнице, жили студенты-медики, стены которой были покрыты надписями, юмористическими или широко остроумными, ловкими художественными

зарисовками, счастливыми строками из классиков. Надпись каждого - в честь его рода: Магистр Дарбой, архиепископ Парижский, пишет в форме креста: "O crux, mentis robur, ave"; Билл Сайкс из Клеркенвелла пишет: "Парни, ваш единственный друг здесь - это ваш коричневый лоф и пинта гущи".

В целом, кажется, чем ниже уровень культуры, тем полнее и достовернее надпись как выражение индивидуальных особенностей. "Ребенок любит говорить сам с собой, - замечает доктор Корре, - негр, и особенно негритянка, думают вслух; и если преступник из-за сдержанности или недоверия молчит о своих самых сокровенных мыслях, он чувствует себя вынужденным излагать их где попало, на стенах своей тюрьмы или на книгах, которые ему одолжили. Именно для себя, только для себя, он пишет то, что не может или не смеет сказать, и эти откровения очень любопытны для психолога". Его желания и похоти, его стремления, его грубые сатиры и порицания, его горькие размышления, его суждения о жизни - все это запечатлено в этих тюремных надписях на побеленных стенах, дверях камер, полях книг, оловянных ножах, донышках банок из-под консервов и столовых консервов. В Италии их психологическое значение с характерной тщательностью изучил Ломброзо, а в Англии мистер Хорсли и мистер Дэвитт зафиксировали значительное их количество.^[71] Итальянские надписи, в целом, отличаются большим преобладанием сентиментальных, рефлексивных и агитационных элементов; английские, как правило, очень практичны и материальны, касаются вопросов питания или дают краткое изложение события, которое привело человека к заключению, с периодической тенденцией к моральным устремлениям и дидактическим увещаниям. Мистер Хорсли отмечает, что на женской стороне встречается сравнительно немного надписей, но непристойные надписи встречаются гораздо чаще, чем на мужской стороне. На основании весьма обширной коллекции Ломброзо я делаю вывод, что это замечание справедливо и для итальянских надписей. Следует добавить, что любая надпись - это нарушение тюремных правил; это "вульгарный вопрос о хлебе и воде для голодного автора", и, следовательно, импульс, который ее порождает, должен быть значительной силы.

Вот несколько лаконичных английских примеров подвигов, вероятно, дело рук стариков, записанных мистером Дэвиттом и мистером Хорсли:.

"Взорвался в Сити. Пойман во время бонитировки. 7 растяжек, 1869 год. Накатывает 1876 год. Не унывайте, друзья".

"Малыш Дики из "Нью Кат". 10 и билет. Посажен молл" (*т. е.* продан проститутке).

"Fullied for a clock and slang" (*т. е.* отдан под суд за кражу часов и цепочки).

"Бедный старина Джим, лоботряс, упал с Рэкера, и его прищемило" (*т. е.* Джеймс и Рэкер отправились совершать ограбление кассы, первого задержали, а второй сбежал).

"Семь долгих лет я служил им,
И семь долгих лет я должен оставаться,
За то, что встретил парня в нашем переулке,
И отнял у него тикер".

"Судья, которого он семь лет отбывал,
Перевез в страну Ван Демена,

Подальше от моих друзей и родственников,
И девушки с темной бархатной лентой".

Последний писатель был в Дартмуре, и ввел "Землю Ван Димена" из-за необходимости рифмы.

The delights of food inspire much verse, and dissatisfaction with its quality or quantity a large number of remarks:—

"Я ел на ужин, охон! охон!
Одна унция баранины и три унции костей!"

"Вот удача за пинту скилли!"

"Господи, спаси меня от Старвашуна!"

"Еще один месяц, и мы уходим,
Потом накормлю горячим кокосом;
Жареный хлеб и стейк, много пива,
Лучше, чем здесь".

"Взбодритесь, ребята, долой печаль,
Говядина - сегодня, суп - завтра".

"О, за горшок пива!"

"Любовь - великая вещь, - пишет один итальянский философ, - но голод превосходит все".

"О, кто может рассказать о том, что я чувствую,
Бедный и безобидный моряк,
Я скучаю по грогу и по каждой трапезе;
А вот и цветущий тюремщик".

Поэт по имени Костыль Куинн, известный мистеру Дэвитту и сам знакомый с семью тюрьмами, которые он описывает, написал следующее гвоздем на дне консервной банки: -
"Милбанк для толстых голеней и толстых ногтей".

"Миллбэнк за толстые голени и прививки у насоса;
Бродмур - для всех лаггеров, которые сходят с дистанции;
Брикстон - за хорошую дурь и какао с жиром;
Дартмур - плохая еда, но много болтовни;
Портсмут - чертовски плохое место для тяжелой работы;
В Чатеме в воскресенье дают четыре унции свинины;
Портленд - худшее из всех мест для шуток.
А вот для того, чтобы побаловаться, лучше Уокинга нет места".

Куинн, несмотря на свою фамилию, не был ирландцем, но две трети тюремных поэтов, как установил мистер Дэвитт, - ирландцы.

Из более разнородной группы сентиментальных, религиозных, моральных, дидактических и рефлексивных высказываний можно привести следующие: - "Сердце может разорваться, но это не так".

"Сердце может разбиться, но может и жить".

Мистер Дэвитт нашел в Ньюгейте книгу с надписью "Good-bye, Lucy dear" ("До свидания, дорогая Люси"), а в конце было написано

"До свидания, дорогая Люси,
Я расстаюсь с тобой на семь долгих лет.
Альф. Джонс".

Поэт более язвительной школы добавил под этим: "Если Люси дорогая такая же, как ты, то я расстаюсь с тобой на семь долгих лет".

"Если Люси дорогая похожа на большинство девушек,
Она будет редко вздыхать и стонать,
Но скоро найдет среди своих приятелей
Еще одного Альфреда Джонса".

Не редки и высказывания в адрес женщин, как, например, следующее, приведенное Ломброзо.

"La donna è un essere inutile; io la stima soltanto quando la ch...

Napoleone I. empereur".

А другой итальянец пишет.

"Он - бедный заблуждающийся глупец, который верит в любовь и честь женщин".

Но женщины отвечают ему взаимностью, и в итальянском иллюстрированном журнале одна женщина пишет

"В этом бурном море, которое называется миром, я нашла лишь мимолетные удовольствия и жестокие разочарования. А если я и испытывала счастье, то за него приходилось расплачиваться горькими слезами. Никогда не верьте в любовь мужчин: для них любовь - это развлечение. Когда вы пожертвуете ради них честью, семьей, религией, интересами, молодостью, они с презрением отвернутся от вас в поисках другой любви. Таков этот человек".

Но та же женщина страстно пишет своему соучастнику в убийстве, грабеже и прелюбодеянии: "Я не знаю, что делать.

"Questo foglio dal cuor ti mando,
L'ho scritto ieri sera lacrimando,
L'ho scritto avante cena,
Senza inchiostro e senza penna.
La punta del mio cuore era la penna,
Il sangue delle mie vene era l' inchiostro,
Se penna e calamaio poco ti costa,
Se merito pietà ti prego d' una riposta.
Addio, Addio,
Addio, mio bene,
Addio, mio amore,
Tu sei il mio cuore,

Per ti morirò.
1886."

Надпись другой женщины - патетическое воспоминание о старой балладе.

"Я желаю Богу, чтобы мой ребенок родился,
И улыбался на коленях отца,
А я, бедняжка, лежу в своей могиле,
И зеленая трава росла надо мной".

Под эскизом похоронного памятника вор написал такую надпись (перевод Ломброзо)

"Здесь лежит тело бедного Тулака, который, устав воровать в этом мире, отправился воровать в другом. Его счастливые родственники воздвигли этот памятник".

Очень показательны в плане умственного опустошения в одиночестве некоторые надписи, приведенные мистером Хорсли: - "21 000 раз я ходил по улицам.

"За неделю я обошел эту камеру 21 000 раз".

"3330 кирпичей в этой камере".

"131 черная плитка, 150 красных плиток в этой камере".

Хорошие резолюции и моральные увещевания - не редкость: - "Не стоит плакать".

"Плакать бесполезно, надо делать, а после того, как сделаешь, больше не делай, я не буду".

"Не унывайте, девочки, не стоит расстраиваться".

"Братья по несчастью, обратитесь сердцем к Богу и будьте счастливы".

"Прощайте все. Бросайте пить".

"½ пинты виски привела меня сюда - я взял на себя обязательство на 2 года, которое можно продлить навечно".

"Господь говорит: "Хорошо быть здесь".

"Всемогущий - хозяин, дьявол - слуга. Аминь."

"Бойся Бога и презирай дьявола, тогда ты больше не будешь здесь".

Итальянские надписи содержат более сомнительное увещевание: - "О воры!

"О воры! Наша профессия погублена этими плутоватыми судьями. Но мужайтесь! Вперед!"

Этот краткий рассказ был бы неполным, если бы я не привел несколько примеров непристойностей, грубых эротических устремлений и извращенных инстинктов, которые занимают значительное место в коллекции Ломброзо. Я оставлю их без перевода: -

"Abbasso il direttore delle carcere e il capo-guardia, che sono due avanzi di galera. A morte le gafe [надзиратели] e tutti le spie, a morte il capo-guardiano delle carcere, a morte l'Arca che sono la rovina di tanti giovani."

"Mia adorata stella, quando potrô ch...?"

"Pensare che in questo stesso luogo vi sono tante bighe [женщины] che hanno volontà di farsi infilzare e non possono e tanti p... che infilzerebbero un cane altro che una f... e non possono farlo."

"Pare impossible. Che si possa stare tanto tempo senza piantare il membro in una f... od in un culo. Eppure sono già 22 mesi che me lo meno due volte ogni quattro giorno e non sono ancora tisico."

Последнее, что я приведу, было написано женщиной в религиозной книге, и переведено Ломброзо с пьемонтского диалекта -

"La Marietta del taglio salute le sue amiche che fanno la porca come lei, e saluta tutti i giovanotti che l'hanno ch... Menatevi una volta l'uccello al mio gusto, che io me la meno al vostro, e quando sarò libera venite a trovarmi che ce l'ho sempra calda e stretta tanto che volete. Allegrì!"

§ 9. Криминальная литература и искусство.

М. Жоли провел несколько интересных исследований (результаты которых он недавно опубликовал в "Архивах криминальной антропологии"), касающихся любимого чтения французских заключенных. Он обнаружил, что такие преступники не читают ни Мольера, ни Вольтера. Их также не интересует психологический роман с характером и анализом; у них нет вкуса и способности к самоанализу; они предпочитают стиль *рококо*, а старый роман в пяти или шести томах под названием *Épreuves du Sentiment* очень любим в La Grande Roquette. Именно этого и следовало ожидать от того сентиментализма, о котором уже говорилось. Но среди любимых тюремных романистов Александр Дюма - *facile princeps*. Не стоит пытаться объяснить это тем, что Дюма откликается на специфические преступные инстинкты. В этом вопросе заключенные солидарны с очень большим числом не заключенных, во главе которых стоят Жорж Санд, Толстой и Россетти. Это универсальное человеческое качество в плодовитом романисте, анодин его захватывающего и неослабевающего интереса, удовлетворение, которое он предлагает любви к приключениям, с помощью которого Дюма сковывает преступника так же, как и гениального человека. Женщины-заключенные Сен-Лазар, в отличие от мужчин, постоянно просят книги Вольтера, которые, однако, сестры не в состоянии им предоставить. Они очень любят "Анри Совесть", фламандского Вальтера Скотта, предпочтение, которое отнюдь не разделяют мужчины, и с удовольствием читают всевозможные невинные и сентиментальные любовные истории, хотя их маргинальные примечания к ним не всегда можно воспроизвести.

Если любимое чтение тех, чья преступная карьера предрешена, носит столь невинный характер, то то же самое не всегда можно сказать о литературе, которую читают незрелые люди. Существует множество неопровержимых доказательств того, что низкопробная литература, в которой прославляется преступник, а также мельчайшие сведения о преступном искусстве, распространяемые газетами, оказывают весьма заметное влияние на воспитание молодых преступников.^[72] Тропманн, печально известный французский убийца, находился под влиянием романов. Знаменитый преступник Лакенер, который прославил себя и был прославлен другими, оказал влияние на производство преступлений вплоть до наших дней. После каждого знаменитого или поразительного преступления некоторые слабоумные и впечатлительные люди идут и совершают подобное, или сдаются полиции под впечатлением, что они были виновны в преступлении. Особенно склонны к имитации криминальных событий из книг или из реальной жизни подростки и дети. После убийств, связанных с именем Джека Потрошителя, по всей стране произошло несколько убийств, совершенных малолетними детьми.

Как правило, только оказавшись в тюрьме, преступник пытается найти для себя литературное выражение. Это выражение принимает в основном форму стихов, почти всегда грубого характера, часто аффектированных или хвастливых, , но не редко энергичных или патетических. Известно, что один преступник продекламировал с эшафота поэму о своей смерти; другой попросил и получил разрешение представить свою защиту в стихах. Трудно привести более убедительное доказательство пристрастия к стихотворным формам.

Песня, перевод которой приводится здесь, была услышана в русской тюрьме: - "В этом месте, где позор.

"В этом месте, где бесчестье навеки поставило свой дом, два ангела пыхтят, держа в руках крест..... Но ночью, размеренными шагами, медленно, медленно, наблюдая за тюрьмой, часовые поворачиваются. В этих стенах - печаль и ужас. Без них - жизнь, золото и свобода..... Но черное эхо этого медленного, медленного шага предупреждает меня: Ты должен остаться, остаться". Это было написано и сладко спето человеком, жестоко убившим свою жену.

Поэтические произведения английских преступников, как бы многочисленны они ни были, не представляют большого интереса; кажется, что лучше всего они проявляются в уже приведенных надписях. У мистера Дэвитта есть глава "Тюремные поэты", но то, что он может сказать о них, не внушает оптимизма, хотя он и сообщает нам, что Портсмут имеет репутацию "сообщества заключенных певцов", а такой образец, как следующий, не вызывает особого желания получить больше.

"'Twas one fine morning I left Wakefield Jail,
И я, и товарищи, мы выплакали все, что могли" и т. д.

Можно было бы писать так же хорошо, не будучи каторжником.

Лэмб и другие добрые судьи хорошо отзывались о Томасе Уэйнрайте, фальшивомонетчике и отравителе. Как литератор он пользовался значительной репутацией критика и, несомненно, был человеком с утонченными художественными вкусами.^[73] Сегодня нелегко обнаружить в нем многие признаки критической проницательности или тонких литературных способностей. Он был одним из писателей той "школы денди и серебряных вилок", о которой Хэзлитт говорит: "Макасаровое масло, Eau de Cologne, Hock and Seltzer Water, Atta of Roses, Pomade Divine, проносятся по странице в неисчерпаемой путанице, и от них кружится голова". Его сочинения - это всего лишь тщеславная пена тошнотворной жизни. Следующий отрывок достаточно характерен: "Нам кажется, что время не требует от руки гения, чтобы она приложила руку к вкусам и чувствам тех, кого называют низшими слоями общества, - скорее наоборот! Мы хотим больше макарон и шампанского, меньше бокса и бычьей говядины. Мистер Драма [Хэзлитт] из *лондонской* газеты, похоже, намерен показать своим читателям, что у него сытный желудок, что он может наслаждаться хлебом, сыром и портером, которые, конечно, очень хороши в стране, и когда мы не можем получить ничего другого - и пока все это очень хорошо. Но, конечно, в центре моды нас могли бы время от времени баловать более элегантными блюдами - чем-то, что лучше сочеталось бы с бриллиантовыми кольцами на наших пальцах, антикварными камнями на наших нагрудных булавках, нашим батистовым карманным платком, дышащим Аттатулом, нашими лайковыми перчатками цвета бледного лимона! Например, белой курицей, приготовленной на гриле; бутылкой Хока или Мозеля и бокалом Мараскино". Эти и подобные им вещи были для Уэйнрайта единственными в мире , которые казались желанными, и страсть к ним лежала в основе его преступлений.

В Италии мы встречаемся с подлинным, а зачастую и традиционным корпусом криминальных песен, который представляет большой интерес. В наибольшем совершенстве он представлен в Италии и на соседних крупных островах, Сардинии, Корсике и особенно на Сицилии, где цивилизация более примитивна, а уровень преступности гораздо выше. В *"Сицилийских песнях"* способного и увлеченного фольклориста Питре есть двадцать семь песен, которые он называет тюремными; вместе с другими подобными в том же сборнике их общее количество составляет сорок одну (4 процента от общего числа), в основном это заявления о мести, плач по утраченной свободе, проклятия в адрес судей и полиции. Некоторые из них восхваляют тюрьму, как, например, следующие:-

"Carcere, vita mia, cara, felice!
Lo starmi entro di te come mi piace!
Se spiechi il capo a quel che mal ne dice,
O pensa che far perdere la pace.
Qua sol travi i fratelli e qua gli amici" и т. д.

Здесь есть и тонкие ноты отчаяния, и сладкие воспоминания об отсутствующей матери или возлюбленной. Сардиния, страна разбойничества и убийств, породила множество криминальных песен, представляющих интерес. "Корсиканские песни, собранные Томмазо, - замечает Ломброзо, - можно сказать, что почти все они созданы разбойниками. Почти все они дышат мстью за убитого друга, или ненавистью к врагу, или восхищением убийством". Свиристый корсиканский разбойник по имени Певероне, который оставлял за собой след, покрывая жертву капсикумами (pereroni), написал стихи, которые, по словам Ломброзо, "не были бы недостойны милой певицы Лауры". В таком случае, как на Корсике, мы должны, однако, быть очень осторожными в использовании слова "преступник". В этой стране до сих пор господствуют варварские представления; ребенок с первых дней жизни воспитывается в атмосфере грабежа и кровопролития; то, что в более цивилизованной стране мы называем "преступлением", здесь в значительной степени является нормальным социальным состоянием. Именно на Корсике приход может назначить пенсию разбойнику (например, в коммуне Чамманс в 1886 году), более половины присяжных заседателей в округе (4400 из 8000 в одном случае) могли сами оказаться за решеткой, а мэр (округ Сартен) может издать прокламацию следующего содержания: "Статья I. Ношение оружия официально запрещено на территории коммуны Леви. Ст. II. Исключение делается в отношении лиц, заведомо находящихся в состоянии вражды".

В качестве примера французской криминальной литературы приведу стихотворение Лебиза, молодого убийцы, о котором шла речь в главе I; оно обращено к черепу молодой девушки:...

"Прекрасный ребенок остался без жизни,
Прекрасный ребенок, которого я прижимаю к себе,
Dont j'ai sali les os et la surface blanchie
D'un tas de noms grecs et latins,
Compagnon triste et froid de mes heures d'étude,
Toi que je viens de rejeter
Dans un coin, ah! reviens tromper ma solitude,
Отвечает на мое любопытство.
Dis-moi combien de fois ta bouche s'est offerte
Дурным байерам твоего любовника;
Dis-moi quels jolis mots de ta bouche entr' ouverte
Dans des heurs d'égarement ...
Insensé!... Tu ne peux répondre, pauvre fille;

Ta bouche est close maintenant,
И смерть, проходя мимо, ее трагического тела
A brisé tes charmes naissants.
Triste leçon pour nous, qui croyons que la vie
Peut durer pendant de longs jours!
И молодость, и счастье, и красота, к которым мы стремимся,
Все проходит, как и любовь!
Aussi, quand, vers le soir, âpre et dur à la tâche,
Я работаю молча,
Mon esprit suit le monde et, tout inquiet, s'attache
к своим мыслям,
Je rêve au temps qui passe ... alors je te regarde,
Et, songeant aux coups de destin,
Sur ton front nu je crois lire en tremblant: 'Prends garde,
Mortel, ton tour viendra demain."

Когда полиция вернула ему его бумаги, Лебез написал на полях следующее: "Бедные стихи! Но, как ни плохи они, они точно передают состояние моего ума в минуты одиночества. В мире я приветлив и весел. Меня принимают за дикаря, который над всем насмехается; но если бы они знали мой характер досконально, если бы они знали, что когда я смеюсь и шучу, я только что вышел из одиночества отчаяния и слез! Если бы они знали, что на дне моего сердца рыдают, когда улыбки покрывают мои губы, они бы не сказали, что я насмехаюсь над всем. Мое веселье - лишь маска, скрывающая муки, которые так долго разрывали мое сердце".

Есть один или два примера газет, написанных и изданных заключенными. Аббат Кроз в своих "*Souvenirs de la Petite et de la Grande Roquette*" приводит образцы и факсимиле страницы одной из них, "*Там-Там*", которая, однако, просуществовала совсем недолго. Вот несколько фрагментов из этого замечательного дневника:...

Басня "Экспресс".

"Великий тамбур-мажор, придавленный голодом,
Dinait d'une maigre sardine
Et s'en régalaît sur ma foi!
Мораль: "Мы часто нуждаемся в более мелком, чем мы сами".

Echos et Bruits.

"Мы с удовольствием рассказываем нашим читателям о проекте, разработанном французским Союзом Агриколь, по предоставлению руды из "Прозрачного" для проведения исследований культуры шампиньонов.

Обилие и качество дыма, которым наполнены эти огромные шампиньоны, их величие, их система аэрации обещают любителям шампиньонов самые удовлетворительные результаты".

Очень отличается от "*Там-Там*" газета "*Резюме*", издаваемая в исправительной колонии Эльмира, штат Нью-Йорк. Эта газета, в основном написанная заключенными и одно время редактируемая одним из них, содержит, помимо оригинальных материалов и новостей реформатория, сводку общих новостей; по своему тону и методу отбора она выгодно

отличается, как уже говорилось, от многих газет, издаваемых за стенами тюрьмы. Следующая заметка в сводке принадлежит "смышленому юному взломщику" лет восемнадцати и озаглавлена "Бог и Робин"; она имеет аллегорическое и личное значение

"Рано утром, задолго до того, как прокричит ленивый петух, вы можете услышать, как малиновка поет приветствие солнцу. Он следит в темноте за первыми лучами наступающего дня, и когда они появляются, он издает мелодию, выражающую его радость. Все затихает, пока его музыка не разносится по воздуху, и, слушая ее, вы вдохновляетесь мыслями о Том, Кто создал малиновку и вас. Возможно, эта сладкая песня - благодарственная молитва Богу за то, что Он укрыл его от опасностей ночи. Знают ли они о Боге? Кто может сказать? Возможно, он является причиной того, что мы в своем невежестве называем инстинктом. Однажды, слушая их музыку, я уснул, и мне приснился дом у моря. Перед домом была лужайка, на которой прыгала малиновка в поисках пищи для своих птенцов. Но пока она прыгала, небо, казалось, становилось все темнее. Я понял, что приближается буря, и когда она пришла, увидел, как малиновка прижалась к дереву, чтобы укрыться. Но ветер был свирепым, он сорвал ее с ветки и, несмотря на все ее усилия, уносил за океан, все дальше и дальше от суши, пока наконец, когда его энергия была исчерпана, а ярость угасла, он не оставил ее в океане без видимой земли, чтобы направить ее к дому; и пока она летела, она думала о своих малышах дома и о своем товарище. Ей казалось, что она летит к ним, но каждое усилие уводило ее все дальше, хотя она и не знала об этом. Когда, наконец, она начала уставать, она посмотрела на беспокойные воды, но они не принесли ей облегчения; и в ее испуганном крике я, казалось, услышал ее слова: "О, где мне отдохнуть от моих усталых крыльев? Но в рокоте океана она не слышала ответа, и ей оставалось только лететь до наступления темноты, когда, совершенно обессилив, она упала на жестокие волны и умерла. И Тот, Кто создал ее, примет ее, когда жизнь закончится. Разве не может малиновка найти в этом доме со множеством особняков место для отдыха своего усталого крыла? Разве небеса созданы только для человека? Разве эти маленькие существа, которые никогда не оскорбляют Бога, но поклоняются Ему в чистоте и счастье своих маленьких сердец, не имеют права на радости в будущем? Кто может в этом сомневаться?"

Следующий интересный диалог в сократовской манере - "Воображаемый разговор между двумя членами казуистического класса" - также принадлежит перу очень молодого преступника, который к тому же был в некотором роде поэтом

"Разве вы не согласились в прошлое воскресенье с тем членом нашего класса, который сказал, что жизнь в тюрьме - это состояние рабства?"

Нет, не согласился. Более того, меня удивляет ваш вопрос. Я скорее думаю, что это *не* рабство.

Это очень любопытное убеждение.

Оно может показаться таковым, но я думаю, что можно доказать, что оно логично. Вы говорите, что тюремное заключение за неправомерные действия - это рабство; но что такое рабство?

Я бы определил его как недобровольное подчинение одного человека воле другого.

Но разве человек не может быть рабом страсти и других душевных качеств, а также личности?

Да.

Тогда ваше определение явно неверно. Я бы определил рабство как состояние, в котором действия человека регулируются некой силой, над которой он не имеет контроля. Вы бы согласились со мной?

Ну, я думаю, что да.

Очень хорошо. Согласившись с определением рабства, мы обсудим, является ли пожизненное заключение рабством. Итак, позвольте спросить, почему людей отправляют в тюрьму?

Обычно за нарушение закона.

Ну, а вы верите, что люди, например, воруют добровольно?

Несомненно.

Ваш тон довольно уверенный, поэтому осмелюсь предположить, что вы можете сказать мне, почему мужчины воруют?

Для того чтобы получить определенные предметы, которые позволят им жить более комфортно или которые они хотели бы иметь.

То есть вы имеете в виду, что у них есть определенные чувства - лень, любовь к наживе и т. д., - которые они хотят удовлетворить?

Ну, да.

Но если бы у человека не было этих чувств, он бы не воровал?

Думаю, нет.

Значит, эти чувства регулируют его поведение при воровстве?

Похоже, что так.

Но вы согласились, что тот, чье поведение регулируется некой силой, помимо его собственной свободной воли, - раб.

Что ж, боюсь, вы снова меня поймали.

Но вы признаете это?

Признаю.

Тогда тот, кто не дает этому человеку украсть, освобождает его, а не порабощает?

Я вижу, вы правы.

Значит, тот, кто сидит в тюрьме за проступок, - свободный человек, а не раб?

Да. Но предположим, что человек был посажен в тюрьму несправедливо; что тогда?

Чтобы ответить на ваш вопрос, я должен знать, каково ваше представление об истинной свободе. Как мне кажется, истинная свобода - это торжество духа или лучшей части человека над плотью или слабой частью; то есть действие в соответствии с высшим представлением о том, что правильно. Вы согласны со мной?

Согласен.

Тогда не кажется ли вам, что истинно праведный человек, будь он в тюрьме или на свободе, свободен? Разве вы не видите, что человек, который поступает правильно, даже если он теряет при этом состояние или жизнь, более свободен, чем тот, кто позволяет, чтобы его поведение регулировалось страхом, злобой или другими страстями? Помните, что человек может быть свободным в темнице и закованным в цепи, может быть униженным рабом и быть одетым в пурпур".

Возможно, это *резюме* и поощряет ханжество, но ханжество, надо ли говорить, указывает на гораздо более высокий моральный уровень, чем бессодержательная жестокость, которая скрывается за столь большой долей тюремных надписей.

До сих пор мы имели дело с писателями, которые были прежде всего преступниками. Необходимо упомянуть нескольких художников и литераторов, которые, хотя и были преступниками, но не были ими в первую очередь. Во главе их обычно называют Вийона, и не без оснований, поскольку он сам предоставил доказательства, по которым его следует считать преступником. Но Вийон был поэтом, и поэтом великим; его преступления никогда не унижали его искусства. Стоит отметить, что почти единственный отрывок[74], который Ломброзо приводит в доказательство такой деградации, на независимых основаниях и, очевидно, с полным основанием, рассматривается Жаннетом, редактором Вийона, как поддельный.

Челлини, как он сам раскрыл в своей замечательной автобиографии, несет на себе более отчетливые следы инстинктивной преступности, чем Вийон. Преступность, однако, редко встречается среди великих скульпторов; с другой стороны, она была, как указывает Ломброзо, очень распространена среди художников; многочисленные примеры убийств, жестокости, воровства, сексуальных преступлений среди выдающихся живописцев; алкоголизм также очень распространен.

Казанова, человек разнообразных и необычайных способностей, в своих "*Мемуарах*", строгая историческая точность которых сейчас общепризнанна, создал один из самых ценных и интересных альбомов восемнадцатого века и в то же время наиболее полную и доброжелательную историю своих собственных уголовных преступлений. Трудно сказать, кто в нем больше выделяется - преступник или гениальный человек.

Ныне живущий выдающийся поэт М. Поль Верлен представляет собой интересный пример гениального человека, который одновременно является и ярко выраженным преступником. М. Верлен - глава так называемой "декадентской" школы. Точное место, которое он в конечном итоге займет как поэт, еще не ясно; с одной стороны, его неоправданно пренебрегают, с другой - неоправданно превозносят. В своих лучших произведениях он преуспевает в нежных отрывках смутной и мистической задумчивости, во внезапных строках, наполненных острыми эмоциями. Его стиль, представляющий собой любопытную смесь простоты и неясности, изобилует словами, заимствованными из уголовного жаргона. Его последний том[75] содержит стихи, которые хорошо демонстрируют его любопытную способность выражать самые тонкие *нюансы* чувств бок о бок с самыми грубыми, самыми бессовестными импульсами циничной развращенности, саморазоблачениями сексуальных извращений, которые могли бы заслужить для книги название в одной из строк: "L'embarquement pour Sodome et Gomorrhe". Я предлагаю процитировать не все из них, а лишь небольшую, но интересную серию, написанную во время многолетнего заключения в Брюсселе. Вот стихотворение, описывающее жизнь заключенного: -

"La cour se fleurit de souci
Как фронт

De tous ceux-ci
Qui vont en rond
En flageolant sur leur fémur
Debilité
Le long du mur
Fou de clarté.

Tournez, Samsons sans Dalila,
Без Филистины,
Tournez bien la
Meule au destin.
Vaincu risible de la loi,
Mouds tour à tour
Ton cœur, ta foi
И твою любовь!

Ils vont! et leurs pauvres souliers
Font un bruit sec,
Униженные,
Труба в беке.
Pas un mot ou bien le cachot,
Pas un soupir.
Il fait si chand
Qu'on croit mourir.

J'en suis de ce cirque effaré,
Soumis d'ailleurs
И подготовлен
ко всем бедам.
Et pourquoir si j'ai contristé
Ton vœu tetu,
Общество,
Я выбираю тебя?

Allons, frères, bons vieux voleurs,
Дурные бродяги,
Filons en fleur,
Мои дорогие, мои хорошие,
Fumons philosophiquement,
Promenons-nous
Paisiblement:
Rien faire est doux".

Я не знаю более интересного документа в уголовной литературе, чем поэма "*Læti et Errabundi*", содержащаяся в этом томе. Чтобы полностью понять значение этого замечательного стихотворения, необходимо указать, что заключение Верлена в тюрьму было вызвано покушением на жизнь его товарища по сексуальным извращениям, тоже известного поэта. Последний покинул Европу, и сейчас неизвестно, жив он или мертв. Ему и адресована "*Læti et Errabundi*".

Я цитирую заключительные строки:.

"On vous dit mort, vous. Que le Diable
Emporte avec qui la colporte
La nouvelle irrémédiable
Qui vient ainsi battre ma porte!

Je n'y veux rien croire. Смерть, ты,
Toi, dieu parmi les demi-dieux!
Те, кто так говорят, - это неистовые.
Mort, mon grand péché radieux.

Все прошедшее еще не утихло.
Dans mes veines et ma cervelle
Et qui rayonne et qui fulgore
Sur ma ferveur toujours nouvelle!

Mort tout ce triomphe inouï
Retentissant sans frein ni fin
Sur l'air jamais évanoui
Que bat mon cœur qui fut divin!

Quoi le miraculeux poème
И вся философия,
Et ma patrie et ma bohème
Morts? Allons donc! tu vis ma vie!"

Очень примечательная голова Верлена, хотя и крупная, - это голова преступника, а не гениального человека, с тяжелой челюстью, выступающими глазницами и акроцефальным затылком с центральным гребнем - голова, которую остроумный Лавернь назвал сатанинской и которая в своей крайней форме, по его мнению, свидетельствует о чудовищном союзе самой выдающейся способности человека, гения, с самыми выраженными наклонностями к преступлению. М. Верлен давно стал жертвой хронического алкоголизма, а автора "*Галантных праздников*" и некоторых из самых нежных строк, написанных в наши дни, сегодня чаще всего можно встретить в палатах парижских больниц.

"Я принадлежу к числу злодеев.

Я потерял свою жизнь, и я прекрасно знаю.
Что всякое зло на мне закрепится:
A cela je ne puis que répondre
Qui je suis vraiment né Saturnien".

Несколько слов можно добавить о криминальном искусстве, проявляющемся в дизайне. Ломброзо воспроизводит многочисленные рисунки и т. д., сделанные в тюрьме. Они, как правило, очень грубы и незначительны, никогда не бывают красивыми, но часто выразительны, передавая характер, то в лице, то в позе, с легкостью и мастерством. Сцены убийства или грабежа, судебные заседания, мужчины, висящие на виселице, женщины, в основном обнаженные, с огромными или покатыми грудями, мужчины или женщины в экстравагантно извращенных сексуальных позах - вот видения, которые приходят к преступнику в тюрьме, и которым он стремится придать художественное выражение с

помощью тех средств, которые могут быть в его распоряжении. Сексуальные образы, не красивые, а грубые и уродливые, несомненно, играют главную роль в этих замыслах; но нет необходимости указывать, что искусственные условия, в которых живет заключенный, в значительной степени ответственны за эту особенность его искусства, хотя и не за его в целом нарочитую уродливость.

Доктор Лоран в своем труде *"Тюремные обитатели" (Les Habités des Prisons)* рассмотрел этот вопрос более полно, чем любой другой известный мне автор, и воспроизвел несколько очень характерных и поучительных примеров этого искусства, хотя и не решился воспроизвести более экстравагантные рисунки, которые он описывает. Среди большого количества рисунков заключенных, прошедших через его руки, его больше всего поразило отсутствие какой-либо возвышенной мысли, каких-либо благородных чувств. В эротических рисунках иногда присутствует смелость воображения, но любовь всегда рассматривается как чисто физиологический акт, а во всем остальном рисунок патетически банален; он натуралистичен в самом низком смысле этого слова, ничего не добавляет, ничего не подавляет; и поэтому эти рисунки имеют поразительное семейное сходство. Если и есть великий художник, о котором они напоминают, то это Остаде с его вечным исследованием низменного и деградирующего, физически и морально, человечества". Доктор Лоран обращает особое внимание на рисунок, который, кажется, изображает какого-то крылатого ангела надежды; есть что-то в дерзком, хищном лице этой вульгарной феи, в грубой твердой позе, так напоминающей о вещах, которые только и оставили прочный след в сознании художника, что очень жалко. Только в одном из этих рисунков можно уловить проблеск идеала; это фигура женщины, выполненная клерком, получившим некоторое образование и обладавшим личными качествами, которые привели его к общению с женщинами несколько более высокого типа. Лицо на этом рисунке имеет нежный и меланхоличный оттенок; однако даже здесь тело нарисовано слишком грубо и реалистично. Лучше всего эти художники преуспели в фотографическом изображении заурядных или неприятных человеческих типов, которые можно увидеть в больших городах, особенно после наступления ночи. Обычно в этих типах есть что-то жесткое, циничное, деградирующее, как во всем теле, так и в лице; они напоминают то, что говорили о портретах, выполненных Уэйнрайтом, - что он сумел вложить в них выражение собственной злобы.

Эти художники также не преуспевают в карикатуре и редко пытаются ее сделать. Чтобы добиться успеха в этом деле, необходимо обладать определенной рассудительностью, деликатностью и проницательностью, а этим тюремные художники, похоже, не обладают.

Обнаженная натура, как я уже говорил, доставляет тюремным художникам огромное удовольствие, и они даже добиваются определенных успехов. Есть некая хогартовская энергичность и легкость, с которой перед нами предстают лица и формы этих грубых, низкорослых, животных, энергичных женщин, с их большими подвесными грудями. Единственный тюремный эскиз, который я видел, демонстрирующий нечто большее, чем грубое чувство красоты, реальное обращение к воображению или отчетливую науку формы и композиции, - это группа обнаженных женщин в экстравагантных позах, которую воспроизводит доктор Лоран; он ничего не говорит о художнике, кроме того, что он, вероятно, был святым Антонием по необходимости, который в этой сцене, как на шабаше ведьм, дал выражение мучившим его снам. Это подлинное произведение фантастического искусства, которое, кажется, напоминает некоторые эскизы бельгийского художника Фелисьена Ропса. Этот рисунок в какой-то степени - и только в какой-то - выбивается из суждения, которое доктор Лоран высказывает по поводу отношения преступников к сексу: "Секс для них не священная и таинственная вещь, не мистическая роза, скрытая под

неясным сводом тела, не странный и драгоценный талисман, заключенный в скинию. Для них это уродство, которое они вытаскивают на свет и смеются над ним".

§ 10. Криминальная философия.

Одним из наиболее интересных и поучительных разделов криминальной литературы является раздел, посвященный психическому отношению преступника к преступлению. При рассмотрении проблем преступности и способов борьбы с ней немаловажное значение имеет ясное представление о социальном оправдании преступления с точки зрения преступника. Он не только не испытывает угрызений совести; он либо отрицает свое преступление, либо оправдывает его как долг, во всяком случае, как пустяк. У него, как замечает Достоевский, свой практический и эмпирический взгляд на дело, и он оправдывает эти происшествия своей судьбой, роком. "Оправданию преступника в его собственных глазах способствует то, что он совершенно уверен, что общественное мнение того класса, в котором он родился и живет, оправдывает его; он уверен, что его не осудят окончательно, если только его преступление не будет направлено против кого-нибудь из его собственного класса, его братьев. С этой стороны он в безопасности, и с такой доброй совестью он никогда не потеряет своей моральной уверенности, а это главное. Он чувствует себя на твердой почве и ни в коем случае не испытывает ненависти к ударам, которые ему наносят. Он смотрит на нее как на неизбежность и утешает себя мыслью, что он не первый и не последний, кто ее получает. Ненавидит ли солдат турка, который бьет его саблей? Ни в коем случае!"

Быть пойманным - вот что самое глупое в этом деле. "Вы много дураков, что попали сюда, в том числе и я", - гласит одна из тюремных надписей, отмеченных мистером Хорсли. "Если бы Бог хотел, чтобы я был другим, он бы сделал меня другим", - сказал Гете. В том же духе выдержана философия преступности, изложенная человеком, известным под именем Ломброзо: "Если Бог дал нам инстинкт воровать, то он же дал другим инстинкт сажать нас в тюрьму; мир - это забавный театр!" Однако преступник редко занимает столь возвышенную позицию; чаще всего он оправдывает свое существование пороками respectable общества - "невежеством и скупостью публики", как выразился один заключенный, - которые он достаточно проницателен, чтобы понять; "это игра в "поймай мошенника", - сказал один заключенный мистеру Дэвитту. Молодой французский разбойник во времена Карла IX, бесстрастно взойдя на эшафот, заявил, что он невиновен, потому что никогда не грабил бедных людей, а только принцев и лордов, величайших грабителей в мире. "Мы бедные мошенники, и поэтому нас повесили, в то время как другие, не менее виновные в другом, избежали наказания", - утверждали пятьдесят два пирата капитана Бартоломею Робертса, казненные в начале XVIII века. "Закон для богатых, но не для бедных" - современная английская тюремная надпись, которая, вероятно, лучше выражала бы смысл написанного, если бы была переведена. *Quels gredins les honnêtes gens!*

Один итальянский преступник написал в книге "Нравственные максимы" Томмазо: "Когда вы прочтете эту книгу, станьте священником или мастером; если нет, она не принесет вам пользы". В этой книге есть прекрасные максимы, но максимы не годятся в этом мире, где царствует один бог золота. Тот, у кого есть деньги, храбр и добродетелен; все изречения Томмазо бесполезны для того, у кого их нет; к нему все равно будут относиться с презрением". Один миланский вор сказал Ломброзо: "Я не граблю, я только отбираю у богатых их излишки; и, кроме того, разве не грабят адвокаты и купцы? Зачем же обвинять меня, а не их?" "Зная, - писал убийца Рейналь, - что три четверти общественных добродетелей - это трусливые пороки, я решил, что открытое нападение на богатого человека будет менее благородным, чем осторожные комбинации мошенничества". Дж. Г.

Уэйнрайт, находясь в тюрьме, сказал одному посетителю: "Сэр, вы, городские люди, пускаетесь в спекуляции и рискуете. Некоторые из ваших спекуляций удаются, а некоторые проваливаются. Так получилось, что моя провалилась". Один итальянский вор, некто Розати, сказал: "Я горжусь своими делами; я никогда не брал мелких сумм; нападение на такие крупные суммы я считаю спекуляцией, а не кражей". Другой итальянский вор говорил, что в мире существует два вида справедливости: естественная справедливость, которую он сам практикует, когда делится доходами от своих краж с бедняками, и искусственная справедливость, которая защищена социальными законами. Преступник твердо убежден, что его тюремное заключение - знак того, что страна катится к собакам. Тюремная надпись, которую цитирует Ломброзо, гласит: "Меня посадили за кражу полудюжины яиц; министры, которые каждый день грабят миллионы, пользуются почетом. Бедная Италия!" "Мы необходимы, - с гордостью говорил своим судьям главарь разбойников, - Бог послал нас на землю, чтобы наказать скупых и богатых. Мы - своего рода божественный бич. А что касается остального, то что бы вы, судьи, делали без нас?"

Это убеждение в преступности честных людей укоренилось в сознании преступника, и его можно встретить на каждом шагу. "Кто не заслуживает галеры?" - это замечание часто слышал доктор Лавернь в каторжной тюрьме в Тулоне, и ту же мысль цинично выразил Лакенер: - "Buvons à la Sagesse".

"Buvons à la sagesse,
A la vertu qui soutient!
Tu peux sans crainte d'ivresse,
Boire à tous les gens de bien".

Большинство людей наверняка замечали в разговоре с людьми, обладающими порочными инстинктами, то искреннее отвращение, которое они так часто испытывают к чужим порокам и равнодушие к своим собственным. Так, человек в тюрьме испытывает снисхождение к собственному проступку и презрение к своему более осторожному брату, который продолжает сохранять уважение общества, - чувства, на которые последний от души отвечает взаимностью. Каждый человек, какое бы положение он ни занимал, испытывает потребность в определенном количестве *amour propre*. "Пусть я вор, но, слава Богу, я уважаемый человек".

Среди криминальных песен, которые до сих пор бытуют на Сардинии, есть одна (цитируемая Ломброзо из книги Буйе "*Диалекты и напевы Сардании*"), которую можно привести здесь. "Скажи мне, - спрашивает Ахея священника, - если мне нечего есть и если я найду, чем утолить свой голод, могу ли я взять чужое добро?" "Поверь мне, если тебе нечего есть и ты встретишь что-нибудь, ты будешь глупцом, если не возьмешь это". "Это хороший совет, но есть одна трудность: то, что я взял таким образом, должен ли я вернуть?" "Нет. Соблюдение закона подвергло бы тебя слишком суровому посту; ты большой дурак, если не понимаешь, что перед лицом необходимости все вещи принадлежат всем". Это мораль беззаконного и примитивного общества, но она имеет точки соприкосновения с некоторыми новейшими и высочайшими достижениями общественной морали. Толстой оправдал бы ее, как в определенной степени оправдал ее один уважаемый архиепископ.

"Законы общества, - заметил один образованный каторжник мистеру Дэвитту, - созданы для того, чтобы обеспечить богатство мира властью и расчетом, лишив тем самым большую часть человечества прав и шансов. Почему же они должны наказывать меня за то, что я отбираю подобными способами у тех, кто взял больше, чем имел на то право?" "Мой дорогой сэр, - сказал он, - я отрицаю ваше утверждение, что в мире вообще существует такая вещь,

как честность". Этот человек, хорошо знакомый с литературой и философией, трезво утверждал, что "воровство - почетное занятие" и что религия, закон, патриотизм и телесные болезни - настоящие и единственные враги человечества. "Религия, - замечал он, - лишает душу независимости, а социальные законы общества, сдерживая желания и способности, данные людям природой для удовлетворения, объявляют войну явственному духу закона нашего бытия". Патриотизм он называл "идолопоклонством идеи, в глупом поклонении которой мир во всем мире и благополучие его жителей были принесены в жертву законодателями и другими, кто извлекает из этого выгоду".

В одном из политико-экономических трудов в главе "Соображения о духе кооперации" Ломброзо обнаружил следующую заметку, написанную куском железа: "Лучше всего управляется та нация, в которой меньше всего воров. Вы хотите упразднить воров? Позаботьтесь о том, чтобы рабочий и крестьянин имели работу и получали за нее лучшую плату; тогда они будут довольны, и им нечего будет сказать против правительства; в результате они будут выполнять свой долг и не будут вынуждены делать зло". Другой, читая книгу о чиновнике, отстраненном от управления налогами, писал: "Я советую вам всем стать общественными ворами, и тогда вы будете свободными гражданами и людьми, полезными для общества, и будете награждены медалями и крестами". Этот человек был общественным вором, а я всего лишь частный грабитель; если бы я был общественным, меня бы здесь не было". И снова: "Почему к тем, кто носит грубые ботинки, относятся по-одному, а к тем, кто прекрасно одет и носит желтые перчатки, - по-другому? Почему первых называют ворами, а про других говорят, что они совершили неправомерное присвоение? Разве оба класса не нарушили заповедь, которая гласит: "Не укради"? В признании, сделанном Жиске, префекту полиции, занята иная позиция; преступник оправдывает себя не по моральным соображениям, а как человек мира: "Вы сожалеете о грабеже, который я совершил, и называете его плохим поступком; незначительный поступок, за который я был осужден, - это первое звено в цепи, которая, надеюсь, не скоро закончится. Если бы я не был вором по призванию, то стал бы им по расчету. Я испытал на себе все добро и зло других профессий и пришел к выводу, что эта - самая лучшая. Что стало бы со мной среди честных людей? Ублюдок, о котором некому позаботиться, что бы я мог сделать? Стать лавочником, зарабатывать самое большее шестьсот франков в год и, пропотев всю жизнь, состариться, заболеть и закончить жизнь в больнице. Возьмите людей в массу, и вы найдете их униженными, рабами, опозоренными; никогда талант и честность не вознаграждаются; порок процветает чаще, чем добродетель."

"В нашей профессии мы ни от кого не зависим; мы пользуемся плодами своего опыта и способностей. Я хорошо знаю, что мы можем оказаться в тюрьме; но из 18 000 парижских воров ни одна десятая не сидит в тюрьме, так что мы наслаждаемся девятью годами свободы против одного года тюрьмы. Кроме того, где тот рабочий человек, который иногда не остается без работы? В остальное время рабочему приходится закладывать свои вещи в ломбард, в то время как мы, будучи на свободе, ни в чем не нуждаемся и ведем жизнь в постоянных пирах и удовольствиях".

"Страх ареста и притворные угрызения совести, о которых говорят люди, - это вещи, к которым скоро привыкают и которые завершаются приятными эмоциями."

"А потом, если нас арестуют, мы живем за счет других, которые одевают нас, кормят и обогревают, и все это за счет тех, кого мы обокрали!"

"Я скажу больше. Во время пребывания в тюрьме мы придумываем и готовим новые средства для достижения успеха."

"Если я о чем и жалею, господин префект, так это о том, что осужден всего на год. Если бы меня осудили на пять, меня бы отправили в центральную тюрьму, где я встретил бы старых знакомых, которые научили бы меня новому трюку, и я бы вернулся в Париж достаточно умным, чтобы жить, не работая".

"О ворах говорят как о людях, которые всегда в беде и всегда заканчивают свою жизнь в тюрьме; но они думают о тех, кого они видели в явном состоянии, когда их арестовывали. Они не учитывают, что у многих из них есть тайные средства и что большинство из них достаточно умны, чтобы жить, никогда не имея ничего общего с правосудием". Очевидно, что у этого человека были стремления и идеалы, которые, хотя и находили удовлетворение другим способом, были во многом такими же, как и у обычных людей. Он представляет собой профессионального преступника.

"Ах! Слишком часто это забывается, - писал Г. Рускович, князь среди фальшивомонетчиков, искушенный студент, в совершенстве владеющий полудюжиной языков, - слишком часто забывают, что преступники - члены общества. Все эти тела, иногда покинутые всеми, кроме спутников, которым поручено их охранять, не все непрозрачны; некоторые из них матовы и прозрачны. Пошлый песок, по которому вы ступаете ногами, становится блестящим кристаллом, пройдя через печь. Отбросы могут стать полезными, если знать, как их использовать; безразлично и бездумно топтать их ногами - значит подрывать основы общества и наполнять его вулканами. Человек, не побывавший в пещерах, может ли он хорошо знать гору? Нижние слои, расположенные глубже и дальше от света, разве они менее важны, чем внешняя кора? Среди нас есть уродства и болезни, заставляющие содрогнуться; но с каких пор ужас запрещает изучение, а болезнь отгоняет врача?"

ГЛАВА V.

РЕЗУЛЬТАТЫ КРИМИНАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ.

До сих пор я суммировал основные результаты, полученные при исследовании преступника до настоящего времени многими работниками в разных странах. Зафиксированные здесь результаты не вызывают особых сомнений; даже если они не согласуются между собой, все равно обычно можно объяснить расхождения особым характером группы, к которой принадлежат обследованные лица. Но когда мы переходим к рассмотрению значения фактов, мы уже не находимся на такой безопасной и простой почве. Однако здесь нет причин для удивления, если вспомнить, насколько молодой наукой является криминальная антропология. Даже смежная наука - общая антропология - еще молода, и большая часть нашего прогресса в ней заключается в том, что мы не можем избавиться от ошибок, так что, как недавно заметил Вирхов, сегодня мы знаем об антропологии гораздо меньше, чем несколько лет назад. То же самое можно сказать и о другой смежной науке, изучающей безумие. Если поэтому мои выводы о месте преступника в природе могут показаться несколько осторожными и предварительными, следует помнить, что мы все еще медленно нащупываем путь к твердой почве. Как ни мало общих выводов, которые мы можем смело

утверждать, их все же достаточно, чтобы пролить поток нового света на природу преступника, его лечение и профилактику.

Я намерен вкратце коснуться некоторых взаимосвязей между преступлением и преступником, рассмотрение которых естественным образом приведет нас к более ясному представлению о положении преступника. Мы рассмотрим (а) биологические начала преступности, (б) преступность среди детей, (в) преступную женщину в отличие от преступного мужчины, (г) отношение преступности к пороку, (д) преступность как профессию, (е) отношения преступности к эпилепсии и безумию.

(а) Биологические истоки преступности были рассмотрены Ломброзо, Лакассаньем и Ферри; некоторые из них даже проследили их вплоть до растительного мира. Так, Ломброзо, кажется, утверждает, что насекомоядные растения, изученные Дарвином и другими, принадлежат к категории преступников. Я сомневаюсь, что такое определение преступника может быть обоснованным, а сам Ломброзо говорит не совсем уверенно. Действие, которое является общим для целого вида, не может быть обоснованно названо преступным. Оно может быть несправедливым, даже жестоким, но не обязательно становится преступным. Если *Dionea Muscipula*, поедающая насекомых, является преступником, то тем более должен быть преступником европейский человек, поедающий говядину или баранину. Чтобы стать преступным, поступок должен быть исключительным для данного вида и вызывать социальную реакцию среди других представителей этого вида. Мы едва ли можем надеяться найти настоящих растительных преступников даже среди паразитов.

Когда мы имеем дело с преступностью животных, относительно которой в настоящее время накоплен большой объем доказательств, необходимо проводить различия. Ветеринарам хорошо известно, что некоторые лошади склонны к недисциплинированности и мести, и что эти характеристики связаны с определенными аномалиями черепа; арабы считают, что эти качества передаются по наследству. Здесь, безусловно, прослеживается очень близкая аналогия с инстинктивным преступником, но мы имеем дело с животным, сильно измененным человеком, и эти пороки проявляются не столько против своего вида, сколько против человека. Случай с лошадью, которая притворилась хромой, чтобы избежать военных упражнений, едва ли можно назвать преступным; с точки зрения лошади, это можно считать оправданной уловкой. То же самое можно сказать и о действиях собаки, которая, обнаружив, что ее любимое место занято другой собакой, вышла на улицу и подняла такой яростный лай, что узурпатор вышел посмотреть, в чем дело, а законный хозяин тут же набросился на свой старый угол. Такая уловка, даже если она направлена против одного вида, не является антисоциальной. Только когда мы имеем дело с животными, обладающими самым высоким уровнем интеллекта, мы встречаем проявления, которые можно с полным основанием назвать преступными. Так, среди высокоинтеллектуальных касторов ленивый кастор безжалостно прогоняется своими собратьями, чтобы умереть от голода в одиночестве, вдали от колонии. Безделье, как мы знаем, является фундаментальной характеристикой преступника, и ярко выраженная социальная реакция, которую мы видим здесь, показывает, что касторы осознали это. Нечто подобное наблюдается и среди слонов. Некоторые слоны, называемые мошенниками, ведут уединенный и неестественный образ жизни, и им не хватает гуманности и мягкости, свойственных слонам вообще. Антисоциальный характер этих слонов распознается их собратьями, и когда одинокий слон пытается проникнуть в семейную жизнь обычного слона, он везде получает отпор и, естественно, становится еще более свирепым и антисоциальным. Подобные примеры - это ближайшие подходы среди животных к тому, что мы называем преступностью.

Обращаясь к низшим человеческим расам, мы должны четко осознать, что представляет собой преступность. Говорить, как утверждается, что среди дикарей преступность является скорее правилом, чем исключением, значит вносить путаницу. Среди многих дикарей детоубийство, отцеубийство, воровство и прочее, отнюдь не являясь антиобщественными, часто служат какой-то социальной цели, и поэтому они не возмущают никаких социальных чувств. Эти действия не являются антисоциальными, и многие недавние исследования, такие как исследования Эли Реклю, показывают, что при данных условиях в них есть определенная разумность, хотя среди нас они перестали быть разумными и стали преступными. С другой стороны, многие действия, которые потребности или традиции варварского общества сделали преступными, на более высокой стадии развития общества становятся тривиальными или полезными.

Тарде замечает, что из десяти преступлений, за которые гебраистский закон карал побиванием камнями, девять даже перестали быть преступлениями в наших современных европейских обществах, а десятое (изнасилование) осталось преступлением, только полностью изменив свой характер; оно стало преступлением против личности вместо преступления против собственности. Он также отмечает, что в обществе дикарей одним из главных типов преступников были бы нежные и артистичные натуры, чувственные и

чувствительные, плохо приспособленные для грабежа соседних племен. Таких людей неустанно преследовали бы, как трудолюбивые кастеры преследуют ленивых кастеров, и по тем же причинам. В наших обществах мы нашли применение этим людям; они служат нашим удовольствиям, и мы оказываем им только почтение. Но если мы будем мудры, то будем очень осторожны в выражении своего негодования по поводу социальных привычек низших рас, даже если они влекут за собой такой акт, как отцеубийство, поскольку расстояние между нами и даже низшими расами вполне измеримо. Наш социальный кодекс не так уж далек от кодекса маори, который считал убийством убийство человека, оказавшего ему гостеприимство, но не убийством пронзание копьем незнакомца, встреченного им на утренней прогулке. Сегодня мы считаем большим преступлением убийство собственных отцов или детей; но даже самая цивилизованная европейская нация, какой бы она ни была, считает, что убивать отцов и детей других людей на войне - это скорее почетно. Мы еще не в состоянии понять отношения между людьми. Точно так же, возмущаясь грубыми кражами, практикуемыми некоторыми низшими расами, мы все еще недостаточно цивилизованы, чтобы возмущаться более тонкими кражами, практикуемыми среди нас самих, которые не противоречат букве какого-либо закона.

Преступность, таким образом, нельзя без разбора приписывать даже самым низким расам. Она заключается в неспособности жить в соответствии со стандартом, признанным обществом в качестве обязательного. Преступник - это индивид, чья организация затрудняет или делает невозможным для него жить в соответствии с этим стандартом и легко рисковать наказаниями за антисоциальные действия. По какой-то случайности развития, по какому-то дефекту наследственности, рождения или воспитания он как бы принадлежит к более низкому и старому социальному состоянию, чем то, в котором он живет на самом деле. Так получается, что наши преступники часто напоминают по физическим и психическим характеристикам нормальных представителей низшей расы. Это и есть тот "атавизм", который так часто наблюдается у преступников и так много обсуждается. Именно антиобщественный инстинкт, присущий этим низшим индивидам, и составляет преступление. Этим объясняется тот факт, что если в тех районах, где разбойничество противостоит народному чувству, разбойники часто являются аномально сложенными индивидами, то в других районах, где нет общественного чувства против разбойничества (как в некоторых отдаленных частях Италии), разбойник может не проявлять никаких необычных характеристик, умственных или физических. Социальная среда не оказывает никакого селективного влияния; нет ничего, что могло бы заставить ненормального человека заниматься разбоем, а не каким-либо другим ремеслом.

Поэтому признать в преступнике некий психический и даже физический элемент, относящийся к более примитивной эпохе, просто и совершенно разумно. Это наблюдалось неоднократно, независимо от какой-либо специальной теории преступности. Так, мистер Л. Оуэн Пайк, историк преступности в Англии, не являющийся ни алиенистом, ни антропологом, пишет: "Об очень большом количестве современных закоренелых преступников можно сказать, что они имеют несчастье жить в эпоху, когда их заслуги не ценятся. Если бы они жили на свете достаточное количество поколений назад, самые сильные из них могли бы стать вождями племени..... С нравами и привычками нецивилизованных людей, которые он унаследовал от далекого прошлого, преступник вынужден жить в стране, где большинство жителей усвоили новые уроки жизни, и где его все больше и больше считают изгоем по мере того, как он все больше и больше стремится реализовать тоску своей природы"[76] Тарде, осторожный *судебный исполнитель*, выразил ту же мысль почти в тех же словах: "Некоторые из них, по крайней мере, были бы украшением и моральной аристократией племени краснокожих индейцев"[77] И снова брюссельский

профессор Принс, лишь слегка изменив ту же формулу, замечает: "Преступник наших дней - это герой наших старых легенд. Сегодня мы сажаем в тюрьму человека, который был бы грозным и уважаемым вождем клана или племени". Энергия, с которой Ломброзо отстаивал атавистический элемент в преступнике, хорошо известна; а Колаянни, во многом оппонент Ломброзо, замечает: "Сколько гомеровских героев сегодня сидели бы в тюрьме или, во всяком случае, презирались бы как жестокие и несправедливые".

То, что это сходство не просто поверхностное, а что некоторые извращения или задержки в развитии иногда порождают индивида, не приспособленного к нашей цивилизации, но склонного к более низкой цивилизации, которую мы переросли, и которую мы называем преступной, мы имели случай неоднократно отмечать в нашем кратком изложении фактов криминальной антропологии. Это ни в коем случае не экстраординарный факт; он не настолько экстраординарен, как то, что человеческие существа иногда рождаются с шейными ушками или лишней грудью - возвращение к гораздо более древним временам. Нелегко собрать в одно высказывание различные реальные или кажущиеся атавистическими анатомические особенности, отмеченные среди преступников. Пожалуй, самое общее утверждение, которое можно сделать, заключается в том, что среди преступников гораздо больше анатомических аномалий, чем среди обычного европейского населения. Теперь это именно та характеристика анатомии низших человеческих рас: они представляют гораздо большую долю анатомических аномалий, чем обычное европейское население. Правда, наши знания об анатомии низших человеческих рас все еще неполны, но доказательства в этой области совершенно очевидны. Достаточно привести слова выдающегося анатома, которому были доверены черепа, собранные во время самой важной научной экспедиции современности. Сэр Уильям Тернер, подводя итог *докладу Челленджера* об этих черепах, пишет: "Хотя их количество, конечно, слишком ограничено, чтобы на его основе делать какие-либо широкие обобщения относительно относительной частоты встречаемости тех или иных вариаций у различных рас, очевидно, что доля важных вариаций больше, чем в соответствующем количестве черепов белых рас"[78].

ПЛАТА XV.

Наше исследование психических особенностей преступников показало, что они постоянно воспроизводят черты дикарского характера - отсутствие предусмотрительности, неспособность к продолжительному труду, любовь к оргиям и т. д. Не лишним будет заметить, что мы не должны приписывать их прямому влиянию атавизма. Если изначальный порок органической конституции отбросил индивида в более примитивные и отдаленные слои общества, влияние среды само по себе будет имитировать последствия атавизма и преувеличивать его значение. Если органические импульсы конституции человека привели его к тому, что он бросил свой жребий с разбойниками, он не преминет жить так, как живут разбойники, то есть как живут варвары. Это не атавизм, хотя и может быть результатом атавизма, или остановкой развития[79].

(b) Развитие преступности происходит раньше времени. Росси выяснил, в каком возрасте 46 из 100 преступников начали свою преступную карьеру. Из этих 46 человек не менее 40 начали свою преступную деятельность до двадцати лет - т. е. 1 в четыре года, 2 в семь, 6 в восемь, 1 в девять, 5 в десять, 1 в одиннадцать, 3 в двенадцать и т. д.[80] Данные, полученные во Франции, Англии и Америке, дают очень похожие результаты. Дети могут даже стать профессиональными преступниками, и не только в Европе. Так, в Индии, где в последние годы профессиональное отравление получило большое развитие и в значительной степени заняло место бандитизма, "мальчик-брахман в Бахрайхе в мае 1885 года опоил наркотиками партию людей, путешествующих с агентом раджи Мохсана. Хотя ему было всего двенадцать

лет, это было его пятое появление на скамье подсудимых. Другой мальчик, несколько месяцев спустя, приготовил немного пульса для трех паломников из Гайи; вскоре после этого паломники были подобраны в бесчувственном состоянии недалеко от железнодорожной станции в Аллахабаде. Этот мальчик был обвинен в совершении аналогичного преступления в мае предыдущего года, но отделался тем, что истцы, нетерпеливые к задержке закона, изменили свою историю и приписали свой бред жару солнца". Сонории, проживающие в северо-западных провинциях Индии, - удивительно искусные карманники, и они обучают своих детей тому же. "Сонорийский мальчик десяти или двенадцати лет, с его милым невинным лицом и чистой шелковой одеждой, - самый привлекательный объект для злодейства. Его рука просовывается в карман, и он передает содержимое стоящему за ним человеку, который, в свою очередь, передает его третьему, а сам возвращается, чтобы следить за ежом. Если мальчишку поймают, он плачет и уверяет в своей невинности, но его непостоянство играет против него, ибо ни один честный туземный ребенок не может говорить так, как мальчик из Сонории"[81].

Интереснее отметить, что существует определенная форма преступности, почти свойственная детям, форма, к которой вполне справедливо можно приписать термин "моральное убожество". Она была описана Краффт-Эбингом, Менделем, Сэвиджем и другими, и характеризуется некоторой эксцентричностью характера, неприятием семейных привычек, неспособностью к образованию, склонностью ко лжи, наряду с пронзительностью и необычайным цинизмом, дурными сексуальными привычками, жестокостью по отношению к животным и товарищам. Он проявляется в возрасте от пяти до одиннадцати лет и иногда сочетается с преждевременными интеллектуальными качествами. Несомненно, многие из них превращаются в инстинктивных преступников. Иногда эти черты проявляются только в период полового созревания, вместе с преувеличенными сексуальными наклонностями, у детей, которые до этого отличались только умственной развитостью, но чья энергия, кажется, теперь направлена в новое русло.

Очень важно, что эти черты являются лишь преувеличением тех черт, которые в меньшей степени присущи почти всем детям. Ребенок по своей организации, естественно, ближе к животному, к дикарю, к преступнику, чем взрослый. Хотя это часто и фрагментарно отмечалось, только в последние годы Перес и другие серьезно занялись изучением детства - предметом первостепенной важности.

Ребенок живет настоящим; эмоции или желания момента достаточно велики, чтобы заслонить для него весь мир; у него нет предвидения, и он легче всего отдается своим инстинктам и страстям; наши страсти, как сказал Гоббс, сближают нас с детьми. Дети по природе своей эгоисты; они готовы совершить любую жестокость, иногда для того, чтобы увеличить свое эгоистическое удовлетворение. Они жестоки и причиняют страдания животным из любопытства, наслаждаясь проявлениями боли. Они воруют для удовлетворения своих appetitов, особенно главного - обжорства, и они беспринципные и часто хитрые лжецы, не стесняющиеся переложить вину на невинных, когда их проступки обнаруживаются. Очарование детства для тех, кто уже не ребенок, во многом кроется в этих качествах - откровенном эгоизме и безрассудном повиновении импульсам.

Большинство людей, способных вспомнить собственное детство, что, впрочем, встречается не так уж часто, могут вспомнить, как они иногда поддавались непреодолимым импульсам, которые, хотя и носили тривиальный характер, были явно преступными. О пустяковом или даже нормальном характере таких поступков в детстве слишком часто забывают те, кому

приходится иметь дело с детьми. Мэйхью, писавший в 1862 году, когда эти детские "преступления" все еще воспринимались всерьез до ужаса, замечает: "По возвращении из Тотилл-Филдс мы посоветовались с некоторыми из наших друзей о различных шалостях их юности, и хотя все, кого мы спрашивали, выросли и стали людьми с небольшим авторитетом в мире, как по уму, так и по чести, они, все до единого, признались, что совершили в юности многие из тех самых "преступлений", за которые были заключены в тюрьму мальчики из Тотилл-Филдс. Признаемся честно, что в Вестминстерской школе, где мы провели около семи лет своего детства, подобные деяния совершались ежедневно; и если бы вместо Оксфорда или Кембриджа учеников отправили в исправительный дом для завершения образования, страна увидела бы сейчас многих из наших товарищей по играм работающими среди каторжников на верфях, а не придающими достоинство сенату или честь скамье подсудимых".

У многих людей импульсы детства сохраняются во взрослом возрасте в более или менее подавленном виде. Импульсы не поддаются так легко или вообще не поддаются, но они все еще ощущаются. Часто приводились примеры выдающегося алиениста Мореля, который, как он сам рассказывает, увидев рабочего, склонившегося над одним из мостов Сены, почувствовал такой сильный порыв сбросить его в реку, что ему пришлось броситься прочь с этого места; и кормилицы Гумбольдта, которая при виде и прикосновении к розовой плоти новорожденного ребенка почувствовала искушение убить его и была вынуждена доверить его кому-то другому. Эти болезненные импульсы, возможно, более тесно связаны с безумием, чем с преступностью, но они находятся на пограничной территории, которая является общей для обоих. И ребенок, и преступник подвержены таким импульсам.

В преступнике, как мы часто думаем, происходит остановка развития. Преступник - это человек, который в какой-то степени остается ребенком всю свою жизнь - ребенком более высокого роста и с большей способностью к злу. Это часть атавизма преступников. Острота ума часто наблюдается у детей-преступников; у взрослых преступников она встречается редко. Очевидно, что развитие задерживается в очень раннем возрасте, возможно, из-за преждевременного срастания черепных костей. Среди дикарей также встречаются смысленные дети, но их развитие останавливается в очень раннем возрасте. Все, кто близко общался с преступниками, отмечали их сходство с детьми. Так, глубокий и сочувствующий наблюдатель Достоевский в *"Воспоминаниях о мертвом доме"*, подводя итог некоторым легкомысленным, покладистым характерам каторжников, говорит: "Одним словом, это были дети, настоящие дети, даже в сорок лет". А в другом месте он цитирует поговорку о ссылке: "Каторжник - это ребенок; он бросается на все, что видит".

(с) Интересно рассмотреть половые вариации преступности. Женщины везде менее преступны, чем мужчины. Однако в разных странах это соотношение сильно варьируется. Во Франции она обычно составляет примерно 4 к 1; в США - 12 к 1; в Италии и Испании доля женщин очень мала. В Великобритании, напротив, доля женщин среди преступников, за исключением последних года или двух (вероятно, из-за изменений в полицейских правилах), чрезвычайно велика, особенно в отношении более тяжких преступлений. Действительно, на в целом наблюдается постоянный рост доли женщин-преступниц в Англии; в 1834 году их было менее 1 к 5, а в последние годы - более 1 к 4. Большая склонность к рецидивам у женщин отмечается повсеместно, и чрезвычайно хорошо заметна в Англии, где она быстро растет и связана, по-видимому, с растущей привычкой к алкоголизму. Среди неисправимых рецидивистов в Великобритании очень велика доля женщин; 40 процентов женщин, заключенных в тюрьму в 1888 году, ранее совершали преступления более десяти раз.^[82]

Даже среди несовершеннолетних преступников, освобожденных из исправительных и промышленных школ как неисправимые, доля девочек вдвое больше, чем мальчиков.

Хотя мужчины-преступники везде составляют более или менее заметное большинство, есть некоторые преступления, которые оба пола совершают примерно в равной степени, и обычно это самые серьезные преступления. Так, по замечанию Кетеле, среди отравителей почти столько же женщин, сколько и мужчин, а среди отцеубийц 50 процентов составляют женщины. Преступления женщин в основном носят бытовой характер, они направлены против отцов, мужей и детей. Очень большая часть из них, прямо или косвенно, носит сексуальный характер. В этой связи любопытно отметить, что Марро находит заметное физическое сходство между женщинами-преступницами в целом и классом мужчин-преступников, виновных в сексуальных преступлениях; это меньшая длина рук и кистей, меньший объем черепа и большее удлинение поперечного изгиба головы.

Стоит вкратце перечислить возможные причины половых различий в преступности. Возможно, существует пять особых причин, действующих на женщин: (1) физическая слабость, (2) половой отбор, (3) домашнее уединение, (4) проституция, (5) материнство.

Во-первых, это физические и психические традиции расы, воплощенные в организации мужчин и женщин. Крайняя, но довольно спазматическая энергия мужчин способствует вспышкам насилия, в то время как деятельность женщин находится на более низком, но более ровном уровне, и их занятия, как правило, развивают консервативные, а не разрушительные инстинкты. Кроме того, даже если бы женщины были обучены насилию, превосходящая сила мужчин все равно сделала бы преступления с применением насилия в отношении женщин очень опасными и рискованными. В существующих обстоятельствах, когда женщина хочет совершить преступление, она обычно может найти мужчину, который сделает это за нее.

Мне уже не раз доводилось отмечать приближение преступных женщин по физическим характеристикам к обычным мужчинам. Это всегда более или менее тщательно фиксировалось как в народных пословицах, так и в протоколах уголовных процессов. Так, Сара Чешем, печально известная оптовая отравительница, убившая нескольких детей, включая собственных, а также своего мужа, была описана как "женщина мужских пропорций"; а девушка по имени Бухурс, которая была казнена в Париже в возрасте двадцати двух лет за убийство и ограбление нескольких мужчин, которые были ее любовниками, описывается как приятной наружности, с милыми и женственными манерами, но с замечательной мускульной силой; она одевалась как мужчина; ее главным удовольствием была борьба с мужчинами, а ее любимым оружием был молот.

Марро недавно предположил, что половой отбор оказал заметное влияние на снижение преступности женщин. Мужеподобные, бесполое, уродливые, ненормальные женщины - то есть женщины, в которых наиболее сильно выражены признаки дегенерации, а значит, и склонность к преступности, - в значительной степени были бы пропущены при выборе пары и, как правило, уничтожались бы. Представляется вероятным, что такой отбор, во всяком случае, в некоторой степени, существовал и оказывал влияние; однако это не является общепризнанным.

Домашнее уединение женщин - несомненный фактор, определяющий уровень женской преступности. В прибалтийских губерниях России, где женщины разделяют занятия мужчин, уровень женской преступности очень высок. В Испании, самой отсталой из крупных стран Европы, где образование женщин находится на очень низком уровне, а сами женщины ведут очень домашний образ жизни, уровень женской преступности чрезвычайно низок; то же

самое, в меньшей степени, можно сказать и об Италии. С другой стороны, в Англии, которая занимает лидирующее положение в расширении сферы женского труда, уровень женской преступности уже полвека растет. Возможно, здесь также следует упомянуть тот факт, что среди ирландских женщин в Англии преступность гораздо выше, чем среди ирландских женщин дома, которые ведут более домашний образ жизни. Очень важно, что Марро обнаружил среди своих женщин-преступниц, в отличие от мужчин, очень большую долю (35 из 41) тех, кто занимался каким-либо более или менее почетным ремеслом; значительная часть женщин также имела какую-либо собственность. Не лишним будет заметить, что растущая преступность женщин - это лишь неизбежная случайность благотворного перехода. Преступность, мы должны помнить, является естественным элементом жизни, регулируемым естественными законами, и по мере того, как женщины будут соприкасаться с жизнью в более разнообразных точках и испытывать больше ее стрессов, они, естественно, будут развивать ту же тенденцию к преступности, которая существует среди мужчин, так же как они развивают те же болезни, такие как общий паралич. Наши усилия должны быть направлены не на тщетные попытки подавить энергию женщин, а на более масштабную задачу - улучшить условия жизни и тем самым уменьшить склонность к преступности среди обоих полов.

Проституция оказывает несомненное влияние на уменьшение преступности женщин, несмотря на то, что проститутка, как правило, живет на границе преступности. Однако если бы не проституция, то у большого количества женщин, которые постоянно выпадают из социального ряда, не было бы другой альтернативы, кроме преступности. Так и происходит, в тех семьях, где братья становятся преступниками, сестры со значительной регулярностью присоединяются к менее отверженному классу проституток; иногда в союзе со своими преступными братьями, но все же имея более признанные средства к существованию. Об этом мы еще поговорим чуть позже.

Самым сильным барьером против преступности среди женщин является материнство. Доля преступников среди молодых женщин с детьми очень мала. Среди мужчин-преступников безбрачные составляют очень большое большинство, но среди женщин материнство действует как еще больший сдерживающий фактор. Молодые замужние женщины не только сравнительно свободны от преступлений, но и среди замужних женщин, как отмечал Бертильон, те, у кого есть дети, явно менее преступны, чем те, у кого детей нет. Из 41 преступницы Марро, хотя все, кроме одной (неразвитой и некрасивой), признались в сексуальных связях, 12 никогда не были замужем, 10 были вдовами, 14 были замужем, но из них 7 (50 процентов) разошлись с мужьями. Несомненно, имеет значение и тот факт, что если у мужчин максимум преступности приходится примерно на 25-летний возраст, то у женщин это не так. Это возраст максимального деторождения; возраст максимальной преступности у женщин задерживается почти до 35 лет. Среди 130 женщин, осужденных за преднамеренное убийство и изученных Сальсотто, средний возраст составлял 34 года. Марро обнаружил, что почти по всем категориям преступников средний возраст женщин был намного выше, чем у мужчин. Очевидно, что женщина, не имеющая детей, сильно ущемлена в жизненной гонке; стресс, который ложится на нее, в значительной степени отражен в этих фактах, касающихся преступности.^[83] Об этом можно догадаться заранее. Преступность - это просто слово, обозначающее крайние антисоциальные инстинкты человеческих существ; жизнь, ведущаяся в наибольшей гармонии с социальными целями существования, должна быть наиболее свободна от преступности.

Можно сказать, чтобы подвести итог нашему краткому обсуждению этого большого вопроса о женской преступности, что определенные большие барьеры, частично искусственные,

частично естественные, везде служили для защиты женщин от преступности. Абсолютно доказать этот вывод невозможно, потому что женщин нельзя поставить в те же условия, что и мужчин; женщина, живущая в тех же условиях, что и мужчины, едва ли стоит говорить, что она перестала бы быть женщиной. Но он становится вероятным благодаря приведенным здесь соображениям и статистике. Так, возьмем статистику за один год в стране, где преступность так сильно развита и так тщательно изучается, как в Италии; можно выбрать средний год, 1886. Окажется, что сто осужденных каждого пола могут быть распределены по возрасту следующим образом:-

	Мужчины.		Женщины.	
Младше 14 лет	1.29	процент.	1.41	процентов.
От 14 до 18	6.04	"	6.02	"
"18"21	13.39	"	10.65	"
"21"35	46.91	"	39.38	"
"35"50	23.29	"	30.94	"
"50"70	8.40	"	11.63	"
Выше 70	0.68	"	0.57	"

Таким образом, в возрасте до полового созревания относительная преступность девочек выше, чем у мальчиков, и становится примерно равной в период полового созревания; затем в течение более раннего и главного периода деторождения преступность женщин внезапно падает, сравнявшись с преступностью мужчин примерно к моменту прекращения периода деторождения; после этого преступность женщин становится относительно намного выше, чем у мужчин, снова становясь примерно равной, а в некоторые годы превышая ее, в возрасте 70 лет.

(d) При первом знакомстве с этой темой возникает желание провести четкую линию разграничения между преступлением и пороком, которая необходима в практической жизни. Однако с антропологической точки зрения при ближайшем рассмотрении оказывается, что провести эту четкую границу невозможно.

В ходе исследований Ломброзо с удивлением обнаружил, что при обследовании якобы нормальных людей некоторые индивидуумы проявляли в выраженной форме те антропологические признаки низкого и дегенеративного типа, которые он обычно находил у преступников. При дальнейшем исследовании оказалось, что эти люди обладают порочным характером. Опять же, примечательным фактом является то, что проститутки проявляют физические и психические признаки, обычно ассоциирующиеся с преступностью, в более выраженной степени, чем даже преступные женщины. Если криминальные женщины в целом соответствуют классу случайных преступников, в которых клеймо преступности лишь слабо просматривается, то проститутки гораздо больше соответствуют классу инстинктивных преступников. Таким образом, было показано, что их сенсорная тупость является крайней, и нет необходимости показывать, что их психическая чувствительность также тупа. Несколько ценных серий наблюдений, недавно проведенных над проститутками в Италии и других странах, принесли интересные результаты в этом отношении. Так, например, д-р Прасковья Тарновская обследовала в Петербурге пятьдесят проституток, пробывших в публичном доме не менее двух лет, а также, для сравнения, пятьдесят крестьянок, по возможности одинакового возраста и умственного развития. Она обнаружила, что (1) у проституток наблюдалось укорочение переднего, заднего и поперечного диаметров черепа на полсантиметра; (2) 84 проц. имели различные признаки

физического вырождения - неправильный череп, асимметрию лица, аномалии твердого нёба, зубов, ушей и т.д.; (3) 82% имели родителей, которые были закоренелыми пьяницами; (4) 18% были последними выжившими из большой семьи, в которой было от восьми до тринадцати детей, умерших в раннем возрасте. Проституток можно справедливо сравнить с большим классом бродяг среди мужчин, которые также живут на границе преступности, и у которых также наблюдается большая доля отклонений, чем даже у преступников. Дагдейл в своем ценном и тщательном исследовании американской семьи преступников "Джукс" показывает, что если старшие сыновья в преступной семье продолжают преступную традицию, то младшие сыновья становятся нищими или бродягами, а сестры - проститутками. Из 250 рецидивистов, пять раз осужденных в Париже, почти все начинали с бродяжничества. Мендель обследовал 58 бродяг в рабочем доме в Берлине. Он обнаружил 6 абсолютно сумасшедших; 5 слабоумных; 8 эпилептиков; 14 с серьезными хроническими заболеваниями; у остальных 25 без исключения наблюдалась выраженная умственная слабость. Мы видим здесь органический корень безнадежно праздного, порочного характера класса бродяг. Один филантропический джентльмен в Париже предлагал работу разного рода с оплатой четыре франка в день всем, кто приходил к нему с жалобами на то, что умирает от голода и не может найти работу. 545 из 727 человек даже не явились; некоторые приходили и исчезали после первой половины дня, получив свои два франка; только 18, или 1 из 40, продолжали работать. Недостаточно известно, что эти несчастные существа, которые образуют такое обширное поле для вербовки преступников, уже по факту своего физического устройства отрезаны от основной массы человечества. Они нуждаются в гораздо более разумном обращении, чем то, которое способен обеспечить устаревший рабочий дом.

Мы должны быть осторожны и не путать порок и преступление. В то же время мы должны признать, что оба они проистекают из одного и того же корня. Преступник - это просто человек, который по своей организации прямо противостоит обществу; порочный человек не прямо противостоит обществу, но косвенно. Преступник прямо вредит людям или имуществу общества, к которому он принадлежит; порочный человек (в любом рациональном определении порока) вредит им косвенно. Они оба антисоциальны, потому что оба в большей или меньшей степени не приспособлены к гармоничному социальному действию, оба, в силу органических причин, более или менее ленивы. Преступники и проститутки, как замечает Фере, имеют тот общий характер, что они оба непродуктивны. Это верно и для бродяг, и для порочных и праздных людей в целом, к какому бы классу они ни принадлежали. Все они - члены одной семьи.

(е) В главе I мы видели, что существует довольно четко очерченный класс профессиональных преступников. Они составляют *эли*ту преступных групп; среди них сравнительно небольшая доля аномалий; их преступления - это искусно спланированные заговоры, направленные в первую очередь против собственности и в больших масштабах; они никогда не совершают бесцельных преступлений, а в личной жизни часто обладают достаточно хорошим характером. Они процветают в быстро развивающейся материальной цивилизации, где процветает дикая и беспринципная спекуляция, как в Соединенных Штатах; их собственные планы во многом похожи на спекуляции, с той разницей, что они не просто беспринципны, но и противоречат букве закона; несмотря на способность и смелость, которых они требуют, они являются относительно неквалифицированным видом спекуляции.

Тарде и, возможно, один или два писателя, следовавших за ним, попытались показать, что все преступления носят профессиональный характер и что все физические и психические характеристики преступника можно объяснить влиянием профессии. Всегда бдительная и

умная защита Тарда заставляет обратить внимание на эту позицию, хотя в таком безоговорочном виде она не встретила особого одобрения со стороны научных исследователей. Я убежден, говорит он, что каждый большой социальный класс имеет свои особенности. "Если исследовать сотни или тысячи судей, адвокатов, рабочих, музыкантов, взятых наугад и в разных странах, отмечая их различные характеры, краниометрические, алгометрические, сфигмографические, графологические, фотографические и т. д., как Ломброзо исследовал сотни и тысячи преступников, чрезвычайно вероятно, что мы установим факты не менее удивительные; так, например, нам удалось бы найти *инстинктивных адвокатов, рожденных для защиты инстинктивных преступников*..... Я хотел бы увидеть, как инстинктивный преступник противопоставляется инстинктивному человеку науки, или религиозному человеку, или художнику. Было бы любопытно увидеть его в сравнении с моральным человеком и узнать, является ли последний антиподом преступника как в физическом, так и в моральном плане"[84].

Совсем недавно Тарде вновь изложил свою позицию: "Известно, что при первом же взгляде на женщину опытный наблюдатель безошибочно определяет ее привычки к проституции..... Среди бесчисленных разновидностей человеческой природы, проявляющихся на поверхности расы и исходящих, возможно, из самых ее глубин (ибо вариации темы, как я полагаю, являются истинным *смыслом ее существования*, а не *наоборот*), каждая социальная или антисоциальная профессия осуществляет отбор в своих интересах; Она привлекает организмы, наиболее приспособленные к тому образу жизни, который она ведет, и к той цели, которую она преследует, так что если подвергнуть антропометрическому измерению адвокатов, врачей, священников, торговцев, особенно тех, кто имеет самое решительное призвание к своей профессии, то мы не сможем не обнаружить для каждой категории пропорциональное преобладание определенного числа особенностей, морфологических или физиологических, в других местах в меньшей пропорции. Это неизбежно должно быть так, открыта ли карьера для каждого или закрыта как каста, ибо в последнем случае наследственное накопление приобретенных способностей от использования одних и тех же функций, передаваемых из поколения в поколение, производит аналогичный эффект, даже с большей интенсивностью." [85] Недавние исследования Бертильона в Парижской префектуре полиции показали, что по большим фотографиям руки можно определить работника в большом количестве ремесел. В результате такого приобретения, а также в результате естественного отбора, люди каждого класса вырабатывают особый набор психических и физических особенностей; так, Толстой в "*Смерти Ивана Ильича*" замечательно описал особые повадки и манеры, свойственные профессиональным людям вообще, а в этом общем профессиональном классе есть свои подразделения, так что каждый профессиональный человек инстинктивно узнает своих товарищей. Так же обстоит дело и с преступниками. Например, мистер Дэвитт описывает особый класс "крючкотворов", или профессиональных карманников, "с такой выверенной походкой, постоянным использованием жаргона, скрытым взглядом, почти полным отсутствием такта в обычном поведении, с инстинктивно подозрительной манерой поведения почти во всех своих действиях, что их так же легко отличить от других преступников в тюрьме, как они узнаваемы для своих постоянных преследователей, полиции, когда находятся за пределами мира".

Если мы рассмотрим этот вопрос более тщательно и научно, то несомненно, что предположения Тарда будут оправданы, и что люди разделятся на определенные естественные антропологические группы, в соответствии с их привычными способами чувствовать, думать и действовать, природа каждого человека, в некоторой степени, "подчинена тому, что она обрабатывает, как рука красильщика". В каждом классе будут

разные степени сенсорного восприятия, формы и размера черепа, развития мускулатуры. Такие исследования, несомненно, будут со временем проводиться систематически. В настоящее время из-за чрезвычайной апатии антропологов и, как следствие, общего безразличия к важности исследований, связанных с развитием и разновидностями людей, почти ничего не известно по этому вопросу.

Но как бы ни был важен профессиональный отбор, он не может объяснить всего. И действительно, не было сделано ни одной серьезной попытки обосновать его, ссылаясь на детали криминальной антропологии. М. Тарде - мировой судья; ни один ученый не попытался бы объяснить все факты, которые сейчас накопились благодаря профессиональному отбору и приобретенным привычкам.

Интересно отметить, что Топинард, выдающийся антрополог, который подверг жесткой и небезосновательной критике некоторые части работы Ломброзо,^[86] принимая профессиональную теорию преступности, отнюдь не считает ее достаточной для объяснения всех фактов; помня учение Лелюта и Байярже, под руководством которых он изучал психические заболевания, он призывает на помощь болезненный элемент: - "Преступники составляют особую профессиональную категорию в обществе, подобно литераторам, ученым, художникам, священникам, рабочим классам и т. д., но это сложная категория, в которую входят самые разнообразные элементы: безумные или предрасположенные к безумию, эпилептики и предрасположенные к эпилепсии, алкоголики, микроцефалы, макроцефалы, предрасположенные к какому-либо пороку организации или развития, до или после рождения, проявляющемуся иногда в очень явных анатомических аномалиях, те, кто предрасположен семейными традициями и наклонностями, те, чьи нравственные инстинкты извращены индивидуальным воспитанием и социальной средой, и, наконец, те, кто стал преступником случайно, без подготовки или предрасположенности." Профессиональные характеры помогут нам пройти долгий путь, когда мы будем пытаться объяснить естественные социальные группы. Но в антисоциальных группах появляется другой, более болезненный элемент. И действительно, именно присутствие болезненных элементов придает этим группам антисоциальный характер.

(f) Болезненный элемент в преступности иногда слишком сильно подчеркивается, но было бы глупо пытаться отрицать его важность. Частота появления безумия среди преступников, даже когда влияние тюремного заключения может быть с большой долей уверенности исключено, хорошо подтверждена. В последние годы также часто демонстрируется тесная связь между преступностью, эпилепсией и общим параличом. Я уже несколько раз отмечал, что сходство между преступниками, рассматриваемыми как класс, и невменяемыми, рассматриваемыми таким образом, отнюдь не велико; во многих моментах они сильно контрастируют. Сходство с эпилептиками, с другой стороны, антропологически очень заметно, на что первым подробно указал Ломброзо. Он также заметил, что в тех регионах Италии, где больше всего эпилептиков, больше и преступников. Эпилепсия имеет определенное отношение к безумию; она естественным образом приводит к слабоумию, хотя некоторые из величайших людей мира были эпилептиками; в эпилепсии есть тенденция к развитию жестоких, неестественных и кровожадных инстинктов. Более легкие и скрытые формы эпилепсии также представляют собой очень плодотворное поле для исследования в этом отношении.^[88]

Но корни преступности не только глубже, чем профессионализм, они глубже, чем любая просто приобретенная болезнь. Мне часто доводилось отмечать поразительное сходство между преступниками и идиотами. У них одинаковая склонность к анатомическим аномалиям мышц, артерий, костей и т. д.; у обоих слабая мышечная система; одинаковая

склонность к маленьким и слабым сердцам с дефектами клапанов. Опять же, имеется та же сенсорная тупость, за тем же исключением в случае зрения, которое замечательно хорошее, с редкостью, кажется, цветовой слепоты. Преступность, как и идиотизм, имеет тенденцию передаваться по линии старших сыновей, и в обоих случаях наследственное влияние часто бывает плохим. Асимметрия черепа характерна как для идиотов, так и для преступников; и хотя менингит является распространенной причиной идиотизма, имеющиеся у нас данные показывают, что он также часто встречается у преступников. Туберкулез также часто встречается у тех и других. Эпилепсия, которой в последнее время придается такое большое значение в связи с преступностью, как известно, часто встречается у идиотов, составляя почти 25 процентов[89].

Преступник, однако, ни в коем случае не идиот. Он даже не просто слабоумный человек. Идиоты и слабоумные, какими мы их знаем в приютах, редко обладают какими-либо преступными или опасными инстинктами. Другой термин часто используется для обозначения порочных или преступных инстинктов у человека, который в умственном отношении мало или совсем неполноценен; о нем говорят "морально невиняемый".

Термин "моральное помешательство" был введен почти полвека назад англичанином, доктором Причардом, который в своем *"Трактате о помешательстве"* заявил, что помешательство иногда существует при внешне не нарушенном состоянии интеллектуальных способностей; эта концепция была развита Краффт-Эбингом, Модсли и многими другими. Сам термин неудачен; описываемое состояние ни в коем случае не может быть легко отнесено к разряду сумасшествий, более того, оно часто носит врожденный характер. В настоящее время наблюдается очень общая тенденция отказаться от выражения "моральное безумие" и говорить вместо него о "моральной имбецильности".

Состояние, о котором идет речь, под каким бы именем оно ни называлось, описывается алиенистами как неспособность чувствовать или действовать в соответствии с моральными условиями социальной жизни. Такие люди, как утверждается, морально слепы; психическая сетчатка стала анестетичной. Эгоистические импульсы стали главенствующими; нравственный имбецил равнодушен к несчастьям других, к чужому мнению; с холодной логикой он спокойно идет по своему пути, удовлетворяя свои личные интересы и попирая права других. Если же он сталкивается с законом, то равнодушие сменяется ненавистью, местью, свирепостью, и он убежден в своей правоте. При всей своей ущербности с моральной стороны эти люди вполне способны использовать абстрактные интеллектуальные понятия чести, морали, филантропии; такие слова действительно часто звучат из их уст, и убедить их в необычности их поступков совершенно невозможно. Они абсолютно и врожденно неспособны к социальному воспитанию, систематически враждебны любому морализирующему влиянию. Будучи сами нравственно слепыми, они твердо убеждены, что все остальные находятся в таком же состоянии; они не верят в возможность добродетели и, зачастую обладая значительными интеллектуальными способностями, с большим мастерством поддерживают антисоциальные теории.

"Моральное безумие", вероятно, не обозначает никакого определенного болезненного состояния. Оно используется как удобный термин для описания определенной группы психических симптомов, которые не встречаются в развитом состоянии у нормального человека. Очевидно, что эти симптомы очень похожи на те, которые мы уже описали, характеризующие преступника в его наиболее ярко выраженной форме - инстинктивного преступника. Ломброзо, Марро, Ферри, Бенедикт, Колаянни и многие другие отождествляли морально ненормального человека с инстинктивным преступником. Однако некоторые

отвергали это слияние, например, Бинсвангер и Крейпелин. Однако не приходится сомневаться, что эти две группы в значительной степени совпадают.

Поэтому группа инстинктивных преступников все еще стоит довольно обособленно среди других групп преступников, приближаясь, но не сливаясь с этими различными болезненными и атипичными группами. Очертания смешиваются, но в центре каждая из групп отчетлива. В будущем предстоит упорядочить, а при необходимости и перестроить эти различные группы.

Очень важно уметь видеть, даже так ясно, как мы это делаем сегодня, человеческие классы с заторможенным или извращенным развитием, которые лежат в темном бассейне у подножия нашего социального подъема. Даже наших сегодняшних знаний достаточно, чтобы служить оправданием для определенных социальных действий. Этим мы обязаны трудам целой череды физиологов, алиенистов, антропологов и криминологов за последнее столетие.

До недавнего времени преступник рассматривался как некая алгебраическая формула, по выражению профессора Ферри; наказание было пропорционально не преступнику, а преступлению. Сейчас мы учимся рассматривать преступника как естественное явление, результат действия множества естественных причин. Мы стремимся к научной справедливости. Мы стремимся во всех направлениях выяснить, каково разумное отношение к эксцентричным и ненормальным членам общества, в их интересах и в еще более высоких интересах общества, к которому мы принадлежим.

Искать свет в области биологии и психологии, антропологии и социологии многим казалось нелегкой задачей. Результаты порой столь туманны, а иногда, кажется, даже противоречивы. На практике, говорят, такие соображения ничего не значат. Право должно заботиться только об абсолютной определенности, об абстрактных формулах, о геометрической рутине. Но человеческая природа не вписывается в формулы; когда мужчины и женщины представляют собой геометрические фигуры, абстрактная правовая система будет отвечать всем их потребностям. Если путь лежит через джунгли, что толку от самой лучшей и прямой дороги, которая ведет в сторону? Если критик укажет биологу - возьмем еще одну иллюстрацию из Ферри - на ограничения микроскопа, тот будет вправе ответить: "Но, простите, каким бы несовершенным ни был микроскоп, не лучше ли обойтись без него? Тем более мы не можем позволить себе обойтись без науки о человеческой природе, которой нам удалось достичь, когда имеем дело с преступниками - в суде, в тюрьме или в обществе в целом.

ГЛАВА VI.

ОБРАЩЕНИЕ С ПРЕСТУПНИКОМ.

Если, как теперь едва ли можно сомневаться, каждое действительно преступное деяние исходит от человека, временно или постоянно находящегося в более или менее ненормальном состоянии, понятие "наказание" теряет большую часть своей основы. Мы не можем наказать чудовище за то, что оно действует в соответствии со своей чудовищной

природой. Более того, кто из нас абсолютно нормален, и какой суд имеет право наказывать? Вердикт науки совпадает с вердиктом христианства - "Не суди".

Подобные аргументы не могут не волновать тех мыслителей и исследователей, которые в последнее время не желают говорить о наказании и вместо этого говорят о "социальной реакции против преступности". Старая концепция наказания основывалась на предположении о нормальности преступника; он был нормальным человеком, который решил действовать так, как будто он не был нормальным человеком - виноградная лоза, как бы, решила принести шипы - и дело пенолога было назначить точную сумму возмездия за это экстраординарное преступление, практически не обращая внимания на изменчивый характер преступника; он рассматривался как постоянный фактор. Лорд Верховный судья Колеридж не так давно, "обращаясь, - говорит преподобный Дж. У. Хорсли, - к собранию тех, кто принадлежал к преступному классу, изложил, к их удивлению и удовлетворению, неправомерность сурового наказания за мелкую кражу, даже если ей предшествовало множество краж и приговоров". Очевидно, что наказание было направлено на преступление; не было необходимости рассматривать преступника вообще. Эта концепция, сформулированная теоретиками, восхищавшимися абстрактными понятиями, как было показано, вела прямоком на извилистые пути метафизики и этики; следовательно, она была плодотворна для многих напрасных изысканий. В целом результаты этих исследований не способствовали укреплению доверия к этому понятию, и нам показалось, что лучше - и теоретически обоснованнее, и практически удобнее - отказаться от этой устаревшей концепции наказания. Когда один человек посягает на права другого человека или общества, к которому он принадлежит, неизбежно возникает социальная реакция против того, кто совершил антиобщественный поступок. Общество говорит человеку, нарушившему его социальные чувства: "Вот, мой прекрасный друг, мы не собираемся терпеть такое твое поведение; мы должны положить этому конец", и далее оно действует в соответствии с различной мерой своей мудрости. Это основа всех юридических действий против преступника; в своей грубой форме это закон Линча; в своей высокоразвитой форме он проявляется в тщательном обучении, которое дается преступнику в Эльмире. Такое социальное действие является прочным и постоянным фактом, не зависящим от всех метафизических теорий; и именно его мы рассматриваем, когда подходим к вопросу об обращении с преступником.

В очень ранний период развития каждой варварской расы возникают два института для обращения с преступником - тюрьма и другой, еще более решающий, появляющийся в различных формах, - крест, кол, виселица, топор.

Я не собираюсь уделять больше нескольких слов вопросу о смертной казни, потому что он, похоже, больше не является вопросом большого масштаба или важности. Столетие, даже три четверти века назад это был совсем другой вопрос. В Англии, особенно в Англии, смертная казнь, кажется, пышно расцвела. Один из писателей времен правления Елизаветы утверждает, что во времена Генриха VIII было повешено семьдесят две тысячи воров и бродяг. Это утверждение основано только на слухах, но его достаточно, чтобы показать, что число преступников должно было быть очень большим. Говорят, что около века назад в Англии было предано смерти больше преступников, чем в любой другой части Европы; многие люди, живущие до сих пор, помнят дни массовых повешений и даже казнь двенадцатилетнего ребенка за бунт. Прошло менее полувека с тех пор, как девятилетний ребенок был приговорен к смерти за кражу краски стоимостью два пенса - полпенни, и с тех пор, как людей вешали за кражу овец и почтовых писем.

Можно не сомневаться, что смертная казнь отмирает. В Швейцарии, Англии, Италии, например, эта тенденция прослеживается очень четко. Можно ли радоваться ее полному исчезновению - вопрос, по которому нет полного единодушия среди тех, чье мнение имеет наибольший вес. Впечатляющее количество мнений высказывается в пользу того, чтобы предавать смерти инстинктивных преступников, но не из мести, а в том духе, в котором Гален и Сенека выступали за уничтожение неисправимых нарушителей социальной жизни, рассматривая их как больных членов, которых нужно удалить ради блага всего социального организма. Гарофало, выдающийся неаполитанский юрист, является, пожалуй, главным защитником смертной казни среди тех, кто работает над правовой реформой. Он отмечает, что смертная казнь - единственное наказание, которого действительно боится преступник, и рассказывает о преступниках, совершивших свои преступления под впечатлением от того, что смертная казнь была отменена и что они будут обеспечены пищей и кровом до конца своих дней. С другой стороны, доказано, что шум и общественный интерес, связанные с судебным процессом по делу о пожизненном или смертном заключении, стимулируют болезненное тщеславие преступников. Такое наказание, как сожжение "для примера другим, как это было принято", согласно формулировке статута Генриха VIII, достаточно часто служило примером в ином смысле, чем предполагалось в статуте.

В целом, мы можем быть вполне удовлетворены тем, что смертная казнь - "позорная практика", как ее эпиграмматически называли, "нанимать за гиню убийцу для исполнения приговора, который у судьи не хватило бы смелости привести в исполнение самому" - находится под угрозой исчезновения в цивилизованных странах. Его недостаток в том, что он является безотзывным. Было бы мало шансов на ошибку, если бы он применялся только к рецидивистам; но они относятся к той категории людей, к которым он применяется редко. Несомненно, случались ошибки, когда, по мнению судьи, доказательства вины были абсолютно убедительными. Правда, главная причина такого исчезновения в демократических странах - не выгода преступника и даже не благосостояние общества, а бережное отношение к чувствам широкой общественности. "Наказывать за убийство пожизненным заключением, - как заметил сэр Роберт Роулинсон, - это гораздо более суровая участь, чем внезапная смерть, но она не так отвратительна". Мы должны позаботиться о том, чтобы наши заменители смертной казни были гуманными и рациональными, и чтобы они обеспечивали равную защиту общества. Никогда нельзя обращаться к обществу со словами, которые смелый герцог де Монтозье адресовал Людовику XIV по поводу преступника, который был казнен после совершения двадцати убийств: "Этот человек совершил только одно убийство, первое, и это вы, оставив его в живых, совершили остальные девятнадцать". Но, как хорошо замечает Бенедикт, убийство преступника никогда не бывает удовлетворительным, потому что мы не убиваем его сообщников, плохие социальные условия и дефектные институты; мы оставляем нетронутыми ложные социальные чувства, которые побуждали незамужнюю девушку убить своего ребенка, или жесткую систему брака, которая позволяла мужчине легче убить свою жену, чем бросить ее или допустить, чтобы она бросила его. Кроме того, нужно сказать, что убийцы, которых только и считается оправданным уничтожать смертью, обычно не являются самыми деградирующими преступниками или самыми опасными для общества. В России, где смертная казнь за общеуголовные преступления была отменена более века назад, убийц приговаривают к каторжным работам на несколько лет, после чего их селят в Сибирь. "Восточная Сибирь полна освобожденных убийц, - замечает князь Крапоткин, - и, тем не менее, едва ли найдется другая страна, где можно было бы путешествовать и оставаться в большей безопасности; в то время как непрерывные грабежи и убийства, на которые жалуется теперь Сибирь, происходят именно в Томске и во всей Западной Сибири, куда не ссылают убийц и только мелких преступников". В начале этого столетия нередко можно было

встретить на в доме чиновника кучера - освобожденного убийцу, или кормилицу, которая так матерински заботилась о детях, носящую несовершенно стертые следы клейма"[90] Мистер Дэвитт, имея обширное знакомство с преступниками, говорит: "Действительно закаленный, невозмутимый преступник никогда не совершит убийства..... Самое отвратительное из всех преступлений - убийство, сознательно задуманное и спланированное до совершения, - обычно является порождением страстей мести и ревности или результатом социальных или политических обид; и чаще всего это результат какого-то нарушения более благородных инстинктов человеческой природы, чем следствие ее более низменных порядков или appetitов." [91] Опять же, мисс Карпентер в своей книге *"Жизнь женщин в тюрьме"* пишет: "Некоторых женщин не так легко приручить, как существ из джунглей..... И все же эти женщины не всегда совершают самые ужасные преступления: среди них мало убийц, если вообще есть; в основном они осуждены за кражу за кражей, сопровождаемые насилием". Эти наблюдения полностью согласуются с результатами криминальной антропологии; убийца очень часто принадлежит к классу преступников по страсти, наименее антисоциальному из всех, а в другое время часто является объектом какого-то болезненного импульса, эпилептика или безумца.

Возможно, самым весомым аргументом в пользу вероятного исчезновения смертной казни является гуманизирующее влияние, которое будет оказано на общество в целом. Необоснованные вспышки свирепости, когда, особенно в молодых и эмоциональных демократиях, какое-то болезненное и растерянное существо, стреляющее в политического деятеля, с ликованием спешит на эшафот, или какое-то полубезумное человеческое существо, совершившее изнасилование, возможно, фактически разорванное на части, не являются здоровыми проявлениями общественного духа. Они гораздо менее оправданы, чем поступки, которые их вызывают, по той причине, что они возникают у более нормально сформированных людей. Однако до тех пор, пока смертная казнь остается законной, существует хотя бы видимость оправдания для развития этих жестоких вспышек. Все самое лучшее в цивилизации связано с самоограничением и гуманностью, а также с более разумной проницательностью, которая, допуская более мягкую социальную реакцию, делает свирепость невозможной.

Давайте обратимся к тюрьме. В течение последнего столетия огромное количество забот и энтузиазма, филантропических и административных, было потрачено на разработку и развитие тюрем. Нет необходимости описывать историю этого развития, которое, кажется, сейчас зашло в тупик; это уже было сделано и легко доступно. Однако очень интересно и поучительно принять к сведению взвешенные мнения, высказанные за последние несколько лет с различных точек зрения теми, кто имел возможность наиболее близко изучить современную развитую тюрьму.

Любопытная судьба постигла это древнее учреждение. В своей более примитивной форме она теперь вызывает всеобщее отвращение и ужас. Так, например, русские тюрьмы в Сибири на слуху. Физические и психические пытки, которым они подвергают, оптом и без разбора, мужчин и женщин, политических подозреваемых и самых низких преступников, были описаны снова и снова, изнутри и извне, в течение последних пятидесяти лет, в *"Воспоминаниях о мертвом доме"* Достоевского, Максимова и Крапоткина, и все равно, когда мистер Кеннан повторяет старую историю, волна возмущения проходит по всему цивилизованному миру. В других странах на задворках европейской цивилизации примитивная тюрьма все еще почти не изменилась. Испанские тюрьмы часто грязны и переполнены, а заключенные содержатся в лени. В испанской тюрьме Сеуты в Марокко 3000 заключенных, в основном пожизненно, и они теснятся друг к другу, так что 112 человек спят в

одной комнате.^[92] Туземные тюрьмы Марокко - это обитель угнетения, голода и грязи, где невинных и виновных бросают вместе, без какой-либо работы, и позволяют им медленно умирать. "Ужасы этих мест неопишутся. Зачастую они подземные, сырые и зараженные мором; всегда грязные. В них часто очень тесно, и дюжина или более несчастных могут быть скованы одной цепью за шею, с тяжелыми кандалами на запястьях и лодыжках, не имея возможности отойти друг от друга ни на шаг для какой-либо цели всю ночь, а часто и весь день."^[93] "На самом высоком уровне, - говорит мистер Кук, - я могу сказать, что тюремное население города Марокко равно свободному населению." Во внутренних районах страны, где нет страха перед европейским влиянием, дела, естественно, обстоят гораздо хуже. В Египте тюрьмы грязны и заполнены неопытными заключенными. В Греции заключенные, "если возможно, еще грязнее, чем в Египте, нет работы, нет книг и мало еды". Некоторые из комнат, в которых содержалось десять заключенных, были меньше двенадцати футов в квадрате". Многие тюрьмы Южной Африки находятся в жалком состоянии, а некоторые из них в Соединенных Штатах немногим лучше.

Столетие назад большинство тюрем Англии можно было с полным основанием включить в любое перечисление, подобное тому, которое я только что попытался сделать. "Их бьют железом, - писал Говард об английских каторжниках в 1773 году, - засовывают в тесные, оскорбительные подземелья и там заковывают в цепи, причем некоторые из них не имеют ни соломы, ни других подстилок. Зимой они проводят шестнадцать или семнадцать часов из двадцати четырех в полном бездействии, погрузившись в ядовитые выделения собственного тела. Их рацион в то же время скуден и скуден, они, как правило, лишены огня, и жизненные силы вскоре становятся неспособными противостоять стольким причинам болезни и отчаяния". В Британии, как замечает один из недавних авторов, не было такого внимания к заключенным, как во времена императора Константина, поскольку римляне четвертого века не разрешали заключать мужчин в одну комнату с женщинами. Говард обнаружил девушку, запертую на целый день с двумя солдатами в Брайдвелле в Сент-Олбансе, и во многих тюрьмах не было достаточных условий для разделения полов.

Мы изменили все это. Лучшие тюрьмы Англии, Франции, Соединенных Штатов, Бельгии, Италии и некоторых других стран являются образцами изобретательности, чистоты и рутины. Нельзя сказать, что мы преуспели в препятствовании общению между заключенными, в предотвращении незаконной торговли табаком и т.д., или даже практики противоестественных половых связей; и мы не слишком утруждаем себя исправлением заключенных. Однако даже эти послабления в дисциплине существенно повышают комфорт заключенных; и если мы не исправили заключенного, то, по крайней мере, реформировали тюрьму, что является более легкой задачей и дает более ощутимые результаты". "О современном заключенном хорошо заботятся, - отмечает доктор Говер, медицинский инспектор, в недавнем отчете директоров каторжных тюрем, - он обеспечен всем необходимым, а также некоторыми удобствами, и его существование, мягко говоря, становится очень приятным. Труд, требуемый от него, не является утомительным по своему характеру, и он не подвергается никакому угнетающему наказанию, если только это не происходит за безделье или за серьезные проступки". Но работа не носит изнурительного характера, поэтому не возникает сильного мотива для лени. "Тяжелый труд, - замечает мистер Хорсли, - таков, что ни один заключенный не смог бы зарабатывать на жизнь вне тюрьмы, если бы не работал больше". Неудивительно, что в таких условиях заключенный процветает. "В наших тюрьмах сейчас, - говорит доктор Ричардсон, - смертность ниже и, вероятно, меньше болезней, чем в самых роскошно обустроенных и комфортабельных домах в содружестве". И что, спрашивается, может быть более естественным, когда мы видим, что "эпидемические яды закрыты для наших тюрем; голод закрыт; роскошь закрыта; пьянство

закрыто; воздействие холода и сырости закрыто; острые и наиболее разрушительные виды психического беспокойства закрыты; голодное напряжение в поисках завтрашней кровати и питания закрыто; пагубная связь с преступной жизнью на свободе закрыта!"

И все же мы недовольны! Комфортная, непринужденная рутина современной тюрьмы вызывает у современного вдумчивого исследователя едва ли больше одобрения, чем ужасы первобытной тюрьмы. Глубоко интересно и наводит на размышления мнение, высказанное за последние годы теми, кто наиболее близко знаком с современной тюрьмой. "Почему наши тюрьмы терпят неудачу?" - спрашивает мистер Хорсли, на которого материальный прогресс тюрем произвел такое же впечатление, как и на всех остальных. "Люди спрашивают, и будут спрашивать еще громче: "Почему наши тюрьмы такие неудачные?". Перед лицом феномена рецидивизма, мужчин и женщин с сотнями судимостей нелепо представлять, что они являются таким сдерживающим фактором, каким должны быть". Заключенный, указывает он, лишь временно отстранен от привычки совершать преступления обстоятельствами, не зависящими от него самого: "Он может даже хвастаться своими намерениями, но он должен выйти на свободу, с такой же безопасностью для государства, как если бы всех бешеных собак держали в наморднике в течение двадцати четырех часов, а затем всех снимали, потому что было установлено, что за это время определенная часть перестает быть опасной; или как если бы всех больных оспой выписывали из больницы через столько-то недель после приема, независимо от того, выздоровели они или нет." [94] Другой тюремный капеллан (Rev. К. Голдней), опираясь на свой двенадцатилетний опыт, пишет совсем недавно: "Я безоговорочно утверждаю, что если бы было создано общество по производству преступников, то это общество не смогло бы достичь своих целей лучшим способом, чем , добываясь заключения в тюрьму каждого маленького мальчика и девочки, которые под любым приличным предлогом могут предстать перед судом магистрата". Тюремные чиновники хорошо знают, какое ожесточающее влияние оказывает тюремная жизнь на молодежь, а статистика показывает, насколько маловероятно, что первый срок заключения станет последним в случае с детьми нежного возраста. Они узнают тайну, которую следует ревностно хранить от них, - что короткое тюремное заключение в конце концов не такое уж страшное наказание". Мистер Майкл Дэвитт на собственном опыте познал реалии жизни английских каторжников в Дартмуре, Портсмуте и Портленде, и ценная книга, в которой он обобщил этот опыт, полна мудрых и плодотворных предложений. Указав на то, что филантропические намерения руководителей того или иного департамента не являются гарантией их исполнения надзирателями и помощниками надзирателей, он продолжает [95]: "Уголовное наказание стало настолько развитым, что теперь оно представляет собой огромную карательную машину, лишенную, благодаря централизованному контролю и ответственности, дискриминации, чувства или чувствительности; и его безуспешность в качестве сдерживающего фактора от преступлений и полный провал в реформирующем воздействии на преступный характер объясняются его очевидной основной тенденцией иметь дело с ошибающимися человеческими существами - которые все еще остаются людьми, несмотря на их преступления - таким образом, который механически сводит их к единому уровню дисциплинированных скотов. Едва ли найдется преступление, в котором может быть виновен человек, за исключением убийства, которое не должно, по строгой справедливости, искупаться семилетним наказанием, доведенным до такой точности расчета, что за каждым , подвергающимся ему днем и ночью, ведется самое тщательное наблюдение, вместе с непрекращающимся конфликтом между всеми чувствами заключенного, которые выше простого животного состояния, и вечным принуждением воздерживаться почти от всего, что естественно для человека, и делать то, что до последней степени противно любому разумному существу, чтобы оно согласилось выполнить. И все же несчастные, для которых лондонская сточная канава или работный дом были единственной

школой нравственного воспитания и которые впоследствии были воспитаны в духе преступности другими лицензированными обществом органами морального разложения, получают десять, пятнадцать, а иногда и двадцать лет за кражи и преступления, которые по справедливости должны были бы искупаться двенадцатимесячным сроком такого наказания. Именно эти ужасающе несправедливые наказания порождают многих десперардо Портленда, Чатема и Дартмура, убийц надзирателей, малингеров и частичных маньяков, а также внедряют в сознание осужденных ту свирепую вражду к закону и обществу, которая превращает многих из них в безрассудных социальных дикарей". Князь Крапоткин также имел практическое знакомство с тюрьмами, и его выводы также заслуживают изучения. В своей очень интересной книге *"В русских и французских тюрьмах"*, описав распорядок дня в Maison Centrale в Клерво, одной из самых благоустроенных современных тюрем, он добавляет: - "Такова обычная жизнь тюрьмы, жизнь, которая длится годами без малейших изменений и действует на человека угнетающе своим однообразием и отсутствием впечатлений; жизнь, которую человек может выносить годами, но которую он не может вынести - если у него нет цели за пределами этой жизни - без того, чтобы не быть подавленным и не дойти до состояния машины, которая подчиняется, но не имеет собственной воли; Жизнь, которая приводит к атрофии лучших качеств человека и развитию худших из них, и, если она затягивается, делает его совершенно непригодным для последующей жизни в обществе свободных сородичей." И снова он замечает: "Настоящая причина рецидивизма кроется в извращении, вызванном такими гнездами инфекции, каким является лионская тюрьма. Я полагаю, что запереть сотни мальчиков в таких инфекционных гнездах - это, несомненно, совершить преступление, гораздо худшее, чем то, которое совершили сами осужденные"^[96] Мсье Эмиль Готье, компаньон князя Крапоткина, написавший ряд замечательных статей на эту тему,^[97] называет тюрьму рассадником ядовитых растений. Он указывает на то, что часто отмечалось другими (например, г-ном Дэвиттом), - на огромную разницу между "bon détenu" и "bon sujet". "Рецидивистами всегда легче всего управлять, они наиболее податливы - или наиболее лицемерны - и поэтому любимы чиновниками. Несчастье в том, что этот, согласно формуле, "bon détenu" вскоре становится при таком режиме таким же неспособным противостоять своим товарищам, инстинктивным преступникам или профессиональным злодеям, как и надзирателям, и таким же малоустойчивым к искушениям, вредным стимулам, притяжению незаконной выгоды или заразе дурного примера, как и к дисциплине. Он может только подчиняться - неважно кому!". И в другом месте он говорит: "Нелишне заметить, что нет ни одной из страстей, естественных или выдуманных, в человеке, от пьянства до любви, которая не нашла бы в тюрьме хотя бы подобия удовлетворения..... Нет нужды говорить, что впоследствии заключенный переносит с собой в мир все эти ненормальные пороки в более развитой форме. Тюрьма действительно, как она организована, является канализацией, выбрасывающей в общество непрерывный поток нечистот, микробов физиологической и моральной заразы. Она отравляет, огрубляет, угнетает и развращает. Это мануфактура одновременно фтизиатра, безумца и преступника". Доктор Наполеоне Коладжанни, выдающийся криминальный социолог из Неаполя, на личном опыте подтверждает свидетельства князя Крапоткина и М. Готье. Один писатель, который особенно хорошо осведомлен о нравах и обычаях преступных слоев в Англии, пишет: "Если посмотреть на нашу нынешнюю систему борьбы с ворами, изучить ее со всех сторон, то становится ясно, что ничто не может быть более неуклюжим и неэффективным - за исключением зла. Пусть любой человек с крепким здоровьем представит себя заключенным в четырех стенах, занятым изо дня в день тяжелейшим трудом, без лица, на которое можно посмотреть, кроме лица тирана-надзирателя или хмурого преступника, без отдыха или любезного общения любого рода; без ничего, короче говоря, чтобы усмирить мрачные чувства, но со всем, чтобы питать их. Пусть любой человек с крепким здоровьем представит

себе, как он будет терпеть это год за годом - пятую, четвертую или даже половину жизни, - а потом скажет, каким существом он, вероятно, станет. Кроме того, есть расходы на систему, которая не перевоспитывает и не избавляет от вора - в старые времена тюремная лихорадка делала последнее, когда не срабатывал недоуздок, - а просто припрятывает его на некоторое время, чтобы потом выпустить на волю в обществе, еще более волчьим, чем прежде. Пока мы имеем дело с вором, он является нашей самой дорогой национальной роскошью"[98] Суды Парижа и Буржа без колебаний заявили, что главная причина рецидивов кроется в тюрьме и ее режиме[99]. В одном из передовых американских штатов, Огайо, влиятельный комитет, включая губернатора штата, сообщил: "За неполным десятком исключений, каждая тюрьма в Огайо - это моральный притон и школа преступности". Лорд Верховный судья Англии (лорд Колеридж), как сообщается, сказал в 1885 году, что "мало что чаще заставляет судью задуматься о том, как мало пользы он может принести преступнику своим приговором. Эти приговоры часто приносят только вред, хотя он уверен, что по всей стране были предприняты все усилия, чтобы сделать наши тюрьмы настолько полезными, насколько это возможно, в качестве исправительных учреждений. Но, по сути, это было не так".

М. Лалуэ, генеральный инспектор тюрем во Франции, заявил перед комиссией, что "при нашей существующей системе двадцати четырех часов тюремного заключения достаточно при определенных обстоятельствах, чтобы погубить человека". Последовал следующий разговор. М. Тейлхэнд: "Возможно, в утверждении, что двадцатичетырехчасовое заключение может погубить человека, есть некоторое преувеличение". М. Лалуэ: "Я не преувеличиваю. Я говорю то, что видел. Заключенный встречает коррумпированного рецидивиста, они назначают встречу на улице, и этот человек пропадает". М. Тейлхэнд: "Он должен быть человеком с очень слабым характером". М. д'Гавсонвиль: "Именно такие люди поддаются".

Профессор Принс, генеральный инспектор бельгийских тюрем и главный авторитет в Бельгии по этим вопросам, пишет: "Какая польза, если только необходимость не является абсолютной, от заключения в тюрьму главы семьи, чтобы посвятить его в бесчестье, скомпрометировать его в глазах его товарищей по работе, жены и детей? Разве это не обрекает их на заброшенность, несчастье и нищету? Не присоединить ли к несчастью, которое есть действие судьбы, несчастье, которое есть действие закона? Не означает ли это, короче говоря, деградацию и разрушение преступника, тем самым отдавая его на волю отчаяния и рискуя сделать его рецидивистом?"[100]

Гарофало, выдающийся неаполитанский юрист, безусловно, один из самых прозорливых из тех, кто в последние годы изучал обращение с преступниками, пишет: "Предположим, что в какой-нибудь легендарной стране строгий король запретил флирт с замужними дамами, и что наказанием, грозящим виновному, должно быть запрещение покидать в течение нескольких недель определенный клуб, великолепный отель, с садами и террасами, где этот джентльмен нашел бы своих лучших друзей, своих старых товарищей по игре, которые, отнюдь не обвиняя его, были бы рады сделать то же самое. В таком сочувственном окружении, мы можем быть уверены, они отнеслись бы с презрением к абсурдному закону и наказанию, которое он налагал. Кому не смешно думать, что можно притворяться, будто после такого наказания этот человек не начнет жить обычной жизнью и не совершит снова те же преступления, за которые был наказан?"[101]

"Тюремное заключение, - утверждает Рейнах в своей часто цитируемой работе *"Рецидивисты"*, - особенно если оно короткое, возбуждает преступность". "Что касается перевоспитания преступников, - замечает доктор Пол Обри в своем недавнем исследовании *Le Contagion du Meurtre*, - то это миф; тюрьма по-прежнему остается лучшей школой преступности, которой мы располагаем". "Исправительные дома гораздо больше домов

разврата", - сказал один молодой итальянский вор. "В тюрьме организуются ловкие ограбления, - сказал один вор аббату Моро, - заключенные все знают друг друга; оказавшись на свободе, они могут найти друг друга". "Я видел, как молодые люди, попавшие в Grande Roquette, - замечает аббат в другом месте, - виновные, но не испорченные, выходили оттуда, решив совершить преступления, к которым за несколько месяцев до этого они отнеслись бы с ужасом".

Я полагаю, что нет необходимости собирать дальнейшие доказательства по этому вопросу; это меланхоличная, но далеко не трудная задача. Должно быть достаточно ясно, что современная тюрьма с ее монотонной рутинной одиночного заключения, сменяемого дурной компанией, не приносит ничего, кроме бедствия для заключенного и общества, на которое он обречен. Смягчить ее влияние можно, в основном, благодаря добровольной благотворительности.

Кроме хора проклятий, который в последние годы приветствует современное развитие тюрьмы, есть еще одна группа. К сожалению, это зловещая и ужасная группа исключений. Тюрьма - это инкубатор для тех, кто только начинает совершать преступления, место пыток для тех, кто обладает более тонкими чувствами человечности, то есть именно тот класс людей, которых обычно не следует отправлять в тюрьму; но для закоренелых преступников, закоренелых рецидивистов, именно того класса людей, на которых тюрьма должна оказывать одновременно исправительное и сдерживающее влияние, она является просто желанным и уютным домом. Общеизвестно, что тюрьма предпочтительнее рабочего дома. "Целые классы, - как справедливо замечает мистер Хорсли, - приходят к мысли, что с нескольких точек зрения тюрьма предпочтительнее рабочего дома". "Среди массы наших падших сестер в тюрьме, - замечает одна тюремная матрона (*"Жизнь женщин в тюрьме"*), - есть странные практические философы - женщины, которые взвесили все шансы между рабочим домом и тюрьмой и, будучи вынужденными выбирать между одним и другим, делают выбор в пользу тюрьмы. Чуть меньше свободы, но больше доброты и внимания; лучшая еда и более дружелюбные лица - но только ключ от них повернут, а их спальная комната называется камерой!" "Это болезненный факт, - замечает мистер Ф. У. Робинсон, - что обычная женщина-заключенная считает себя выше женщин в Союзе. "Посмотрите на эти платки, - сказала однажды возмущенная заключенная, когда на службе появился новый фасон платков, - неужели они принимают нас за этих несчастных из рабочего дома, хотела бы я знать!" Автор книги *"Пятилетнее тюремное заключение"* говорит: "Один рабочий на ферме часто говорил мне, что за свои одиннадцать шиллингов в неделю он работал гораздо больше, чем когда-либо за добычей камня или чем-либо еще в тюрьме. Дома он редко, если вообще когда-либо, ел мясо, а его кровать была просто убогой по сравнению с тюремной кушеткой. Здесь же, в тюрьме, сравнительно говоря, он питался роскошно каждый день, и могу заверить читателя, что он считал жизнь роскошной по сравнению с тем, что имел дома". "Нет никаких сомнений, - замечает Белтрани-Скалия, - что жизнь в тюрьме с материальной точки зрения превосходит ту, которую большинство заключенных привыкли вести на свободе". Для закоренелого преступника это все. Совершение преступлений с целью попасть в тюрьму - далеко не редкость, и криминальный сленг разных народов с его дружественными синонимами для тюрьмы очень показателен в этом отношении. Есть популярная сицилийская песня, в которой говорится: "Тому, кто злословит о Викарии (тюрьме Палермо), следует рассечь лицо. Тот, кто говорит, что тюрьма наказывает, как он обманывается, бедный дьявол!"^[102] И еще: "Только здесь ты найдешь своих братьев и друзей, деньги, хорошее настроение и спокойное время; снаружи ты всегда среди своих врагов, и если ты не сможешь работать, то умрешь от голода"^[103] Рейнах упоминает каменщика, который в начале зимы совершил небольшое преступление, чтобы комфортно

провести зиму в теплой тюрьме. Тюрьма Вьенна (Изер), говорят, издавна была излюбленным местом отдыха в зимнее время. Несколько из ста заключенных, изученных Росси, искали в тюрьме зимнее убежище. Один из них, который раньше часто сидел в тюрьме на короткие сроки, сказал: "Теперь мне посчастливилось получить шесть месяцев". Немецкий преступник, только что вышедший из тюрьмы, совершил попытку изнасилования. Его приговорили к восьми годам лишения свободы. Он встал, поблагодарил суд за приговор, сожалея, однако, что он не был вынесен на более длительный срок, и добавив, что совершил преступление только как приятный способ вернуться тюрьму, где в одиночестве он нашел приятное общество и жизнь, свободную от забот. Мандука рассказывает о человеке преклонных лет, который только что отбыл долгий срок каторги и, оказавшись без средств к существованию, без всякой причины убил старого друга своего детства. Бретиньер де Куртэль обнаружил, что 17 из 115 заключенных попали в тюрьму, чтобы восстановить свое здоровье.

Преступник, привыкший к тюремной жизни, не заботится ни о чем другом и ни к чему другому не приспособлен. "Я видел людей, - говорит Лавернь, - которые почти умирали от тоски по дому, потому что должны были вскоре покинуть тюрьму". Жюль Валлес говорил о *"венерианском воздухе"* старого каторжника; Эмиль Готье называет его *"репозным воздухом"*. Тюрьма, добавляет он, - это своего рода нирвана, и он рассказывает о старом каторжнике, который в высокой степени обладал этим *vénérable*, очень похожим на Тьера, который по окончании пятилетнего срока заключения в Клерво написал директору следующее: "Сэр, вы меня знаете. Вы знаете, кто я, чего стою и какие услуги могу вам оказать. Теперь меня собираются снова выбросить в мир, где я не буду знать, что делать. Как только я израсходую свои деньги на веселье, меня тут же арестуют. Могу ли я просить вас проявить чрезвычайную любезность и, как только меня снова приговорят к нескольким годам тюремного заключения, потребовать меня в Клерво? Я сообщу вам о времени и месте, а пока любезно зарезервируйте мое место. Ни вам, ни мне не придется раскаиваться в этом соглашении". Это письмо, скорее жалкое, чем забавное, является логическим результатом нашей тюремной системы в той же мере, что и нашей социальной системы.

Бессистемность, с которой заранее устанавливается срок содержания заключенного, вполне соответствует неудовлетворительному характеру полученных результатов. Хорошо известно, что уголовные суды не имеют права назначать наказание между двумя годами - самым длительным сроком лишения свободы - и пятью годами - самым коротким сроком каторги. Тем не менее, как отмечают директора каторжных тюрем, "теперь, когда каторжные работы всегда проводятся в тюрьмах на родине, не существует принципиального различия между этими двумя видами наказания". На 31 марта 1888 года в английских каторжных тюрьмах находилось 6970 человек. Из них 3034 человека отбывали наказание в течение 5 лет - наименьшего срока, разрешенного законом; в случае одного одиночки требовался точный срок в 6½ лет, а 1387 человек нуждались в 7-летнем тюремном лечении. Только 6 человек совершили проступок, равный 9 годам каторги, но не менее 1022 человек совершили проступок, равный 10 годам каторги, и только один человек в Англии, сумевший только превзойти эту сумму проступка, был заключен на 11 лет. 240 человек были осуждены на 20 лет, но только 3 - на 21 год, а одному человеку было назначено ровно 29 лет. Интересно было бы узнать, какими тонкими и сложными соображениями была достигнута эта точная сумма вины. Если мы обратимся к статистике Соединенных Штатов за тот же период, то обнаружим те же самые особенности, хотя вариации в сроках, назначенных долгосрочным заключенным, распространяются на более широкое поле; они начинаются с 1 года, включают 18 сроков на 50 лет и 82 срока на 99 лет. "Любимым приговором, - замечает мистер Уайнс, - кажется два года; затем пять, затем три, затем один, затем четыре, затем десять.

Повсюду прослеживается тенденция выбирать приговоры, номера которых заканчиваются цифрой пять или шифром"[104]. В Англии десятичная единица измерения находится в главном фаворе у судей, независимо от того, понимают они или нет, что она может означать для человека, который впоследствии рассказывает о своем опыте: "На стене моей камеры висела карточка; на ней было написано мое имя и приговор - 20 лет. Ни жены, чтобы подбодрить, ни детей, чтобы поболтать у меня на коленях; 20 лет! О Боже! Неужели это когда-нибудь закончится? 20 лет, 240 месяцев, 1040 недель; о, это ужасное будущее!" Приговор может быть справедливым или нет, но, хочет он того или нет, судья должен назначить какой-то определенный срок, что и привело к тем результатам, которые мы видим. Когда Пантагрюэль прибыл в Мирелингус, он обнаружил, что судья Бридойе, тщательно рассмотрев все факты дела, привык решать его с помощью игральные кости; и Пантагрюэль полностью признал скромность, благочестие и беспристрастность этого метода. Если бы наши судьи, прежде чем вынести приговор, сначала определяли годы, которые будут присуждены, путем торжественного бросания костей, результат мог бы быть таким же хорошим, как и при принятой сейчас не очень похожей системе. "Нужны ли тюрьмы?" - спрашивает князь Крапоткин, и этот вопрос в разных формах робко повторяется. Необходимы они или нет, но этот институт все еще настолько глубоко укоренился в цивилизованных обществах, что говорить о его отмене просто глупо. Несмотря на его признанную бесполезность, мы довольствуемся тем, что платим очень большие суммы за его содержание, и никакой другой метод лечения не может быть внезапно заменен. В Англии в 1889 году насчитывалось 6405 человек, приговоренных к каторге; в Соединенных Штатах недавно было 31 000 долгосрочных заключенных; в различных видах тюрем в Италии содержится около 70 000 человек, в том числе 5000 пожизненно; в Германии в течение шести лет, по данным профессора Листа, не менее 10 000 000 человек подвергаются тюремному заключению или штрафу. Говорить об упразднении столь процветающего учреждения, безусловно, бесполезно: можем ли мы придать ему реальную социальную пользу?

Ключ к провалу тюрьмы и главный ключ к ее реформе лежит в системе вынесения определенных и заранее установленных приговоров судьями, которые, не зная характера человека, находящегося перед ними, а значит, и влияния приговора на него, и его справедливости, действительно некомпетентны судить. Достаточно уже было сказано о длительных сроках заключения, справедливость которых, очевидно, зависит от случая. Но краткосрочные тюремные заключения столь же ясно показывают неадекватность системы. Газеты постоянно рассказывают о старых преступниках, которые провели в тюрьме более сотни коротких сроков. В недавнем отчете Совета по тюрьмам Ирландии упоминается случай женщины, которая в течение 1888 года тридцать четыре раза попадала в тюрьму Грейнджгорман и ни разу не была приговорена к большему сроку, чем четырнадцать дней. В предыдущие годы эта женщина 146 раз попадала в тюрьму, так что в общей сложности она перенесла 180 тюремных заключений.

Общество, по сути, должно сказать человеку, который нарушает его социальные инстинкты: "Пока ты ведешь себя вопиюще антисоциально, я буду оказывать на тебя давление и сдерживать, в большей или меньшей степени, реализацию твоей свободы. Я протяну вам руку помощи, потому что чем скорее вы начнете действовать социально, тем лучше будет для нас обоих. Я буду рад оставить вас в покое, и чем скорее, тем лучше; но до тех пор, пока я вижу, что вы опасный человек, я не оставляю полностью свою власть над вами."

Это единственное отношение к преступнику, которое одновременно безопасно, разумно и гуманно. Если, держа в руках эту лампу, мы обратимся к нашей тюрьме, то сразу увидим, насколько несовместима с таким отношением система, заранее определяющая точный срок содержания преступника. Многие люди, заключенные в тюрьму на всю жизнь, к своему собственному несчастью, разорению семьи и издержкам государства, могли бы с абсолютной безопасностью для общества быть освобождены сегодня; нет необходимости говорить далее о тысячах, для которых общество, в тюрьме или вне ее, ничего не сделало и которых оно освобождает, прекрасно зная, что они сразу же начнут добычу для себя. Большой недостаток нашей тюремной системы - ее произвольный характер. Это огромная машина, работающая по автоматическому плану. Огромное практическое значение криминальной антропологии заключается в том, что она позволяет нам различать преступников и преступниц и применять к каждому отдельному случаю соответствующее лечение.

Первая необходимая реформа - это полная отмена определенного и заранее установленного приговора. Бессрочное наказание уже не является чем-то новым ни в принципе, ни на практике; все, что необходимо, - это его систематическое распространение. Он был принят несколькими американскими штатами, такими как Массачусетс, Огайо, Пенсильвания и Канзас, и был введен в знаменитом государственном исправительном учреждении Нью-Йорка в Эльмире в соответствии с законом, принятым в 1877 году. Этот закон забрал у судов право определять срок содержания заключенных в тюрьмах до тех пор, пока, по мнению руководства исправительного учреждения, они не будут освобождены условно-досрочно на испытательный срок в шесть месяцев. Срок заключения не должен был превышать максимальный срок, предусмотренный законом за преступление, за которое был осужден заключенный. Через Эльмиру прошло несколько тысяч преступников, и лишь небольшой процент из них оказался рецидивистами. Перед условно-досрочным освобождением заключенному, по возможности, подыскивают подходящее место. Англичанину Фредерику Хиллу принадлежит честь первым предложить эту плодотворную реформу - неопределенное наказание, а его брат, Мэтью Девонпорт Хилл, энергично поддержал этот принцип. В 1880 году Гарофало - судья по всему, независимо от него - выступил за бессрочное тюремное заключение в памфлете под названием *Criterio positiva della penalità*, опубликованном в Неаполе, а в своей великой работе *La Criminologie* он мудро и последовательно отстаивает отмену определенного наказания в виде тюремного заключения. В Германии за это выступал в 1880 году доктор Краепелин, известный авторитет в этих вопросах (*Die Abschaffung des Straffmasses*. Leipzig), а в 1882 году профессор фон Лист из Марбурга поддержал его весомым авторитетом. Эта плодотворная реформа, которая возникла почти одновременно и с очевидной спонтанностью среди англосаксов, латинян и тевтонцев, хотя и появилась так недавно, не нуждается в особой защите. Она настолько разумна, что достаточно ее изложить, чтобы обеспечить ее принятие. Когда его преимущества станут общеизвестными и осознанными, он, несомненно, распространится так же, как уже начал распространяться в Соединенных Штатах.

Хотя неопределенное наказание является абсолютно необходимой реформой, если мы хотим избавить нашу тюремную систему от обвинений, которые сейчас так тяготят ее, это все еще только предварительный шаг.

Одним из первых и наиболее очевидных последствий является необходимость реорганизации - или, скорее, организации - тюремного персонала. Здесь нет необходимости показывать, ибо это достаточно часто демонстрируют те, кто знаком с внутренним устройством тюрьмы, что практически заключенный всегда находится во власти

надзирателя. Филантропический начальник отделения, находящийся на расстоянии, всегда имеет меньшее значение, чем надзиратель, филантропический или иной, находящийся на месте. Какое бы воспитательное и социализирующее влияние ни оказывала тюрьма, оно должно проходить в основном через руки надзирателей, с которыми заключенный вступает в основной контакт. Нет необходимости исследовать характер и поведение среднего надзирателя. Ответственность за него несут те, кто его назначает и доволен им. Достаточно сказать, что современный тюремный надзиратель так же хорошо приспособлен для лечения преступности, как сто лет назад больничная медсестра была приспособлена для лечения болезней. Сейчас все признают огромную важность для заключенного больницы хорошего ухода со стороны квалифицированной медсестры; сам врач первым провозглашает необходимость умелого и разумного ухода. И все же преступника, во всех его многообразных вариациях, с его уловками, инстинктивной неправдой, внезапными импульсами, любопытными нежными чертами, так же трудно понять и управлять им, как и больничным пациентом, и если его не понять и не управлять им, нет никакой надежды на его социализацию. В Италии, Франции, Бельгии и Швейцарии, как я полагаю, существуют институты по подготовке тюремных санитаров, но пока они малоэффективны, так как, очевидно, не связаны с тюрьмой и не основаны на научных данных. Их создание - насущная необходимость; ни один человек не должен назначаться на должность, связанную с уходом за преступниками, если он не прошел подготовку в такой школе. Здесь он познакомится с особенностями различных категорий преступников, научится работать с ними и обучать их, и, что не менее важно, научится оценивать по достоинству трудную и важную профессию, в которую он вступает. Именно это ощущение благородной социальной функции, полной как привилегий, так и обязанностей, подняло сестринское дело до его нынешнего высокого положения и привело в ряды медсестер такое большое количество способных и утонченных женщин.

В то же время воспитание преступника не должно быть полностью в руках сотрудников, большая часть времени которых проходит в тюрьме. В замечании доктора Вэя, опытного врача Эльмирской исправительной колонии, о преимуществе того, что у заключенного есть высококвалифицированные учителя, только что пришедшие из внешнего мира и ежедневно встречающиеся с людьми, есть значительная сила. Барьер, который в большинстве цивилизованных стран был установлен между преступником и внешним миром, должен быть в определенной степени разрушен. Это необходимо в интересах обеих сторон. Преступник не может быть слишком тщательно изолирован от своих коллег-преступников, как и не может иметь слишком много внешнего социализирующего влияния, если мы хотим вернуть его из антисоциального в социальный мир. Говорят, что в некоторых колониях добровольные посещения дали хорошие результаты. Однако необходимо, чтобы это было разумно регламентировано, чтобы исключить фанатичных, неопытных и просто любопытных людей. Мистер Таллак рассказывает несколько забавных историй о том, к чему привели посещения невежественных и глупых людей. Так, один джентльмен, говоря об адском огне, сумел так сильно разозлить заключенного, что тот схватил его и, воскликнув: "Мне и так хватает ада, не приноси мне его еще больше", подверг бы его жестокому наказанию, если бы не появился надзиратель. Очевидно, что чем больше мы ограничиваем общение преступников в тюрьме между собой, тем более необходимым становится дополнять ограниченный штат сотрудников помощью извне, которая, хотя и тщательно отбирается, должна быть в основном добровольной. С другой стороны, если мы хотим узнать преступника досконально, чтобы сразу понять, как с ним обращаться и как от него защищаться, мы должны иметь к нему определенный доступ. "Настало время, - как хорошо сказал доктор Модсли, - когда мы должны использовать наши тюрьмы, как мы используем наши больницы, не для ухода и лечения их заключенных, а для продвижения знаний и улучшения состояния человека"[105].

Тарде, выступая в качестве *судьи-инструктора* с другой точки зрения, настаивает в своей известной работе "*Сравнительное уголовное право*" на необходимости того, чтобы каждый студент-юрист завершал свой курс обязательным шестимесячным посещением *криминалистической клиники* при тюрьме.

Поймав преступника, мы сразу же помещаем его в одиночную камеру. При строгом соблюдении этого плана его преимущество заключается в том, что он изолирован от своих товарищей. Рассматриваемое как рациональный метод лечения, одиночное заключение является любопытным памятником человеческой извращенности. То, что он был создан, показывает абсолютное невежество в отношении преступной природы, существовавшее в то время; то, что он все еще сохраняется, свидетельствует о необходимости широкого распространения знаний об этих вопросах среди населения. Можно научиться ездить на деревянной лошади или плавать на столе, но одиночная камера не дает даже деревянной замены гармонизирующим влияниям честного общества. Полагать, что заключение в камере поможет сделать преступника разумным человеком, так же рационально, как полагать, что оно поможет сделать из него солдата или моряка, врача или священнослужителя. Ошибка здесь та же, что и в случае с преступником - ошибка, заключающаяся в предположении, что во всех отношениях он - среднестатистическое человеческое существо. Одиночное заключение на утонченного и культурного человека может произвести глубокое и неизгладимое впечатление; период одиночества, действительно, для каждого интеллектуального человека имеет огромную ценность, помогая ему познать себя; хотя даже здесь, если оно является обязательным и непрерывным, вряд ли можно обойтись без деморализующего эффекта. Но дело обстоит совсем иначе, когда мы обращаемся к пустому уму, неуравновешенному и животному человеку, которым обычно является преступник. Одиночество не производит в нем, как замечает профессор Принс, ни интеллектуальной активности, ни поиска совести; оно служит лишь для углубления его умственной пустоты и для того, чтобы он предавался противоестественному потворству единственному животному аппетиту, которого он не может быть лишен.^[106] Профессор Принс указывает, как и князь Крапоткин, что камера исключает все бодрящие влияния борьбы; мораль камеры - это покорность, пунктуальность, тишина, вежливость с надзирателями. Нравственная жизнь, замкнутая в таких рамках, не имеет ничего общего с общественной моралью. Бельтрани-Скалия, бывший генеральный инспектор тюрем в Италии, придерживается того же мнения и замечает, что "система камерного содержания смотрит на человека как на брата Ла Траппа".

Доктор Вей из Эльмиры излагает рациональный метод лечения, когда замечает: "Воспитание означает занятие, умственное или физическое. Время осужденного должно быть занято работой в магазине и школьными обязанностями так, чтобы не оставалось свободных минут, когда он мог бы воскресить прошлое, заново прожить в памяти свои преступные дни или строить планы на будущее; но каждый час должен приносить ему свои занятия и занимать его внимание до самого сна"^[107].

Эксперименты по лечению преступников, которые проводятся в Эльмире, вероятно, имеют более широкое значение, чем все те, что проводятся в настоящее время в других местах. Стоит рассмотреть их несколько подробнее. Я остановлюсь на опыте, проведенном в 1886 году и записанном доктором Взем, который им руководил. 5 июня 1886 года доктор Вей отобрал одиннадцать тупиц в возрасте от девятнадцати до двадцати девяти лет. В течение одного-двух лет до этого эти люди не делали никаких успехов. "В их физиогномике прослеживались черты, указывающие на преступные наклонности. Ни один из них не освоил профессию, но все они зарабатывали на жизнь в качестве простых рабочих, бродяг, приживальщиков и бездельников. Один был осужден за нападение первой степени; пятеро -

за кражу со взломом третьей степени; один - за кражу в особо крупных размерах первой степени; трое - за кражу в особо крупных размерах второй степени; один - за изнасилование и один - за попытку изнасилования. Окружение большинства мужчин до вынесения приговора было плохим: многие из них признались, что у них были несдержанные родители, один рассказал о сумасшедшей, а другой - об эпилептической матери". Однако все они хорошо питались, и их функции, за исключением кожных (у пятерых были прыщи, а у одного - ихтиоз), были хорошо выполнены. "Представление об их умственных способностях можно составить по тому факту, что один не умел ни читать, ни писать; один с трудом делал и то и другое; четверо понимали последовательные шаги, необходимые для решения примера на деление, но никогда не могли получить правильный ответ; остальные же с трудом преодолевали трудности элементарной арифметики от счисления до простого деления. Их запас информации был на удивление невелик и, как правило, ограничивался небольшими знаниями о том, что им нравится есть и какую работу они предпочитают выполнять".

Принятое лечение включало специальную диету, купание, массаж, гимнастику и продолжение обычной школьной работы. Ежедневная работа в магазине и т.д. была приостановлена.

Еда была разнообразной каждый день, достаточной по количеству, но не чрезмерной; она взвешивалась для каждого и подавалась за общим столом, а не, как обычно, в камерах, в неограниченном количестве. Опыт Эльмиры показывает, что лучшие результаты достигаются при ограничении количества пищи, чем при ее неограниченном количестве. Доктор Вей решительно выступает за диету, состоящую в основном из молока и хлеба с маслом.

Ванны и массаж составляют очень важную часть лечения. После нескольких попыток процедура свелась к трем ваннам в неделю - т. е. одна ванна и две паровые ванны в одну неделю, а на следующей неделе две ванны и одна паровая. "Ванна заключалась в том, что человека помещали в ванну с водой, нагретой примерно до 100° F., и оставляли там натираться и намыливаться в течение пятнадцати минут или дольше. Из ванны его перекладывали на мраморную плиту, где его обливали горячей и холодной водой и обтирали мочалкой. После этого тело разминалось до сияния кожи, мышцы пощипывались и разминались, выполнялись пассивные движения суставами, а затем тело энергично растиралось грубым полотенцем или турецкой банной рукавицей, и все это делал профессиональный тренер, который был в то время в наличии. Приходилось использовать имеющиеся под рукой средства, и вместо сухого или нагретого воздуха применялась паровая баня, которая заключалась в подаче пара в помещение и поддержании атмосферы в 115° F". После этого, как и прежде, следовал массаж. После бани мужчины обычно спали до обеда.

После ужина их подвергали двухчасовым или более активным физическим упражнениям. Вначале это были строевые упражнения, применяемые для сырых новобранцев, дополненные упражнениями с гантелями. Поначалу это был неуклюжий отряд, медленно понимающий приказ и неторопливый в его исполнении. Прошло несколько недель, прежде чем они смогли маршировать в строю и держать шаг.

7 ноября занятия были прекращены, и бойцов распределили по различным цехам и рабочим местам.

Результаты этого лечения были во всех отношениях замечательными. По мере того как они постепенно продвигались в учебе, отмечалась повышенная умственная активность, а работа ума была менее принудительной и трудоемкой, чем вначале. В ментальной арифметике они добились прогресса и могли со сравнительной легкостью и быстротой складывать три или четыре единичных числа. "Учения и дисциплина, которым они подвергались, улучшили их физическое состояние. Ванны и стимуляция кожной системы привели кожу в высшую степень функциональной активности, преодолевая нарушения целостности кожи, отмеченные вначале. Ежедневные тренировки и упражнения с гантелями закалили и развили мышцы, которые раньше были мягкими и дряблыми, а вся мышечная система приобрела упругость и силу. Строевые упражнения улучшили осанку и придали быстроту действиям, которой раньше не было. Бесцельная шаркающая походка уступила место походке, одухотворенной эластичными мышцами и гибкими суставами. Лица расстались с тусклым и неподвижным выражением, которое было у них вначале, приняв более умное выражение, а взгляд приобрел яркость и четкость, которые раньше бросались в глаза. Вместе с физической культурой и совершенствованием пришло и умственное пробуждение, мозговая активность, никогда прежде не проявлявшаяся в их тюремной жизни. Чисто животный человек с его быкоподобными чертами, казалось, отступал перед интеллектом. Их успехи в школьной работе были не постоянными, а периодически прогрессирующими". Если за шесть месяцев до создания класса мужчины получали менее ^{(10)/11} балла (за поведение, труд и школу) на человека в месяц, то за шесть месяцев после распада класса количество заработанных баллов составило ^{7(7)/16} в месяц на человека. Наблюдалось одновременное и быстрое улучшение морального, физического и интеллектуального состояния - улучшение, которое было характерно для всех, хотя и более выраженное у некоторых, и которое было очень обнадеживающим, учитывая материал, из которого был сформирован класс. Через год несколько человек были освобождены условно-досрочно и демонстрировали способность честно содержать себя, в то время как только двое из них, все еще находившиеся в тюрьме, не справлялись со своими обязанностями[108].

Результаты этого и подобных экспериментов оказались настолько удовлетворительными, что в настоящее время в Эльмире возводится полностью оборудованный гимнастический зал и турецкая баня. "Здесь, - говорит мне доктор Вей, - мы предполагаем лечить тех, кто отстает в развитии как телом, так и умом, и готовить их к работе и учебе в школах письма и ремесел. Благодаря этому плану можно произвести более сильное впечатление на разум, чем если бы мы занялись его развитием в тот момент, когда человек пришел к нам".

В 1888 году, когда законопроект Йейтса стал законом, продуктивное тюремное производство в Эльмире пришлось приостановить. "Менее чем через месяц, - пишет доктор Вей, - после принятия законопроекта все мужчины, которые ранее были заняты в производственных отраслях (отраслях, приносящих доход), стали обучаться военным приемам и тактике". Другими словами, безделье было предотвращено путем превращения тюрьмы в военную школу. Ежедневно мужчины получали от четырех до шести часов занятий, что было достаточно для того, чтобы они не ржавели в камерах. Таким образом, поддерживалось здоровье мужчин, а также предоставлялась возможность расширить сферу школьных занятий, ремесел и письма. Был сформирован корпус барабанщиков, а других обучали инструментальной музыке, в результате чего на сегодняшний день (29 октября 1889 г.) у нас есть корпус барабанщиков и фиф, состоящий примерно из двадцати человек, и оркестр, состоящий из двадцати или более духовых инструментов.[109] Два дня в неделю посвящены военной работе, а остальное время отводится на техническое обучение. Военные учения и дисциплина дали такой хороший эффект в плане оздоровления и улучшения осанки, что я сомневаюсь, что их скоро прекратят. Это был еще один этап применения физической

подготовки". Отчет компетентного суперинтенданта из Эльмиры, мистера З. Р. Броквея, полностью подтверждает эти выводы.

В настоящее время производство в нью-йоркских тюрьмах частично восстановлено. Законопроект Фассета, принятый весной 1889 года, позволил распределить различные отрасли промышленности между различными тюрьмами, при этом одна тюрьма не должна конкурировать с другой, а количество мужчин, занятых в одной отрасли в тюрьме, не должно превышать пяти процентов от общего числа занятых в той же отрасли по всему штату. Однако вопрос о продуктивной тюремной промышленности еще далеко не решен.

Физическое и промышленное образование - это не вся подготовка, которую дают в Эльмире. Третий, не менее важный фактор - это моральное и эстетическое воспитание. В Эльмире нет официального капеллана. "В умах людей, - говорит мистер Броквей, - как было замечено во время заключения, существует необъяснимое, но реальное отвращение к профессиональным, официальным и стереотипным религиозным фразам, в то время как на благородный характер практичного христианина, занятого обычными делами, негласного и безымянного, заключенные реагируют быстро и благосклонно". Хотя здесь нет штатных капелланов, различные священнослужители и другие люди - протестанты, католики, иудеи - часто посещают тюрьму, проводят службы, лекции, занятия и т.д. Класс практической морали, созданный несколько лет назад профессором Коллином, разумно управляется и оказался ценным элементом в работе. Эстетическая культура в основном осуществляется посредством систематического изучения литературы. Результаты в этой области оказались неожиданно обнадеживающими. Поначалу мужчины встретили эту попытку с угрюмой тупостью, как новую задачу, навязанную им. Постепенно это впечатление было побеждено; мужчины стали с жадностью изучать Чосера и Шекспира, Эмерсона и Браунинга. Заявления о приеме в класс английской литературы стали очень многочисленными, и в одно время в библиотеке Реформаториума был такой большой тираж "Платона" Джоуэтта, что пришлось принять специальное постановление о его выдаче. Приятно узнать, что в многих случаях этот вкус пережил заключение, став полезным отдыхом в часы досуга. "В своей работе с классом английской литературы, - пишет преподаватель этой кафедры мистер Дуглас, - я исхожу из того, что серьезное обязательное изучение - позвольте мне подчеркнуть слово *изучение* - умственной и нравственной красоты развивает или создает умственную и нравственную способность оценивать; и, кроме того, умственные и нравственные привычки могут быть сформированы так же точно, как физические, и без какого-либо более сознательного сотрудничества со стороны человека, чем это требуется при физической практике". Уже упоминалось, что в реформатории издается газета "*Резюме*"; в ней публикуются местные и общие новости, а также отрывки из произведений хороших авторов; заключенные вносят в нее свой вклад, а одно время ее умело редактировал один из заключенных. Справедливо говорят, что "*Сводка*" выгодно отличается от средней американской газеты, выходящей за стенами тюрьмы.

Тюрьма, как замечает профессор Коллин, должна быть "моральной больницей". Как сказал давным-давно сэр Томас Мор, цель наказания - "не что иное, как уничтожение пороков и спасение людей". Мистер Броквей и те, кто работает с ним, четко осознали это; обучение, которое они проводят, рационально и научно, и отсюда его успех. За тринадцать лет, прошедших с открытия реформатория до конца 1889 года, в Эльмире было принято около 4000 заключенных, приговоренных к бессрочному заключению. Более 2300 из них были освобождены условно-досрочно, и только 15,2 процента из них, по оценкам, "вероятно, вернулись к преступной практике и контактам".

В настоящее время Эльмира является наиболее перспективным направлением, в котором мы можем найти свет на обращение с преступниками. Ее здоровая и совершенная дисциплина выгодно отличается от распушенности и постыдного пренебрежения к преступникам, которые в целом сосуществуют в Соединенных Штатах. Система не идеальна, и некоторые наблюдатели отзываются о ней неблагоприятно. Несомненно, недостатком является то, что заключенный, независимо от его состояния, должен быть освобожден по истечении максимального срока, установленного законом; однако это неизбежный компромисс. Несмотря на все недостатки, Эльмира вселяет надежду, ведь она показывает нам общество, пробуждающееся к активному осознанию своих обязанностей, так давно забытых, по отношению к тем слабым членам, которые, если ими пренебречь, становятся столь опасными для себя и для других. "Интересное зрелище, - замечает доктор Вей, - когда школа работает, видеть, как группа мужчин, каждый из которых является преступником, собирается вокруг инструктора, внимательно слушая, как он разъясняет какой-то шаг в работе, который не был полностью или четко понят, проходя через различные процессы, один за другим, и объясняя до тех пор, пока самый тупой ум не сможет понять. Не предполагается, что за сравнительно ограниченное время обучения эти люди станут искусными механиками. Скорее, идея состоит в том, чтобы натренировать руку и глаз, научить пользоваться инструментами, пробудить стремление к законному призванию и оценить ценность практического знания ремесла, чтобы, когда придет время, когда они выйдут за двери тюрьмы и снова вступят в контакт с обществом, они не были бы скованы теми же условиями, которые раньше действовали им во вред; но с возросшими ресурсами ума и тела смогут занять более высокое и более уважающее себя место." Пример Эльмиры распространяется в Америке; в Огайо, например, молодые преступники воспитываются на широкой основе ручного обучения, и среди отраслей промышленности преподаются фермерство, выращивание фруктов, плотничество, сапожное дело, живопись, портняжное дело, выпечка, стирка, работа по дому, вокальная и оркестровая музыка, телеграфия и печать. На европейском континенте - особенно, пожалуй, в Германии - эта система начинает привлекать к себе внимание; и хотя было бы чересчур сентиментально заключать, что Эльмира решила вопрос о лечении преступников, не может быть никаких сомнений в ценности ее вклада в решение этой сложной проблемы^[111].

Вряд ли стоит говорить, что в любом эффективном лечении порка не может играть никакой роли. Не было бы необходимости говорить об этом ни слова, если бы совсем недавно английский парламент не оказался настолько прискорбно невежественным в отношении исторической эволюции в этом вопросе, результатов опыта и рациональных принципов, что принял законопроект о телесных наказаниях. Возражения против порки отнюдь не носят сентиментальный характер. Мы видели, что инстинктивный преступник, хотя зачастую и трусливый, отнюдь не отличается особой чувствительностью к боли. Порка вызывает возражения, потому что она неэффективна (как уже давно было показано), а также потому, что она огрубляет и унижает тех, кто ей подвергается, тех, кто ее применяет, и тех, кто попадает в радиус ее воздействия. Эти факты хорошо известны тем, кто имеет более чем поверхностное знакомство с внутренним устройством тюрем, и должны были быть выяснены теми, кто берется принимать законы, прежде чем они проголосовали перед лицом разума и опыта. Пороть человека за любое преступление, каким бы жестоким оно ни было, значит санкционировать его жестокость. Смертная казнь, которая так же жестока, как и порка, сравнительно свободна от огрубляющего влияния порки. Метод порки настолько явно непригоден для гуманизации и социализации человека, что импульс к ее применению может исходить только от пережитков дикости того же рода, что вдохновляет преступника, без его оправдания болезненной или дефектной организацией. В оправдание тех, кто выступает за это, можно сказать только, что у них нет опыта в этом деле. Те, кто был свидетелем этого,

однако, записали свои впечатления. Так, например, сэр Роберт Роулинсон после яркого рассказа о порке, которую он сам видел и слышал, добавляет: "Я постараюсь судить тех членов парламента, которые сейчас выступают за возрождение телесных наказаний, милосердно, считая, что они никогда не видели ее в том виде, в каком я ее слабо попытался описать": деградировавшего человека, привязанного к треугольникам, белую чистую кожу англичанина, выставленную на прохладный утренний воздух, чтобы быть забитой, изрезанной и покрытой шрамами, превратиться в мясистый, измазанный кровью комок живой человеческой плоти. Уберите это видение: оно слишком отвратительно, чтобы его вспоминать". Даже если бы было меньше доказательств неэффективности порки в качестве средства устрашения и ее плохого влияния на *моральный дух* тюрьмы, мы не можем позволить себе пороть ни одного человека. Стоит задуматься над словами Достоевского, который был знаком с различными формами порки и зафиксировал свои убеждения в "*Воспоминаниях о мертвом доме*". Высказав свое мнение о том, что "розги - самое страшное наказание, употребляемое у нас", и рассказав о деморализующем влиянии порки на тех, кто ее применяет, он заключает: "Позвольте мне добавить, что возможность такого права действует заразительно на все общество: такая сила соблазнительна. Общество, которое смотрит на эти вещи равнодушным взглядом, уже заражено до мозга костей. Право, предоставленное человеку наказывать своих товарищей телесно, - одна из язв нашего общества; это самый верный способ уничтожить дух гражданственности". Порка еще не достигла у нас того распространения, которое она имела в России и в Сибири, но ее характер и влияние остались прежними, и предупреждение, по-видимому, все еще необходимо.

С неопределенным сроком наказания всегда должно ассоциироваться условное освобождение - т. е. освобождение по условно-досрочному освобождению, которое может быть отменено в случае плохого поведения. Однако нет необходимости настаивать на этом, поскольку данный принцип уже давно практически признан в Англии и других странах. Он существует в Бельгии, некоторых американских штатах, Венгрии, Саксонии, Швейцарии, Великом герцогстве Баденском и т. д.

Очень желательным дополнением к любой системе борьбы с преступниками является надежная система их регистрации и распознавания. Метод, разработанный Альфонсом Бертильоном, принят во Франции, России, Японии, Испании, Италии, Аргентинской Республике и некоторых частях Германии, и в настоящее время он внедряется в некоторых Соединенных Штатах. По этому методу фиксируются рост, длина и ширина головы, размеры левой ноги, вытянутых рук, туловища в положении сидя, четвертого пальца левой руки, левой руки, длина уха, цвет глаз и любые приметы, а также фотография, профиль и анфас. Метод классификации фотографий в его простейшей форме был в общих чертах описан М. А. Бертильоном несколько лет назад (*Revue Politique et Littéraire*, 28 апреля 1883 г.). Предположим, у нас есть 80 000 фотографий. Сначала они делятся по половому признаку: мужчины - на одной стороне, женщины - на другой. Число последних не достигает 20 000. Оставшиеся 60 000 мужчин делятся на три класса по росту: низкорослые - около 20 000, среднего роста - около 20 000 и высокие - 20 000. Каждое из этих подразделений делится на три серии по длине головы. Эти новые отделы, которых насчитывается девять, содержат более 6000 особей каждый. Затем каждое из этих подразделений делится на три группы в зависимости от длины ног, каждая из которых содержит около 2000 фотографий. Каждая из этих групп снова подразделяется на три, в зависимости от длины вытянутых рук (*grande envergure*). Каждая из этих групп содержит около 600 фотографий, и далее они подразделяются по возрасту, цвету глаз и длине среднего пальца. Таким образом, с помощью четырех новых антропологических признаков (пол, рост, возраст и цвет глаз уже давно отмечены) 80 000 фотографий могут быть легко разделены на группы по 50. Измерения

проводятся за две-три минуты и не требуют особого интеллекта. Если человек по росту находится на границе двух классов, его помещают в оба.

Посадить человека в тюрьму, когда все сказано, - мера, которую следует принимать только с величайшей осторожностью, после изучения его предшественников и четкого представления о целях, которые должны быть достигнуты заключением. Отправлять в тюрьму почти без разбора всю разношерстную армию, проходящую через полицейский суд, - невежественная и опасная политика; надежды на хороший результат мало, а вероятность плохого результата велика. Если срок составляет всего несколько недель, то даже при самых благоприятных условиях нельзя ожидать никаких постоянных положительных результатов; в течение столь короткого периода нельзя начать никакой полезной работы, так что это прямое побуждение к безделью. Когда решение о тюрьме принято, срок заключения должен быть бессрочным, в соответствии с результатами, достигнутыми по мнению компетентных офицеров, специально назначенных для принятия таких решений, а освобождение будет условным.

То, что во многих европейских странах с тревогой ищут и постепенно принимают меры по замене тюрьмы для мелких правонарушителей (*т.е.* случайных преступников), - благотворный признак прогресса. Нельзя не видеть, как много людей неоправданно обречены даже на каторгу. В наших каторжных тюрьмах существует прекрасный план, полностью соответствующий рациональным принципам, по формированию так называемого "звездного" класса осужденных, то есть "специального класса тех, кто не разбирается в преступлениях". Власти "не могут слишком высоко оценить общий тон и поведение" этих людей, их "решительно добрый нрав", "острое желание получить знания в какой-нибудь профессии", чувство "моральной деградации, в которой они оказались" и т.д. Их трудолюбие и свобода от тюремных преступлений настолько заметны, "а специальные отчеты по этому вопросу были настолько единообразны, что больше нет необходимости требовать таких отчетов". Все это очень приятно, но совсем не очевидно, что эти люди вообще должны были быть каторжниками. Существуют другие и более удовлетворительные методы работы с такими людьми.

Здесь невозможно лишь слегка коснуться различных методов борьбы со случайными преступниками. Наиболее близким к тюремному заключению является метод вынесения условного приговора к тюремному заключению, который должен висеть над провинившимся в течение ограниченного периода времени, по истечении которого, если он ведет себя хорошо, приговор отменяется. Таким образом, как отмечает мистер Таллак, тюремное заключение заменяется ответственностью за лишение свободы. Этот план, применяемый к незначительным правонарушениям, был принят в Бельгии в 1888 году и используется в некоторых Соединенных Штатах. В Англии Закон о первых правонарушителях позволяет магистрату принимать признание заключенного в том, что он сам явится на суд, если его вызовут, но этот закон, похоже, применяется не так часто, как хотелось бы. Старая английская система признаний, при которой виновный вносит денежную сумму, является прекрасной гарантией для общества от рецидива и заслуживает распространения на все случаи, к которым она может оказаться пригодной. Этот план был принят в Соединенных Штатах и в Дании. С очень большой долей мелких правонарушителей можно адекватно бороться с помощью штрафа. Он не должен быть слишком незначительным, если преступление часто повторялось, а средства правонарушителя достаточно велики. Также не представляется желательным, чтобы правонарушитель мог по своему усмотрению выбирать между штрафом и тюремным заключением. Понятие возмещения ущерба должно сочетаться со штрафом, когда это возможно: преступник, как предлагает Гарофало, выплачивает

компенсацию пострадавшему лицу, а штраф - обществу. При нашем абстрактном и безличном методе борьбы с преступностью мы слишком склонны забывать о возмещении, которое полагается пострадавшему. Фере предлагает, чтобы государство взяло на себя эту компенсацию; общество, утверждает он, не выполнило свой долг по защите одного из своих членов, и поэтому оно должно возместить ущерб, который оно не смогло предотвратить. Преступность в значительной степени является результатом социальных условий, и ущерб, который она наносит, должен быть социально поддержан обществом, породившим индивида. Однако более практичным первым шагом представляется признание того, что преступник должен быть обязан возместить причиненный им ущерб. Такое возмещение должно осуществляться в очень широких масштабах и с учетом беспокойства или страданий, причиненных пострадавшей стороне. Если преступник не в состоянии заплатить деньги, то, как указывает Принс (и сэр Томас Мор задолго до него), следует предусмотреть возможность предоставления ему стольких-то дней своего труда для отработки наказания и возмещения ущерба. В ряде европейских стран тюремное заключение за безделье, бродяжничество и другие мелкие правонарушения было отменено, а вместо него введена обязательная работа: это разумное изменение.

В самых незначительных случаях все цели социальной защиты должны достигаться формальным "предупреждением". Публичность, с которой это связано, сама по себе, в современных условиях жизни, является достаточным средством защиты.

С особым и очень многочисленным классом привычных пьяниц нужно бороться особыми методами. Метод, если его можно назвать методом, лечения таких случаев путем заключения в тюрьму на несколько дней, вопиюще неэффективен. Это пустая трата общественного времени и денег, а также опасность для самого человека и общества. Со склонными к опьянению людьми можно справедливо обращаться только тогда, когда их признают больными, с которыми нужно обращаться по рациональным принципам и спасать, хотя бы они того или нет, от нанесения вреда обществу и самим себе. Непостижимо, что в такой пьющей стране, как Англия, этому вопросу не уделялось серьезного внимания, а не оставляли его на усмотрение добровольных организаций. Оставить привычный алкоголизм и его результаты на усмотрение добровольных организаций так же разумно, как оставить на усмотрение добровольных организаций уход и контроль за умалишенными. Доводы в пользу контроля и лечения пьяниц, действительно, значительно сильнее, чем доводы в пользу контроля над сумасшедшими.

Подведем краткий итог рассмотренным в этой главе моментам в обращении с преступниками.

Смертная казнь исчезает. Однако нет причин спешить с ее полным исчезновением, поскольку пожизненное заключение в существующих условиях зачастую менее гуманно и не представляет большей ценности для целей социальной защиты.

Тюрьма должна стать гораздо более активным и основательным инструментом социального реформирования, чем она является в настоящее время. Необходимо проявлять большую осмотрительность при выборе человека, которого желательно отправить в тюрьму, но если он выбран, то должен оставаться там до тех пор, пока не появится обоснованное предположение, что он больше не будет опасен для общества. Вместо простого рутинного наблюдения за ним необходимо подвергнуть его разумному и энергичному обращению. Хотя обычно его следует оградить от контактов с сокамерниками, желательно, при наличии соответствующих ограничений, поощрять его общение с отдельными представителями внешнего мира. Условное освобождение должно быть отложено до тех пор, пока он не

окажется в ситуации, которая позволит ему зарабатывать себе на жизнь. План, предусматривающий предварительное определение срока содержания заключенного под стражей, не имеет под собой ничего хорошего и должен быть полностью отменен.

В отношении случайных преступников, которых не нужно или нежелательно сажать в тюрьму, следует применять наказание в виде лишения свободы. Система признания вины и штрафов в пользу общества, наряду с возмещением ущерба пострадавшему человеку, должна быть развита и распространена на все случаи, к которым она может быть применима. Если преступник не в состоянии заплатить денежный штраф, его следует не заключать в тюрьму, а заставлять работать.

Класс закоренелых пьяниц требует особого и принудительного лечения в специальных приютах.

ГЛАВА VII.

ВЫВОДЫ.

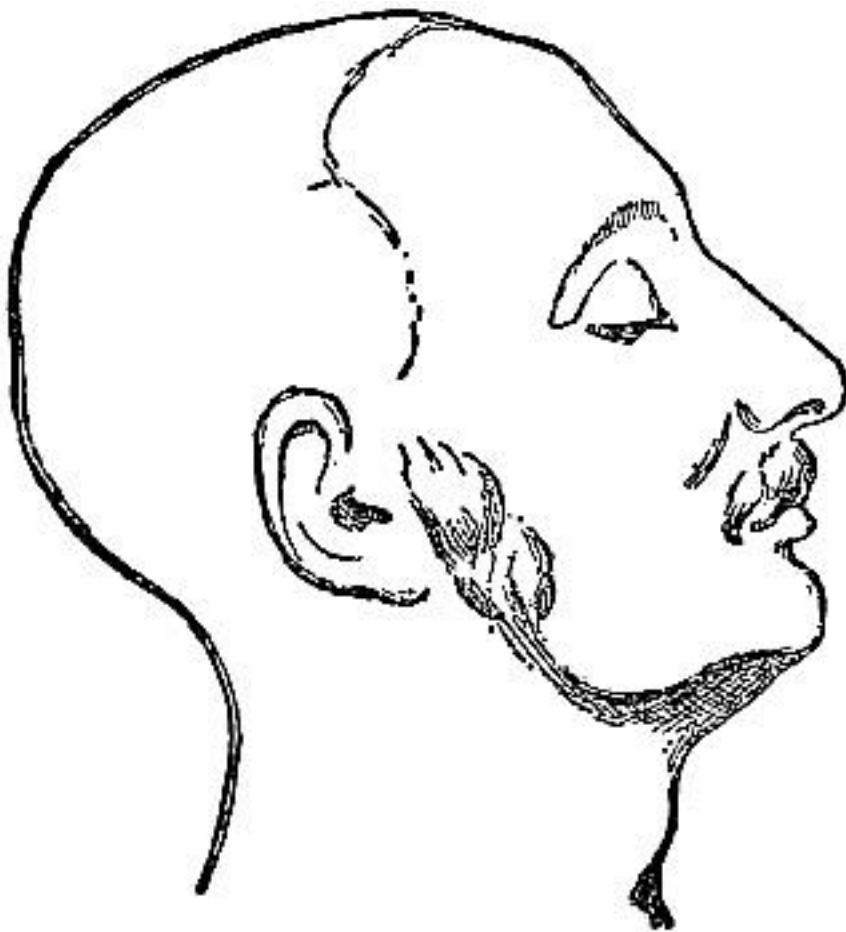
Теперь мы рассмотрели в основных чертах современное состояние вопроса о природе и лечении преступника. Мы увидели, что преступность - это естественное явление, которое должно быть серьезно и тщательно изучено в соответствии с естественными методами; и что только с помощью естественных и разумных методов проблема ее устранения может быть решена с любым шансом на успех.

Казалось бы, простой и очевидный вывод. Однако этот вывод еще не стал общепринятым и только начинает находить свое выражение в нашей общественной жизни. По-прежнему довольно часто преступление рассматривается как абстрактный вопрос, к которому не стоит относиться серьезно, если только не игнорировать самого преступника. С другой стороны, когда преступник становится предметом обсуждения, он выступает лишь как объект для сенсационного возбуждения или нездорового любопытства, как существо, которое можно без меры поносить или превозносить.

Преступник всегда был героем, почти святым, для некультурных людей. То отношение безграничного почтения к сумасшедшему, как к вдохновенному существу, и беспрекословное подчинение его самым диким поступкам, которое сегодня едва ли можно найти в Европе за пределами Турции, ни в коем случае не исчезло там, где речь идет о преступнике, даже в самой цивилизованной стране. То же благоговение или изумление, которое образованные люди испытывают к гениальному человеку, необразованные люди испытывают к преступнику.

Римляне давали имя Геркулеса великим преступникам после смерти и посвящали им отдельный культ. Если мы вернемся к еще более примитивной фазе жизни, сохранившейся в народных преданиях и до сих пор в какой-то степени увековеченной, то обнаружим, что все, что принадлежит казненному преступнику, приносит удачу. Палец или другая маленькая косточка, хранящаяся в кошельке, сохранит его от опустошения. Она также отпугивает паразитов и защищает вора от его жертвы. Закопанная под порогом, она приносит вечное

благословение, а иметь среди товаров палец вора - отличная примета для владельца магазина. Люди пришли за костями маркизы де Бринвилье на следующий день после ее казни; они считали ее своего рода святой, говорит мадам де Севинье. Когда в Бреслау сломали старый Рабенштейн (виселицу), рабочие устроили большую торговлю костями, найденными под ней. Драгоценнее всего кровь преступника; даже несколько капель на тряпке стоят очень дорого. Такая кровь, если ее выпить, исцеляет лихорадку и другие болезни, подобно тому как кровь гладиаторов у древних римлян служила лекарством от эпилепсии. Пить ее нужно свежей, по возможности теплой. Хлеб, обмакнутый в эту кровь и съеденный, помогает от подагры. Узел, на котором повесили преступника, обладает большой силой и приносит удачу. Если трижды ударить им о порог, дом будет защищен от молнии. То же самое, что кладут в пивную бочку вместе с большим пальцем преступника, отлично влияет на пиво. Во Франконии у аптекаря иногда спрашивают жир преступников и выдают так называемое вещество. Когда в Пруссии казни происходили публично, всегда трения между вооруженной охраной и толпой женщин, которые во что бы то ни стало протискивались вперед с ложками, чашками и блюдами, чтобы поймать немного крови. Во время казни убийцы в Ханау в 1861 году несколько мужчин запрыгнули на эшафот и выпили паровую кровь. Во время казни двух убийц в Берлине в 1864 году помощники палача обмакнули в кровь несколько белых носовых платков и получили по два талера за каждый. Присутствующие даже обращаются к преступнику с просьбой о его мощнейшем заступничестве на небесах. По словам Питре, на Сицилии до сих пор существует фетишистское поклонение душам обезглавленных. Преступник - это человек, наделенный божественной силой, к которому следует относиться с благоговением и почтением, а его кровь и плоть обладают чем-то вроде старой сакраментальной силы вливания божественной энергии в тело того, кто ее вкушает[112].

Лакенер.

В менее грубой форме и среди людей, претендующих на несколько более высокую степень культуры, то же почитание существовало и существует до сих пор. Апперт, писавший сразу после казни Лакенера в Париже, пишет: "Его портреты были выставлены на набережных и бульварах. Со всех сторон в его камеру доставляли изысканные блюда и деликатесные вина, то время как в двух шагах от него несчастные, доведенные голодом до преступления, ели черный и черствый хлеб тюрьмы. Каждый день к нему приходил какой-нибудь литератор, тщательно подмечая его сарказмы, его фразы, сочиненные в пьяном виде или тщательно рассчитанные на эффект; женщины, молодые, красивые и элегантно одетые, добивались чести быть представленными ему и приходили в отчаяние от его отказа; знатная графиня, мать семейства, обращалась к нему со стихами и навлекала на себя ответ, при котором, без сомнения, краснела. Сам он насмеялся над тем, что вызывал восхищение. "Ко мне приходят, - говорил он, - как к месье Жоффруа Сент-Илеру за билетом в слоновник". Когда Картуш находился в тюрьме, его посещали многие знатные дамы, и он был ошеломлен их вниманием. Аббат Кроз рассказывает, что Тропманн, жестокий убийца, находясь в тюрьме, получал множество писем от дам, полных беспокойства о его духовном благополучии и спрашивающих о самых мельчайших подробностях, касающихся его. Некоторые из этих писем были воспроизведены в *"Фигаро"*. Я их не видел, но доктор Корре говорит: "Их прочтение вводит в ступор; они свидетельствуют о том, что среди женщин, получивших хорошее воспитание, существует неопределенная одержимость, о природе которой они даже сами не подозревают, и которая, возможно, берет свое начало в неприкрытом чувстве любви, рожденном тайной и неизвестностью". Это древнее поклонение преступнику

сохранилось не только у женщин. В одной из недавних газет я прочитал об одном убийце: "Одним из самых печальных зрелищ, которые мы когда-либо наблюдали, был тюремный фургон, проезжающий по Ватерлоо Плейс в полночь при прекрасном лунном свете, и огромная толпа, бегущая за ним, громко подбадривала бедного несчастного, который находился внутри, и эти подбадривания никогда прекращались, пока фургон не исчез за воротами тюрьмы. Толпа состояла в основном из молодых людей, многие из них были хорошо одеты, а некоторые сопровождались своими возлюбленными. Сцена скорее напоминала конвой студентов любимого певца, чем конвой молодежи даже самого низкого класса в Эдинбурге, сопровождающий жестокого убийцу безобидного английского джентльмена". И, опять же, в другой газете: "В понедельник в Сихеме было много гостей, приехавших на праздник Банка и выставку цветов. Тех, кто посетил пещеру, где, как предполагается, была убита девушка, было в десять раз больше, чем тех, кто отправился на выставку цветов. Почти все они были незнакомы с городом и приехали сюда с явной целью увидеть место трагедии. Многие взяли с собой что-то на память - обломок скалы, гальку или камень из пещеры. Некоторые доходили до того, что брали воду из бассейна, где была найдена покойная, и уносили ее с собой в бутылках".

Хорошо известно, что, когда женщина убивает своего мужа, ей нередко присылают несколько писем с предложениями выйти замуж еще до того, как станет известен исход судебного разбирательства.

Невозможно рассматривать преступника как героя или святого после того, как мы всерьез начали изучать его природу. Он просто слабый или искаженный человек, которому посчастливилось - чаще всего, возможно, из-за отсутствия человеческой помощи - выпасть из социального ряда. Для целой нации так же неразумно и бесчеловечно возбуждаться из-за него и выпытывать мельчайшие подробности о нем, как мы сейчас считаем неразумным выставлять на всеобщее и безжалостное обозрение страдания любого другого ненормального человека - гения или идиота, прокаженного или сумасшедшего. Не то чтобы их нельзя было изучать; их нужно изучать, но не предавать безудержному любопытству, сентиментальности, жестокости. Никакие внешние силы не смогут изменить это отношение; никакая цензура газет не поможет. Только медленное влияние образования и рациональное понимание того, что означает преступность, может привести к постоянным изменениям. Но пока этого не произойдет, один из самых плодородных источников преступности, то, что хорошо известно как "зараза преступности", будет оставаться, как и сегодня, опасностью во всех цивилизованных странах, опасностью, которая требует героических средств. О мельчайших подробностях каждого ужасного преступления сегодня сразу же узнает каждый ребенок в самых отдаленных деревнях. Рассказ о них будит все болезненные инстинкты в слабых и неуравновешенных натурах; и всякий раз, когда большое общество возбуждается по поводу какого-нибудь преступления, это общество становится непосредственным виновником целого урожая преступлений, особенно среди молодежи и детей^[113].

Таким образом, мы должны реформировать наше эмоциональное отношение к преступнику. С другой стороны, нам еще предстоит реформировать наше рациональное отношение к преступности. "Нет преступлений, есть только преступники". Это высказывание Лакассаня указывает направление, в котором должны развиваться практические изменения. "Весь прогресс в уголовной юриспруденции", как хорошо сказал Салиллас, "заключается в том, чтобы обратить внимание на человека". Вопрос о правовых методах, критериях и трибуналах имеет большое значение с этой точки зрения, и именно ему еще не уделялось достаточного внимания. К сожалению, в нашей стране, во всяком случае, наблюдается тенденция к антагонизму или расхождению между, с одной стороны, медицинской и научной стороной и,

с другой стороны, судебной и исполнительной стороной в обращении с преступником. 114] Является ли это расхождение главным образом заслугой юристов или врачей, не совсем ясно, но очень важно, чтобы ему был положен конец. И адвокаты, и врачи существуют ради общества и являются его слугами; общество, в своих интересах, должно позаботиться о том, чтобы они быстро пришли к согласию. Но до тех пор, пока общество позволяет преобладать устаревшим законам и методам, должны существовать разногласия - разногласия, которые губительны для общественных интересов. Прежде всего нам необходимо просвещенное общественное мнение.

Вопрос, который постоянно возникает и постоянно приводит к прямым расхождениям между выразителями науки и выразителями права, - это вопрос о невменяемости. В существующих условиях часто возникает вопрос, является ли преступник невменяемым или нет. Теперь вопрос о том, является ли человек невменяемым или нет, во многом зависит от определения. Даже при самом лучшем определении мы не всегда можем быть уверены, подпадает ли данный человек под это определение, но все же возможно как плохое, так и хорошее определение. Определение, которое вынуждены принимать юристы в Англии, относится к первому. Постановление, на которое до сих пор опираются, было вынесено судьями по делу Макнагтена много лет назад: "Чтобы установить защиту на основании невменяемости, должно быть четко доказано, что в момент совершения деяния обвиняемый находился под воздействием такого дефекта разума, вызванного болезнью ума, что не знал природы и качества совершаемого им деяния, а если и знал, то не понимал, что поступает неправильно". То, что этот метафизический и непрактичный тест не подходит, было ясно признано некоторыми из самых выдающихся юристов, которые вполне согласны с медиками. "Тест на невменяемость, который нравится медикам, - говорит сэр Дж. Кричтон-Браун, - никогда не был выражен более четко и кратко, чем лордом Брэмвеллом, когда в деле Дав он спросил: "Мог ли он помочь?". Может ли он помочь? Это реальный практический вопрос, который возникает в любом деле, где выдвигается защита невменяемости"[115] Следует добавить, что лорду Брамвеллу не всегда удавалось придерживаться этой позиции. "Законом Англии должно быть, - говорит г-н судья Стивен, весьма авторитетный специалист, - что никакое деяние не является преступлением, если лицо, совершившее его, в момент совершения лишено возможности контролировать свое поведение вследствие недостатка умственных способностей или какой-либо болезни, поражающей его разум, если только отсутствие способности контролировать себя не было вызвано его собственным неисполнением". Разумная доктрина, несомненно, и та, которую медики в целом примут; но сразу же возникает вопрос: сколько лиц, виновных в тяжких преступлениях - единственная категория, для которой этот вопрос имеет практическое значение, - можно считать вменяемыми?

Однако мы должны сосредоточить свое внимание на том, что это должно иметь такое большое значение, является ли преступник невменяемым или нет. Наше законодательство все еще находится в таком полуварварском состоянии, что серьезные интересы общества и отдельного человека ставятся в зависимость от проблемы, которая часто должна быть неразрешимой. Практически нет ни малейшей разницы, является ли преступник вменяемым или невменяемым. Вменяемый или невменяемый, он все равно вреден для общества, и общество должно быть защищено от него. Вменяемый он или невменяемый, все равно наш долг и наш интерес - обращаться с ним гуманно и использовать все средства, которые в наших силах, чтобы сделать его способным жить в обществе. При любой системе, одновременно достаточно гуманной и достаточно рациональной, вопрос о невменяемости, хотя и представляет интерес, может иметь мало практического значения как для общества, так и для преступника. Говорить о невменяемости как о "защите" неразумно и

антисоциально. Это объяснение, но, с социальной точки зрения, это не защита. Предположим, мы примем определение безумия, которое, как мы видели, сегодня широко распространено среди медиков и поддерживается многими выдающимися юристами, а именно: безумие - это потеря самоконтроля, поддавание непреодолимому импульсу. Никому не может быть неизвестно, что самоконтроль может быть воспитан, что он может быть ослаблен или усилен обстоятельствами жизни. Если мы определяем безумие как потерю самоконтроля и принимаем это как "защиту", мы прямо поощряем все формы порока и преступлений, потому что мы устраняем самое сильное влияние на формирование самоконтроля. Когда "защита" в виде клептомании была представлена английскому судье в деле о краже, он, как говорят, заметил: "Да, это то, что я послан сюда лечить". Мы без колебаний должны принять эту концепцию функции суда при условии, что лечение будет научным, эффективным и гуманным.

Тот факт, что сегодня это не так и что юристы и врачи бессильны сделать это, является ярким доказательством необходимости того, чтобы общество, в своих собственных интересах и в интересах своих более слабых членов, разумно подошло к этим вопросам и проложило путь для разумных действий. В первой главе этой книги я, не привлекая к этому особого внимания, обратил внимание на любопытные различия в подходе к несколько похожим случаям. С одной девочкой обошлись по-доброму и отправили ее в дом священника: она "выздоровела". Маленькую Мари Шнайдер отправили в тюрьму на восемь лет - годы, в течение которых она будет развиваться как женщина. На что она будет способна, когда выйдет на свободу в возрасте двадцати лет? Она может стать тигрицей или просто раздавленным и беспомощным продуктом тюремной рутины. В любом случае какой разумный принцип руководил обществом, приговорившим ее провести эти восемь лет в тюрьме? Парень, убивший свою младшую сестру, был отправлен на каторгу на десять лет. На что он будет годен, когда выйдет? "В любом случае, - замечает доктор Сэвидж, - мальчик наверняка закончит свои дни либо сумасшедшим, либо закоренелым преступником, и я полагаю, что лучше всего было сделать так, чтобы он стал последним. Таким образом, общество пострадает еще больше, а самому мальчику не будет лучше".

Эти проблемы неизвестны закону, но они начинают будоражить общество. Не так давно девочка двенадцати лет убила четырехлетнего ребенка, как она сама впоследствии призналась, примерно так же, как Мари Шнайдер убила Маргариту Дитрих. Присяжные оправдали ее. Они действовали вопреки доказательствам и закону. Очевидно, что они говорили себе следующее: Закон отправит эту девушку в тюрьму на десять или пятнадцать лет. Мы не верим в то, что это выгодно, и предпочитаем избавить ее от закона. Как сказал судья, это были очень милосердные присяжные. Но цивилизация развивается не за счет уклонений от закона. Нам нужны справедливые и разумные законы, а не милосердные присяжные. Обществу не выгодно, чтобы молодые убийцы разгуливали на свободе, хотя это, возможно, и лучше, чем бросать их в тюрьму, как это принято сейчас. "Милосердные" присяжные, как на юге Италии, становятся истеричными и слишком часто присяжными, совершающими преступления. Мы не можем быть слишком благодарны за мужество и честность, с которыми, как правило, английские присяжные и судьи выполняют свои функции; именно этой приверженности закону многие умные иностранные наблюдатели приписывают тот факт, что преступность в Англии в некоторых отношениях менее серьезна, чем можно было бы ожидать. Однако если мы хотим сохранить такое отношение и избежать опасности лживых и трусливых вердиктов, мы должны позаботиться о том, чтобы наше законодательство шло в ногу с нашими знаниями и методами социального прогресса.

Институт присяжных прочно укоренился в Англии и в целом очень эффективен. Вряд ли в ближайшее время начнется агитация за его отмену, как это было в Италии, Франции и Швейцарии. Но в наших уголовных судах есть одно изменение, которое настоятельно необходимо. Интересам правосудия, а значит, и общества, полностью противоречит то, что научные выводы по делу должны быть поставлены в пристрастную позицию. Эксперты часто расходятся во мнениях, как часто расходятся мнения юристов, но юрист не более компетентен принимать решения о науке эксперта, чем эксперт компетентен принимать решения о праве юриста. Не в интересах правосудия, чтобы один эксперт, представляющий, возможно, только свое собственное мнение, взвешивал против другого, представляющего, возможно, общее научное мнение по этому вопросу. Не в интересах правосудия, чтобы судья, каким бы быстрым и умным он ни был, должен был высказываться по вопросам, в отношении которых он может говорить только как неспециалист и неизбежно впадает в частые ошибки в суждениях. Особые вопросы, требующие специальных знаний или умений, должны передаваться на рассмотрение комиссии экспертов, и вердикты комиссии по этим особым вопросам должны приниматься судом, хотя и с возможностью обжалования в высшем медико-юридическом трибунале. Подобный метод в настоящее время широко востребован разумным мнением в интересах справедливости. На Международном конгрессе по судебной медицине, состоявшемся в Париже в 1889 году, эта тенденция проявилась очень четко и была сформулирована в следующем предложении, которое принял конгресс: "Чтобы гарантировать интересы общества и обвиняемого во всех медико-юридических расследованиях, должно быть задействовано не менее двух экспертов. Они должны назначаться судьей". В интересах правосудия следует надеяться, что давление общественного мнения ускорит принятие этой разумной и умеренной реформы в уголовном судопроизводстве.

Наши суды все еще пронизаны варварским представлением о дуэли. Мы устраиваем блестящий турнир и заинтересованы не столько в выяснении истины, сколько в том, кто "победит". Мы не можем надеяться на немедленное радикальное изменение этого метода, но наш долг - сделать все возможное, чтобы укрепить те элементы в наших судах, которые заинтересованы не в достижении цели, а в выяснении истины. Эта и все другие реформы в наших методах работы с преступниками, как я уже отмечал и вновь настаиваю, не могут быть достигнуты простым административным *распоряжением*; да и нежелательно, чтобы они были таковыми. Прежде чем любая реформа будет надежно воплощена в законе, она должна быть сначала воплощена в народном сознании. Здесь, как и во многих других областях нашей общественной жизни, мы нуждаемся в сильном органе умного и образованного мнения. Это должно сопровождаться возрождением, под влиянием методов естественных наук, той науки юриспруденции, которая в настоящее время является самой неподвижной и схоластической из всех наук.

Эти проблемы с каждым днем становятся все более актуальными. Уровень преступности, как известно, растет, причем растет на протяжении всего нынешнего столетия, во всем цивилизованном мире. Во Франции, в Германии, в Италии, в Бельгии, в Испании, в Соединенных Штатах Америки уровень преступности неуклонно и быстро растет. Во Франции она возросла на несколько сотен процентов; так же обстоит дело с несколькими видами тяжких преступлений во многих частях Германии; в Испании число лиц, отправленных в бессрочную тюрьму, почти удвоилось между 1870 и 1883 годами; в Соединенных Штатах преступное население увеличилось после войны, относительно населения, на одну треть. Несомненно, во многих из этих статистических данных есть место для заблуждений; различные обстоятельства изменяют эти цифры - большая или меньшая нетерпимость к преступности, больший или меньший успех в поимке преступников, а также различия в

методах борьбы с ними. Однако в целом, похоже, все согласны с тем, что рост преступности реален.

Только островная Великобритания кажется относительно незатопленной растущей волной преступности; но даже здесь наблюдается реальный рост, пропорциональный численности населения, более серьезных видов преступлений. Преступления на почве страсти встречаются среди представителей англосаксонской расы в Англии, Шотландии и Америке реже, чем где-либо еще; но преступления на почве интереса встречаются пропорционально чаще, чем где-либо еще. Уменьшение числа мелких преступлений в значительной степени объясняется, несомненно, причинами, связанными с полицией. Аномалия сравнительной свободы Великобритании от преступности объясняется иностранными наблюдателями несколькими способами - прежней частотой повешения и перевозки в Англии, что устраняет большое количество преступников,^[116] а также твердостью, с которой исполняются приговоры. Вполне вероятно, что большой поток эмиграции из Великобритании, уносящий с собой не только лучшие, но и самые буйные элементы (эти два фактора часто связаны), оказал весьма заметное влияние в этом отношении.

Преступность, как и безумие, ждет цивилизации. Среди примитивных рас безумие встречается редко; преступность, в подлинном смысле этого слова, также редка. Консерватизм и жесткий культ обычаев образуют столь же явный барьер против преступности, как и против прогрессивной цивилизации. По мере того как расширяются и умножаются способы использования нашей жизни, растут и злоупотребления этими способами. В эпоху стресса, больших перемен и перенастроек в социальном окружении и отношениях людей, неуравновешенные натуры становятся более частыми, а антисоциальные и противозаконные инстинкты чаще дают о себе знать, чем в застойном обществе. Преступность ирландцев в Англии намного выше, чем преступность ирландцев на родине, и очень важно, что, хотя американцы более преступны, чем англичане, преступность уроженцев Англии в Соединенных Штатах более чем вдвое превышает преступность коренных американских белых. Как и безумие,^[117] преступность процветает среди мигрантов, и наша цивилизация в большей или меньшей степени ставит всех нас в положение мигрантов.

Но проблема преступности от этого не становится безнадежной. Напротив, выясняется, что она в значительной степени является социальным фактом, а социальные факты - это как раз тот порядок фактов, который в наибольшей степени поддается нашему контролю. Проблема преступности - это не изолированная проблема, которую можно решить, сосредоточив наше внимание на ней и только на ней. Это проблема, которая при ближайшем рассмотрении оказывается в значительной степени вписанной во все те проблемы нашей социальной жизни, которые сейчас требуют решения, и, решая их, мы в значительной степени решим и ее. Растущий поток преступности - это не аргумент для пессимизма или отчаяния. Это всего лишь дополнительный стимул к той великой задаче социальной организации, к которой мы призваны в грядущем столетии.

Бесполезно, или даже хуже, чем бесполезно, заниматься методами улучшения обращения с преступниками до тех пор, пока условия жизни делают тюрьму желанным и желанным убежищем. До тех пор пока мы способствуем росту безрассудных классов, мы способствуем росту преступности. До тех пор, пока на востоке Лондона и в других крупных центрах существует большое количество женщин, готовых сказать: "Со мной Джек Потрошитель или мост. Каковы шансы?"^[118], будет существовать еще большее число людей, которые с готовностью примут риск тюрьмы. "Каковы шансы?" Свобода дорога каждому человеку, который сыт, одет и обеспечен жильем, и обычно он не вступает в преступную карьеру, если

тщательно не просчитал риски потери свободы и не нашел их незначительными; но еда и кров еще более ценны, чем свобода, и их можно обеспечить в тюрьме. В нынешних условиях приют и работный дом, против которых существует глубокое предубеждение, укоренившееся и иррациональное, оказали бы большее сдерживающее влияние, чем тюрьма. Каждое утро в Париже 50 000 человек не знают, как они будут есть и где будут спать.^[119] То же самое происходит в каждом большом городе; для таких людей тюрьма может быть не чем иным, как домом. Хорошо известно, что участь каторжника, как бы ни была она жалка, с ее скучной рутиной и вечным надзором, все же легче, менее трудоемка и гораздо полезнее для здоровья, чем та, к которой приговорены тысячи честных рабочих людей по всей Великобритании. Судьба, уготованная французскому каторжнику, вполне может стать наградой за честность. Его отправляют в Новую Каледонию, чтобы он женился, поселился, возможно, разбогател. "Я не знаю, - заявил бывший депутат, посланный для отчета о состоянии каторжников, - ни одного борющегося крестьянина или мелкого собственника во Франции, который не бы с радостью променял свою участь на участь каторжника первого класса в Новой Каледонии". "Рабочие классы, - как замечает профессор Принс, один из самых способных и вдумчивых исследователей этой темы, - плохо обеспеченные жильем, плохо питающиеся, живут во власти экономических кризисов.^[120] Рабочий всегда на грани бродяжничества; бродяга всегда на грани преступления. Таким образом, все трудящиеся классы оказываются в первой линии, и независимо от того, идет ли речь о болезни или преступлении, именно они первыми поддаются"^[121] Преступность была бы гораздо более распространенной, чем она есть, если бы не коммунистическая практика взаимопомощи, которая так широко распространена среди беднейших классов и смягчает стресс от несчастья. Все более вдумчивые исследователи преступности, среди которых Ферри занимает первое место, видели непосредственное влияние на преступность того, что Коладжанни назвал социальной гигиеной. Мы можем пренебрегать проблемами социальной организации, но мы делаем это на свой страх и риск.

Одно время считалось, что великой панацеей для предотвращения преступности является образование. Несомненно, образование имеет важное влияние на преступность, но теперь мы знаем, что простые интеллектуальные зачатки образования имеют очень мало влияния на предотвращение преступлений, хотя они могут иметь явное влияние на модификацию их форм. Такое образование просто дает оружие в руки антисоциальному человеку. Единственное образование, способное предотвратить преступность в сколько-нибудь значительной степени, должно быть образованием в подлинном смысле слова, образованием, которое в равной степени является физическим и моральным, а также интеллектуальным, образованием, позволяющим тому, кто его получил, играть достойную роль в социальной жизни. Доля преступников с некоторым интеллектуальным образованием сейчас становится очень большой; доля преступников, знакомых с каким-либо ремеслом, все еще остается очень маленькой; доля преступников, занимающихся своим ремеслом в момент совершения преступления, еще меньше. Похоже, мы приближаемся к тому моменту, когда станет очевидным, что каждый гражданин должен быть образован для выполнения какой-либо полезной социальной функции. В интересах общества он должен иметь возможность зарабатывать себе на жизнь, выполняя эту функцию. Если мы замкнем против него социальные ряды, он попадет в антисоциальные ряды, и чем более образованным он будет, тем более опасным он станет.

Все образование должно предусматривать выявление и специальное лечение аномальных детей. Мы не можем ловить преступников слишком рано. Таверни обнаружил, что преступники в детстве отличаются особой устойчивостью к воспитательным воздействиям. Наш долг и наша заинтересованность - выявлять таких рефрактерных и ненормальных детей

как можно раньше, тщательно их обследовать и обеспечить каждому из них наиболее подходящее для него лечение. Сделать это гораздо проще и гораздо дешевле, чем ждать, пока он сам себя погубит и опозорит своих друзей. Это начинают признавать и принимать меры в тех странах, которые лучше других понимают значение образования; в Швеции, например, существует тщательный медицинский надзор за школами, осуществляемый медицинскими работниками, не подчиненными учителям, хотя этот надзор ограничивается физическим состоянием и возможностями ребенка. Если мы хотим эффективно бороться с преступником, необходимо иметь возможность обратиться к записям о его физических, умственных и моральных способностях в детстве. Недавно в Англии был назначен комитет, состоящий из самых выдающихся медиков, обладающих особой квалификацией для этой задачи, для изучения состояния детей в начальных школах. Этот комитет, в основном благодаря энтузиазму и труду доктора Фрэнсиса Уорнера, проделал много ценной работы, но Лондонский школьный совет отказался предоставить доступ в свои школы. Можно предположить, что Лондонский школьный совет состоит из интеллигентных людей, искренне заинтересованных в образовании и представляющих мнение общества, но они отказались рассматривать одну из самых серьезных проблем, с которой приходится сталкиваться педагогу. Верно, что каждое общество имеет только тех преступников, которых оно заслуживает.

Хотя разумное изменение воспитательных воздействий имеет здесь огромное значение, мы не должны забывать, что в значительной степени ребенок формируется еще до рождения. Не существует неизменного фатализма во влияниях, которые действуют до рождения, но всегда должно иметь очень большое значение, хорошо ли человек родился и счастливо стартовал, или же он сильно ущемлен в самом начале жизненной гонки; рождается ли он свободным от пороков природы или покупает свободу, если вообще покупает, то большой ценой. Есть свидетельства того, насколько благополучие ребенка зависит от общего физического и эмоционального здоровья родителей, и что судьба ребенка может быть определена некоторой физической слабостью, некоторыми эмоциональными проблемами в момент зачатия или во время беременности. Никакое законодательство не может вмешаться в эту ситуацию, разве что очень косвенно. Однако мы можем пробудить общественное и индивидуальное сознание. Создание детей - это самая высокая из всех человеческих функций, которая влечет за собой самые масштабные и неисчислимы последствия. Следует помнить, что каждое отклонение от здоровья, каждое новое напряжение и стресс у мужчины или женщины могут лечь дополнительным бременем на еще не родившегося мужчину или женщину и, возможно, разрушить жизнь или целую череду жизней.

Здесь не место развивать эти различные последствия, вытекающие из нашего рассмотрения природы и отношения к преступнику. Однако представляется целесообразным указать на них, хотя бы для того, чтобы показать, насколько масштабной является проблема преступности. Возможно, каждая социальная проблема, когда мы начинаем рассматривать ее, разворачивать и анализировать, оказывается не одинокой, а состоящей из волокон, которые тянутся к каждой части нашей социальной жизни.

ПРИЛОЖЕНИЕ А.

Пояснения к табличкам.

ФРОНТИСПИСКА.

Составная фотография двадцати преступников - "тупиц" - в исправительной колонии Эльмиры. Ее можно сравнить с пластинами XIV и XV. За эти фотографии я обязан любезности доктора Гамильтона Вэя.

ПЛАТЬЕ I.

1. С. Э., 32 года. Пожизненное заключение. Третий раз осужден, и, по его словам, "все за одного и того же человека". Он рассказывает, что в Кальяо его порол приятель его корабля, что он прыгнул с приятелем в воду, а после погони на берегу зарезал его. Он говорит о мате как о своем пожизненном враге. Рост 6 футов. 0¼ дюйма без сапог. Очень мощный. Самое решительное злодейское выражение лица, но массивный лоб. Маленький сжатый рот. Попытка самоубийства в Миллбэнк. Потерял левую руку в Уокинге из-за болезни локтевого сустава.

2. Т. В., убийца.

3. Г. У., садовник, 86 лет; семь лет за выпуск фальшивых монет. Три предыдущих коротких приговора.

4. Дж. К., фермер из Ноттингема, 62 года; десять лет заключения; неоднократно совершал мелкие кражи. Четвертый раз осужден.

5. А. Дж., из Пейсли, 50 лет; кража скота; два года был солдатом; "не смог выучить горн или что-нибудь еще". Слабоумный; большую часть жизни провел в тюрьме; три срока каторги; одиннадцать более коротких приговоров.

6. П. Дж., обжигальщик угля и колер, из Херефорда, 36 лет; незаконное и злонамеренное ранение; "низкий тип интеллекта". Доставлял много хлопот в Чатеме и среди слабоумных в Миллбэнке. Один раз приговаривался к тюремному заключению.

ПЛАТА II.

1. Т. К., химик, из Портси, 21 год. Оплатил свои адреса девушке, мать которой возражала; попытался убить последнюю, применив коклюшную кислоту. Восемь лет тюремного заключения. Вальвулярная болезнь сердца после ревматической лихорадки.

2. Г. Х., сельскохозяйственный рабочий из Лидса, 50 лет; "очень низкий тип"; двадцать лет за то, что застрелил жену.

3. Дж. Х., солдат и морской пехотинец, из Дарема, 60 лет; заговор с целью убийства.

4. Дж. К., из Ливерпуля, пятнадцать лет за непредумышленное убийство.

5. Э. Л., доковый рабочий, из Бристоля. Пожизненное заключение за убийство любовника жены; гениталии недоразвиты; жировая опухоль на лопатке.

6. У. Г. Х., из Линкольна, 12 лет. Непредумышленное убийство; пятнадцать лет. Второй и третий пальцы на ногах перепончатые.

ПЛАТА III.

1. Р. У., докер, из Пейсли, 18 лет. Нападение и ограбление; десять лет. Предыдущая судимость за кражу.

2. Э. С. Дж., рабочий с фермы, 38 лет; семь лет за конокрадство и другие кражи; четыре предыдущих судимости.

3. У. У., рабочий-каменщик из Киркдейла, 21 год; семь лет и порка за грабеж с применением насилия. Три предыдущих более коротких приговора.

4. Г. У., пудлер, из Салфорда, 21 год; пять лет за ранение.

5. У. С., повар и буфетчик, из Ливерпуля; десять лет за кражу; пять лет ранее за кражу.

6. У. К., 25 лет. Ограбление с применением насилия; десять лет. Два более коротких приговора.

ПЛАТА IV.

1. Дж. Дж., лоточник, из Халла; семь лет за кражу.

2. Дж. М., 28 лет; восемь лет был портным, "остаток жизни - вор". Семь лет за воровство, взлом дома и получение.

3. В. М., изготовитель жемчужных украшений, из Бирмингема, 20 лет. В основном вор; двенадцать раз сидел в тюрьме.

4. Дж. У., колайер, из Дарема; семь лет за преступление; семь более коротких сроков заключения ранее. Правый глаз разрушен.

5. У. Т., рабочий с фермы, из Херефорда, 21 год; десять лет за получение краденого.

6. Н. К., рабочий из Глостера; семь лет за получение косяка овцы, украденной и разделанной другим; ранее был осужден за кражу обеда товарища по работе. "Низкий тип; история рассказана так, как будто все это шутка".

ПЛАТЬЕ V.

1. Дж. Х., из Честера, 21 год; пять лет за кражу со взломом. Находился в исправительном учреждении и семь раз в тюрьме. "Очень выдающийся лоб; маленькие глаза, почти скрытые верхним веком".

2. Дж. К. Э., 25 лет; семь лет за кражу со взломом. "Низкий тип".

3. С. П., 35 лет; ткач, из Уэйкфилда; десять лет каторги за преступление; пять лет до этого.

4. Дж. П., костромич; семь лет; квартирный и общий вор.

5. Д. М., грек, 16 лет; сортировщик писем; пять лет за кражу посылок. Его отец находился на каторге за кражу облигаций.

6. Х. С., сортировщик писем, 21 год. Пять лет за кражу письма.

ПЛАТА VI.

1. В. С., 17 лет; изнасилование девочки 13 лет; "очень низкий тип".

2. У. У., 45 лет; шахтер и кочегар, из Стаффорда; изнасилование ребенка 10 лет. "Сильное, злодейское выражение лица".

3. Х. О., конюх и жокей, из Лидса, 57 лет. Скотоложство; пятнадцать лет каторги; по его словам, сговор с девушкой-служанкой. Угрожал уничтожить себя. "Глаза очень близко к носу; маленькая голова; низкий тип".

4. У. М., 32 года, из Манчестера; девять лет был солдатом, до и после этого работал на ферме; десять лет за преступление *против природы*.

5. Т. Р., 16 лет; рабочий на ферме, из Вустера; десять лет за изнасилование; "обезьянье лицо".

6. У. Б., 23 года, из Манчестера; рост 5 футов 0½ дюйма; семь лет за поджог; умственно слаб.

ПЛАТА VII.

Соотношение возраста отцов у нормальных людей, преступников и сумасшедших (адаптировано из Марро).

	Нормаль ные.	Преступн ики.	Убийцы.	Сексуаль ные преступн ики.	Воры.	Заточник и.	Безумцы.
	процент.	проценто в.	проценто в.	в процента х.	процент.	процент.	процент.
Период незрелос ти	8.8	10.9	2.9	2.7	15.5	2.8	17.0
"зрелость"	66.1	56.7	44.1	66.6	57.2	60.0	47.0
"декадан с	24.9	32.2	52.9	30.5	27.1	37.1	36.0

ПЛАТА VIII.

Татуированный преступник с картины Ломброзо "*Uomo Delinquente*". Французский моряк, дезертир, ранее осужденный за неизвестное преступление. Различные надписи и рисунки

свидетельствуют о его порочных и преступных вкусах. Например, сердечный футляр - обычное явление для педерастов.

ПЛАТА IX.

Восемь голов на этой и следующей пластинах были выбраны намеренно, почти наугад, чтобы показать средние типы преступников, с которыми приходится иметь дело лондонской полиции Скотланд-Ярда.

1. Ф. К., 61 год. Известный лондонский грабитель; татуирован.
2. К. Д., 31 год. Взломщик домов. "Опасный персонаж". Много шрамов на голове, теле и конечностях.
3. Х. А. Г., 36 лет. "Очень ловкий мошенник", "джентльменская внешность и хорошее обращение". Говорит по-французски и по-немецки.
4. У. А., 42 года. "Отчаянный грабитель и наверняка воспользуется огнестрельным оружием". Кузнец, уроженец Мидлсекса. Несколько шрамов.

ПЛАТА X.

1. Дж. К., 32 года. Сапожник по профессии, уроженец Лондона. "Дерзкий грабитель; вероятно, будет использовать огнестрельное оружие". Татуирован.
2. М. А. Л., 28 лет. Фабричный рабочий, родился в Шеффилде. "Опасный вор", восемь лет отбывал наказание за нападение и грабеж.
3. У. К., 40 лет. "Опасный вор, имеет несколько судимостей".
4. Р. У., 23 года. Родился в Хартлпуле. "Опасный человек". Кража.

ПЛИТА XI.

Головы на этой и следующих пластинах в основном итальянские и взяты из "*Uomo Delinquente*" Ломброзо.

1. Десруэс, отравитель.
2. Картуш.
3. Б. С., пьемонтский фальшивомонетчик.
4. Подстрекательница (и кинезистка) из Пезаро, прозванная "женщиной".

ПЛАТА XII. Итальянские разбойники.

1. Калабрийский разбойник.
2. Карбоне, главарь разбойников.

3. Разбойник из Базиликаты.
4. Венафро ди Касполи, разбойник.

ПЛАТА XIII. Французские преступники (из книги Корре *"Преступники"*).

1. Тропманн, эльзасский механик, 19 лет, убивший семью из восьми человек.
2. Пранцини, вор и убийца трех человек.
3. Ойлик, 27 лет, бретонский моряк, лидер в убийстве офицеров корабля *"Федерис Арка"*. Волосы черные, постоянно смеется, очень энергичный, очень вспыльчивый, "никогда не теряет головы".
4. Карбуччия, 26 лет, корсиканец, принимавший самое активное участие в той же трагедии. Брошен в детстве; очень умный и очень жестокий. Нетерпелив; почерк дрожащий, как у старика.

ПЛАТА XIV.

Составная фотография одиннадцати преступников, проходящих физическую подготовку в Эльмире.

ПЛАТЬЕ XV.

Составная фотография тридцати восьми преступников, проходящих физическую подготовку в Эльмире.

ПРИЛОЖЕНИЕ В.

Конгресс криминальной антропологии в Париже.

Второй Международный конгресс по криминальной антропологии состоялся в августе 1889 года в Париже, в большом амфитеатре медицинского факультета. В течение недели, на которую растянулся конгресс, здесь собралась весьма значительная аудитория. Многие выдающиеся представители науки, права, медицины и административного мира приехали из самых разных стран, а официальные представители присутствовали из Франции, Италии, России, Голландии, Бельгии, США, Дании, Швеции, Румании, Сервии, Бразилии, Мексики, Перу, Парагвая и Гавайских островов. Великобритания, надо заметить, отличалась лишь своим отсутствием. Среди тех, кто принимал участие в работе конгресса, можно упомянуть М. Тевене, министра юстиции, д-ра Бруарделя, декана медицинского факультета Парижа, и президента конгресса, М. Теофиль Руссель, Ломброзо, Ферри, Гарофало, Молешотт, Лакассань, Деманж, Ван Хамель, Семаль, Ладам, Бенедикт, Тарде, Вильсон, Тенчини, Моте,

Манувье, Альфонс Бертильон, Борне, Фере, Кутань, Летурно, мадам Клеманс Ройер, Дриль, Кларк Белл, Маньян, Топинар, Деласьев и генеральный секретарь конгресса доктор Магито.

В своем вступительном слове доктор Бруардель отметил, что великой заслугой итальянской школы является то, что она вновь взялась за изучение вопроса, которым всегда занимались философия, право и медицина. Каждый раз, когда в истории страны философские исследования получали свободное распространение, желание защитить общество, дух терпимости, методы облегчения участи виновных, защиты их от самих себя и изъятия их из среды, которая воспитывает их к преступлению, становились предметом размышлений и изучения великих мыслителей; и их концепции в конце концов завоевывали общественное мнение. Честь итальянской школы - страны, где зародилось римское право, основа всего права, - состоит в том, что она вновь бросила в горнило проблему преступности и приступила к ее анализу единственным подлинно научным методом, изучая психологию преступников и их патологические отклонения. Его заслуга в том, что он выступил против иллюзорного энтузиазма и основал науку, которая будет способствовать более эффективной защите общества".

Первое сообщение поступило от Ломброзо, признанного лидера итальянской школы. Он кратко изложил наиболее важные, по его мнению, аномальные физические характеристики, встречающиеся у преступников: наличие черепной и лицевой асимметрии, ранний синостоз, необычная частота леворукости, большие орбиты, выступание скуловой кости, большая срединная затылочная ямка, частота татуировок и т. д. Все эти особенности, по его мнению, обусловлены патологическими причинами. К дискуссии сразу же приступил М. Манувье. Он начал с заявления о том, что ни в коем случае не является противником итальянской школы. Он согласился с тем, что доказано, что физические аномалии чаще встречаются среди преступников, чем среди обычного населения, но потребовал учесть влияние среды; преступность - это социологический вопрос в гораздо большей степени, чем физиологический. М. Димитри Дриль заявил, что, строго говоря, не существует преступного типа; есть, как показал Морель, органические условия дефекта и дегенерации, но преступность остается прежде всего социальным вопросом. ММ. Пуглизе и Гарофало высказали очень похожие мнения. М. Лакассань указал, что мы слишком часто забываем о факторе несчастья в производстве преступлений; он имел в виду не только социальное, но и физиологическое несчастье, происхождение которого было внутриутробным. Что касается бедности, то М. Гарофало не может разделить взгляды Лакассаня; его исследования показали, что количество преступников, поставляемых средними классами, пропорционально равно количеству преступников, поставляемых низшими классами, в то время как по некоторым видам преступлений высшие классы дают более высокую цифру, чем низшие. Мадам Клеманс Ройер обратила внимание на важность гибризма в генезисе преступности. Она отметила, что рецидивы преступности соответствуют великим эпохам смешения рас. Бенедикт говорил о связи между безумием и преступностью; преступник - это больной человек, утверждал он, или лунатик, и мы должны учитывать молекулярные нарушения мозгового вещества, а также внешние физические признаки. После того как мсье Тарде, выступая в качестве *судьи по делам воспитания*, признал существование как органической предрасположенности к преступлению, так и влияния социальной среды, к дискуссии присоединился мсье Бруардель. По его словам, преступность не должна рассматриваться как результат какой-либо одной изолированной причины, физической, моральной или социальной, а всех этих причин сразу. Диагноз преступника должен быть подчинен тем же правилам, что и диагноз болезни; то есть он состоит из взаимосвязанных и одновременных состояний. Одного признака недостаточно для выявления преступника, так же как один симптом не докажет брюшного тифа". Профессор Ферри подвел итог утренней

дискуссии. Преступность, признал он, - очень сложное явление; это своего рода многогранник, в котором каждый видит свою особенную грань. Все точки зрения, высказанные в тот день, были одновременно верными и неполными. Ломброзо выявил биологическую сторону преступности, но это было еще не все. Дриль, Дектерен и Манувье показали социальную сторону; Пюглизе - юридическую, которая является более специальным аспектом социальной стороны. Тарде, сочувствующий критик криминальной антропологии, не оставил без внимания физиологическую сторону преступности. Мы должны, подобно Молешотту и Бруарделю, действовать синтетически, поскольку преступление - это одновременно биологический и социальный феномен. Он вспомнил высказывание Лакассаня на предыдущем конгрессе о том, что преступник - это микроб, который процветает только в подходящей почве. Несомненно, именно среда делает преступника преступником; но, как и среда для выращивания, без микроба преступление не может прорасти. Как биологический, так и социальный аспекты являются основополагающими в преступности, и они составляют две важнейшие данные криминальной антропологии.

Д-р Семаль, директор приюта для лунатиков в Монсе и официальный делегат бельгийского правительства, председательствовал на заседании во второй половине дня, когда были представлены различные сообщения несколько разнородного характера.

На следующее утро председательствовал профессор Ван Хамель из Амстердама, и М. Манувье вновь поднял вопрос об анатомических криминальных характеристиках и их иллюзорном характере. М. Ломброзо защищался со свойственной ему энергией и духом, указывая на различие между инстинктивным преступником и случайным преступником. Он объяснил, что сам уделил столько внимания биологическому фактору преступности, хотя был, прежде всего, алиенистом, потому что раньше им полностью пренебрегали. Он признал, что его выводы иногда были слишком поспешными, хотя и основывались на наблюдениях за почти 27 000 человек, проведенных им самим и другими, но он всегда был готов отказаться от необоснованной позиции. Атавизм преступников, по его мнению, в значительной степени объясняется болезненными причинами. Дискуссия была продолжена другими членами, и, по мнению М. Гарофало, она была достаточной, чтобы показать, что расхождение в идеях было скорее кажущимся, чем реальным; те, кто издали кажутся противниками, при ближайшем рассмотрении оказываются приверженцами. По его предложению Конгресс постановил, что желательно продолжать в самом широком масштабе сравнительное изучение преступников и нормальных людей, подвергая их тщательному и детальному исследованию, чтобы установить физические различия, которые их разделяют. По предложению М. Лакассаня было принято единогласное решение облегчить доступ в тюрьмы и предоставить тела казненных преступников для научного изучения.

На дневном заседании, проходившем под председательством профессора Ферри, доктор Кутань прочитал доклад на тему "Влияние профессий на преступность". Затем г-н Вильсон выступил с докладом "Статистика преступности в Соединенных Штатах", в котором указал на необходимость создания международной уголовной статистики, позволяющей проводить сравнительное изучение преступности среди различных наций. М. Ласки представил интересное сообщение на тему "Политическая преступность с точки зрения антропологии", в котором он говорил о влиянии расы на политику, а также на гениальность; а М. Джампьеро выступил с докладом "Моральная ответственность глухонемых в связи с законодательством".

В среду утром барон Гарофало прочитал важный доклад о том, можно ли с помощью криминальной антропологии определить, к какому классу преступников относится человек,

если его вина признана. Этот вопрос обсуждался с неизбежно несколько юридической точки зрения, со свойственной Гарофало способностью и ясностью. По его словам, его интересует не признание преступника, а его классификация, и в криминальной антропологии мы должны отдать предпочтение психологии. Он настаивал на необходимости тщательного психического изучения преступника, хотя необходимо учитывать и его физическую природу; иногда для классификации преступника достаточно даже характера преступления. Единообразие наказания - явный абсурд; и он упомянул о прогрессе, уже достигнутом во Франции благодаря признанию серьезности неисправимого рецидива. Старое уголовное право признавало только два термина - *преступление* и *наказание*. Новая криминология признает три термина: *преступление*, *преступник* и *метод репрессии*. Уголовное право, заключил он, не должно рассматриваться как отдельная и изолированная наука; оно должно быть подчинено психологии и антропологии, иначе оно будет бессильно интерпретировать и определить в любом просвещенном законодательстве истинную классификацию преступников. М. Алимена, молодой итальянский юрист, считал, что соображения, выдвинутые Гарофало, представляют собой лишь предположения, а не судебные определенности. После оживленной перепалки между М. Бенедиктом и М. Ломброзо, М. Бруардель, возвращая дискуссию к сути дела, заметил, что проблема, предложенная Гарофало, - классификация преступников - может быть решена только на основе совокупности доказательств. Полное расследование преступника может только просветить правосудие. Само по себе преступление недостаточно для классификации преступника, так же как самый бессмысленный поступок недостаточен для характеристики сумасшедшего. Утреннее заседание было завершено замечаниями М. Гербетта, официального директора *Администрации по делам преступлений*. Он отметил, что администрация внимательно следит за результатами криминальной антропологии, готовая принять все выводы, которые будут доказаны, как уже приняла некоторые. Рекомендую проявить рвение и уверенность в продолжении этих исследований, он призвал к тому, чтобы выводы были как можно более зрелыми и гарантированными, иначе криминальная антропология рискует своим авторитетом и *престижем*.

На дневном заседании, проходившем под председательством профессора Ладаме (Женева), М. Ферри прочитал доклад об определяющих условиях преступности - индивидуальных, физических и социальных - и их относительной ценности. М. Ферри - один из самых опытных и философских сторонников новой криминальной антропологии, и его доклад, а также последующие красноречивые разъяснения были выслушаны с большим вниманием. Преступность, по его словам, является одновременно биологической и социальной. Из 100 человек, живущих в одинаковых условиях несчастья и заброшенности, 60 не совершают преступлений; из остальных 40 человек 5 кончают жизнь самоубийством, 5 становятся сумасшедшими, 5 нищими, 25 совершают преступления; следовательно, социальная среда не является исключительной причиной преступности. Но, опять же, мы не должны пренебрегать социальной средой, поскольку, если говорить только об одном доказательстве, максимум преступлений против собственности достигается зимой. И, опять же, необходимо учитывать самые тонкие биологические изменения, ведь изнасилования и насильственные преступления наиболее распространены при высокой температуре, а климат и барометрическое давление играют определенную роль. Если бы термометр показывал на десять градусов меньше, а барометр - на несколько миллиметров больше, возможно, такое преступление не было бы совершено. Отсюда следует вывод: с одной стороны, мы должны улучшать социальные условия для естественного предотвращения преступлений, а с другой - принимать меры по временному или постоянному устранению индивидуумов, в зависимости от того, насколько биологические условия в каждом конкретном случае представляются более или менее излечимыми". М. Алимена придавал

большое значение воспитанию, особенно его наследственному воздействию. Преступник не должен иметь возможности сказать своему судье: "Почему вы не сделали меня лучше?". Он согласился с словами Лакассаня, сказанными им на предыдущем конгрессе в Риме: "Общества имеют тех преступников, которых они заслуживают". М. Манувье считает, что Ферри не придает достаточного значения социальному фактору; не бывает двух людей, живущих в одинаковой социальной среде. Такого же мнения придерживался и М. Дриль. М. Тарде высказал свое мнение о том, что особенности преступников обусловлены профессиональной деятельностью. М. Фере не верил бы ни в какой профессиональный тип до тех пор, пока он не был бы установлен точными измерениями. В целом дискуссия показала, что, как сказал М. Ван Хамель, общество, чтобы защитить себя, должно быть начеку со всех сторон.

В четверг члены Конгресса посетили Сент-Анн, где М. Маньян продемонстрировал тему дегенерации. Они также посетили префектуру полиции, где месье Альфонс Бертильон продемонстрировал свой антропометрический метод идентификации преступников в действии, а месье Мошот без особого труда опознал человека, назвавшегося чужим именем.

В пятницу утром председательствовал М. Тарде, а М. Пуглизе из Трани (Италия) прочитал доклад об уголовном процессе с социологической точки зрения. Доказательства, свидетельствующие о существовании преступления и преступника, могут быть должным образом взвешены только судьей, обладающим большими техническими знаниями. Ему недостаточно быть судьей или юристом; он должен быть хорошо знаком с антропологической и социологической наукой; он должен знать среду, в которой порождается преступность, и людей, которые рождаются, чтобы жить и умирать в этой среде". Он выступал за создание государством колледжа для обучения мировых судей. В настоящее время существует большая путаница, и мировому судье приходится решать сложные вопросы, в которых он совершенно не разбирается. Обязанность судьи требовать решения науки, имея право попирать ее ногами, является явным противоречием. Неразумно, чтобы медико-юридическое решение было отменено присяжными, и пора отменить древнюю максиму, согласно которой судья - эксперт экспертов. Когда речь идет о правовой медицине, судьей должен быть медико-юридический эксперт. Должна быть создана медико-юридическая комиссия, в обязанности которой входило бы не высказывание мнений, а вынесение решений. Только так можно избежать многих скандалов. М. Бруардель, с точки зрения медико-правовой экспертизы, заявил, что не может принять подарок, который ему предложил Пуглизе. В каждом судебном процессе есть вопросы, не относящиеся к медицине, и здесь медико-юридический эксперт будет некомпетентен. Кроме того, он с осторожностью отнесется к использованию антропологических данных. Это было еще преждевременно, и слишком торопиться - значит рисковать поставить все под угрозу. М. Бенедикт согласился с М. Бруарделем и высказался за научное образование юристов, которое М. Лакассань также считает желательным.

Следующий доклад был сделан М. М. Таверни и Маньяна о детстве преступников и природной предрасположенности к преступлениям. М. Таверни провел ряд исследований детей в исправительных учреждениях - исследование, которое он назвал педагогической биологией, - и проследил детство преступников в прошлом и карьере неперспективных детей в будущем. Главными признаками, которые он обнаружил в детстве преступников, были неспособность к образованию, сопротивление семейному порядку и бунт против социальных условий. Среди взрослых преступников в детстве обнаруживаются те же черты неприиспособленности и сопротивления. Для М. Маньяна ребенок часто уже был

законченным преступником, как результат физического и морального вырождения, вызванного нервной, безумной или алкогольной наследственностью. Он рассматривал этот вопрос как чисто клинический (вслед за Моро из Тура и Морелем). Он привел много интересных примеров и указал, что во всех из них сексуальные отклонения играли очень важную роль. Последовала интересная дискуссия. ММ. Моте, Далифоль, Руссель и Эрбетт выразили сожаление, что государство не берет на себя заботу о детях в более раннем возрасте, когда есть большая надежда на благоприятное влияние физического, морального и интеллектуального воспитания. Месье Ломброзо, выражая свое глубокое уважение к месье Маньяну (Шарко алкоголизма, как он его называл), не смог с ним согласиться. То, что он сам говорил о детях, основывалось на наблюдениях Переса, Тейна и Спенсера. Нравственное чувство часто отсутствовало у ребенка. Он был зародышем преступника. ММ. Мошотт и Ван Хамель выступили в защиту ребенка, находящегося в бессознательном состоянии. Он не был целомудренным, потому что у него не было представлений о скромности. Он не уважает истину, и в нем силен разрушительный инстинкт. М. Мошотт ссылается на анекдот, в котором Гете описывает восторг, с которым он, будучи ребенком, однажды устроил страшную резню среди посуды. Но мы не должны путать фазу эволюции с условиями болезни или преступности. М. Ролле, адвокат, который выступает в парижских трибуналах за всех арестованных детей (около 20-30 мальчиков и 8-10 девочек ежедневно), говорит, что он всегда заявлял о безответственности и требовал оправдательного приговора. Затем ребенка передают либо родителям, либо филантропическому обществу, президентом которого является Т. Руссель. Руссель является президентом. Если ребенок оказывался порочным, он требовал, чтобы его отправили в исправительное учреждение до 20 лет. Он судил по физиономии и истории болезни, но считал, что было бы очень полезно получить компетентный совет криминального антрополога. Это пожелание было немедленно удовлетворено. Мсье Манувье предложил приходить во Дворец правосудия каждый день. Мадам Пижеон сказала, что в своей практике она никогда не встречала ребенка пяти-шести лет, каким бы извращенным и порочным он ни был, который не поддавался бы воспитанию. Однако это была задача, требующая большой заботы и преданности. Перевоспитание ребенка, по словам М. Эшенауэр, может быть только через любовь. М. Руссель, посвятивший свою жизнь делу обездоленных детей общества, рассказал о достигнутом прогрессе и отметил, что наметилась тенденция к все большему расширению сферы деятельности государства.

На дневном заседании, проходившем под председательством М. Дриля, М. Бруардель обратил внимание Конгресса на проблемы развития, возникающие в период полового созревания. Он нарисовал яркую картину живых и умных парижских *гаминов*, чье преждевременное развитие задерживается в период полового созревания как физически, так и умственно. Половые органы не развиваются, волосы на теле не появляются. Вместо этого в 16-18 лет они становятся пухлыми и женственными внешне и по манерам, а также страдают половым бессилием. Ранее блестящие в школе, они становятся ленивыми, неспособными к устойчивому вниманию и усилиям. В дальнейшей жизни они могут стать артистами, поэтами или художниками, если родились в легких обстоятельствах, но их творчество не свидетельствует о наличии высших художественных качеств. Их преданность тем, кто их окружает, часто отличается почти женской нежностью. Главными факторами, вызывающими это приобретенное вырождение, являются комплексные факторы, такие как переутомление, нездоровое жилище, ранние сексуальные привычки и ранний алкоголизм". Затем М. Эрбетт рассказал об усилиях французского правительства в области, как он выразился, моральной ортопедии. Они стараются удалить из ребенка все мысли о фатализме. М. Берильон сказал, что он добился больших успехов в лечении порочных детей с помощью внушения и сумел вылечить плохие сексуальные привычки за один прием.

М. Затем Тарде представил краткое изложение своего доклада о старых и новых основах моральной ответственности. В этой интересной и изобретательной работе, носящей несколько метафизический характер, он попытался показать, как моральная ответственность гармонирует одновременно с человеческим сознанием и современной наукой.

Ответственность основывается на идентичности, причем под идентичностью он подразумевал индивидуальную и социальную идентичность. Эта ответственность основывается на детерминации наших действий и является лишь относительной. Мадам Клеманс Ройер ответила со строго научной точки зрения. Все наши поступки определяются нашей физической природой. Месье Кутань отказался вступать в область метафизики. Вопрос носит практический характер, и каждый человек, вменяемый или невменяемый, должен нести ответственность. М. Моте сказал, что вопрос носит клинический характер. Если человек нормален, его ответственность полная; если он ненормален или деградирует, его ответственность ограничена; если он безумен, его ответственность равна нулю. М. Манувье полностью отверг бы метафизику. М. Ферри заявил, что мы не должны принимать концепции заслуг и недостатков. Все люди ответственны перед обществом, но общество не имеет права наказывать. Оно имеет право только на самозащиту. М. Тарде в пылкой речи защищал свою позицию. Он протестовал против смешения понятий преступника и сумасшедшего. В нас заложена глубокая причина для фибры негодования и презрения, и пока они сохраняются, мы будем направлять их против преступника, который действует в соответствии со своим врожденным, а не болезненным характером.

В субботу утром председательствовал профессор Ломброзо. Единогласно было принято предложение о том, что желательно, чтобы каждое правительство приняло антропометрический метод Бертильона для выявления рецидивистов. Затем М. Семаль прочитал доклад об условном освобождении и условном содержании под стражей. Зачатки этих методов уже появились в нескольких странах, но для их безопасного применения в более широком масштабе необходимо практиковать самое тщательное физическое и психическое обследование заключенного. Это создаст под эгидой медицинской науки клиническую область адвокатуры. Это также потребует распространения знаний, которых сейчас не хватает, и реорганизации администрации и медицинского обследования заключенных. М. Бертильон выразил уверенность, что антропологические соображения не заставят тюремную администрацию пренебречь своими обязанностями по нравственному перевоспитанию. М. Бенедикт отметил, что тюремные капелланы согласны с медиками в признании неисправимости некоторых преступников. М. Дриль считает, что необходимо четко отличать осуждение от наказания. Были упомянуты чувства ненависти и мести, но эти чувства являются результатом привычки или атавизма. Раньше они точно так же проявлялись по отношению к безумным. Изменение отношения к безумцам объясняется истинным пониманием природы и причин безумия. Мы недостаточно учитываем условия, в которых находятся преступники. Недаром наши русские люди говорят о заключенных как о "несчастных". М. Веснич (официальный представитель Сербии) высказал пожелание не упускать из виду юридическую сторону вопроса. Изучение антропологии и права должно быть обязательным для всех, кто хочет стать начальником тюрьмы.

М. Сарраут прочитал доклад о применении криминальной социологии в судебной практике. Студенты-юристы должны проходить экзамены по криминальной антропологии и юридической медицине. Тюремное заключение должно быть бессрочным, а заключенный должен тщательно наблюдаться и обследоваться. Присяжные должны быть модифицированы. М. Тарде отметил, что адвокаты уже используют результаты криминальной

антропологии, и необходимо, чтобы судьи были в состоянии оценить обоснованность таких аргументов.

М. Затем Таладриэ прочитал доклад на тему "Преступность в ее отношениях с этнографией", взяв за основу иллюстрации из Испании, где преступность сильно различается в разных частях полуострова. Он высказал пожелание о создании международного уголовного кодекса, защищающего права национальностей.

Во второй половине дня председательствовал профессор Бенедикт, а М. Ван Хамель прочитал свой доклад "Клеточная система с точки зрения биологии и криминальной социологии". Он пришел к выводу, что необходимо очень тщательно отбирать случаи для клеточной изоляции, подвергая их психическому и медицинскому обследованию. Результаты зависят от лечения, принятого во время содержания в камере, в такой же степени, как и от самого заключения.

По предложению М. Гарофало была назначена комиссия для проведения серии наблюдений за 100 преступниками и 100 честными людьми, чьи предшественники были хорошо известны. По предложению М. Семаля конгресс подтвердил необходимость психоморального обследования заключенного в качестве предварительного условия для условного освобождения. Также было решено, что желательно, чтобы студенты-юристы проходили обучение и экзамен по юридической медицине; и, по предложению М. Эшенауэра, руководство и обучение маленьких детей в исправительных учреждениях должно быть доверено опытным женщинам.

В своем заключительном слове профессор Бруардель отметил, насколько разнообразны и сложны вопросы, поднимаемые криминальной антропологией. Они имеют дело с одной из самых интересных и глубоких проблем - проблемой, которая во все века волновала человеческий разум. На конгрессе были собраны некоторые материалы для будущего здания, хотя они еще не в состоянии его возвести.

Официальным журналом конгресса стал *"Archives de l'Anthropologie Criminelle"*, и номер за сентябрь 1889 года был полностью посвящен его работе. Следующий конгресс состоится в Брюсселе в 1892 году.

ПРИЛОЖЕНИЕ С.

Международная ассоциация уголовного права.

Эта ассоциация была основана в 1889 году по инициативе профессора фон Листа. Ее успех был немедленным, особенно среди юристов, профессоров права и судей; и этот успех является замечательным доказательством большого движения за реформу уголовного права, которое сейчас повсеместно дает о себе знать. Ассоциация представляет почти двадцать стран Европы и Америки. Она действительно интернациональна; не делается никаких попыток обсудить национальные модификации или отстаивать доктрину какой-либо школы. Условия членства предполагают приверженность следующим положениям

I.- Задача уголовного права - борьба с преступностью, рассматриваемой как социальное явление.

II.- Поэтому уголовная наука и уголовное законодательство должны учитывать результаты антропологических и социологических исследований.

III.- Наказание является одним из наиболее эффективных средств, которые государство может использовать против преступности. Но оно не является единственным средством. Поэтому оно не должно быть изолировано от других социальных средств, и особенно не должно приводить к пренебрежению профилактическими мерами.

IV.- Различие между случайными преступниками и закоренелыми преступниками необходимо как на практике, так и в теории; оно должно быть основой уголовного права.

V.- Поскольку репрессивные трибуналы и пенитенциарная администрация преследуют одни и те же цели и поскольку приговор приобретает ценность только в зависимости от способа его исполнения, разделение, освященное нашими современными законами, между судом и тюрьмой нерационально и вредно.

VI.- Поскольку наказание в виде лишения свободы справедливо занимает первое место в нашей системе наказаний, ассоциация уделяет особое внимание всему, что касается улучшения состояния тюрем и связанных с ними учреждений.

VII.- Что касается коротких сроков лишения свободы, то ассоциация считает возможным и желательным заменить их мерами, эквивалентными по эффективности.

VIII.- Что касается длительного тюремного заключения, то ассоциация считает, что продолжительность заключения должна зависеть не только от материальной и моральной тяжести преступления, но и от результатов, полученных в результате лечения в тюрьме.

IX.- Что касается неисправимых закоренелых преступников, то ассоциация считает, что независимо от тяжести преступления и даже в отношении повторения незначительных преступлений, уголовная система должна прежде всего стремиться к тому, чтобы поместить этих преступников на как можно более длительный срок в условия, в которых они не смогут причинить вреда.

"Ассоциация, - говорится в другом месте, - исходит из того, что для борьбы с преступностью мы должны знать преступность". Как сказал профессор фон Лист: "Нас объединяет убеждение, что уголовно-правовая наука должна опираться на твердую основу фактов, привязываться к реалиям общественной и индивидуальной жизни, а не довольствоваться чисто интеллектуальным развитием чисто юридических понятий". Это единственная надежная и рациональная основа уголовного права, и именно потому, что ассоциация приняла эту основу, я хочу обратить особое внимание на ее ценную и плодотворную работу.

Первая сессия была проведена в Брюсселе в августе 1889 года. Берн был выбран для проведения второй сессии в 1890 году. Бюллетени ассоциации (печатаются на французском и немецком языках) содержат доклады, представленные на этих встречах, а также последующие обсуждения. За небольшую сумму их можно приобрести у издателя, Й. Гуттентага, Берлин, или у К. Муквардта, Librairie Européenne, Брюссель. Годовая подписка составляет четыре шиллинга и оплачивается профессору Г. А. Ван Хамелю, Амстердам, Голландия.

ПРИЛОЖЕНИЕ D.

Некоторые случаи преступности.

Я собрал здесь несколько случаев довольно обычной и репрезентативной преступности, главным образом для того, чтобы показать, как обычно расследуются такие дела. Мне не показалось желательным устанавливать какую-либо определенную систему расследования. Были разработаны сложные схемы; в небольших масштабах выработать определенную схему гораздо сложнее. В настоящее время кажется, что лучше оставить многое на усмотрение отдельного следователя. Приведенные здесь шесть случаев покажут, как обычно расследуется преступность, и могут быть полезны в качестве руководства.

I.-В. А., 18 лет, плотник; вес, кг. 69,3; рост, м. 1,77. Цвет лица бледный. На различных частях тела шрамы от ран, нанесенных ножом, кинжалом, камнями и стеклом, полученных в различных ссорах. Голова также покрыта шрамами. Волосы на голове очень обильные; полностью отсутствует борода. Выраженные надбровные дуги. Огромные лобные пазухи, нижняя челюсть объемная; присутствует лемурийский отросток; лоб низкий и узкий; голова нормальная.

Эстезиометр: левый, 1½ правый, 1¼; язык, 1½. Динамометр: левый - 42; правый - 40½. Сухожильные рефлексы в норме. Общая чувствительность: правая - 52; левая - 50. Чувствительность к боли: правая, 28; левая, 30. Медленно различает цвета.

Пьяница; начал в возрасте 12 лет, под руководством матери. Часто воровал, но только однажды, по истечении двух лет, был уличен и осужден. Нерелигиозен.

Когда пьян, чувствует себя меланхолично. Страдает эпилептическими припадками, во время которых падает, и часто ранен. Подобные приступы наблюдаются у него в течение шести лет; за ними следует полная амнезия. Первый приступ случился в учебном заведении, после того как его заставили принять холодную ванну в январе.

За три-четыре часа до припадка он настолько отупел, что не мог сосчитать две копейки, которые держал в руке, и не узнавал окружающих, хотя мог знать их уже некоторое время.

После приступа он не знает, где находится, и в течение двух-трех дней не может пить воду и мыться - по его словам, из-за холодной ванны, которая вызвала у него расстройство.

Не поддается влиянию, не имеет никаких стремлений, не интересуется политикой.

О своих родителях ничего не может сказать, кроме того, что его мать была пьяницей. (В. Росси.)

II.-Д., 18 лет, из Турина, кузнец. На правой руке вытатуирована женская голова и начало имени (запись любви); в эпигастральной области - скрепленное сердце (напоминание о мести, которая должна быть совершена). Шрам в левой лобной области; не может или не хочет сказать, как он его получил, но с тех пор страдает от головокружения.

Цвет лица очень бледный; вазомоторная реакция более выражена слева; зрачки реагируют медленно; асимметрия лица; уши выдаются вперед. Волосы редкие, сухие и очень темные. Пальцы очень длинные и тонкие. Имеет тремор; страдает от гипертрофии сердца. Голова акроцефалическая, уплощенная на затылке.

Черепные измерения: продольный диаметр - 177; поперечный - 151; продольный изгиб - 360; поперечный - 300; максимальная окружность - 530. Динамометр: обе руки, 34; правая, 14;

левая, 17. Эстеziометр: правая, 1,8; левая, 1,2; язык, 0,4. Топографическая чувствительность ошибочна в обеих руках. Общая электрическая чувствительность: правая, 49; левая, 43. Чувствительность к боли: правая, 20; левая, 27. (Нормальный человек дает: общая, 53; к боли, 38.) Температура в подмышечной впадине, 37°5. Медленно различает цвета.

Порочный с детства; очень ранние сексуальные привычки.

В восемь лет начал в школе воровать похвальные грамоты, чтобы получить приз. В четырнадцать лет по приглашению друга, который был вором, ограбил ювелира; с тех пор совершает многочисленные ограбления при любой возможности. Охотно напивается, но главная его страсть - путешествия.

В политике он предпочел бы республику, но без полиции и тюрем; однако признается, что зимой, когда работы мало, "и в тюрьме неплохо".

Его родители утверждают, что они честны, но не в других отношениях. Мать страдает от учащенного сердцебиения. Одна сестра ведет дурную жизнь, другая очень религиозна. Двоюродный брат по материнской линии сидел в тюрьме. (В. Росси.)

III.- Серта Филь, осуждена на четыре года за кражу меховых плащей и других подобных вещей. Возраст 56 лет. Окружность головы - 545. Правый глаз расположен довольно низко. Сухожильные рефлексы в норме.

С детства страдала от болезни, вызванной страхом, из-за падения в воду. С пятнадцати до тридцати лет страдала от частых головных болей. Восемь лет назад, примерно за три года до кражи, переболела брюшным тифом, а также заразилась сифилисом от мужа. У нее были частые и сильные боли в висках. Детей нет. Ее мать страдала артритом, который вызывал меланхолию, что, как говорят, способствовало ее смерти. У нее было четырнадцать детей, в основном близнецы, которые все умерли при рождении, кроме одного, очень экстравагантного и беспутного.

Чувствительность: на руке - 3 мм. слева, 2 мм. справа; на голове - 16 мм.; на языке - 9 мм. С фарадическим током: общая чувствительность 70 мм.; на руках, в то время как у студента боль на ладони 55, на дорсуме 60, у нее боль на правой ладони 50, на левой 50; на правом дорсуме 60, на левом 55. Сила при динамометрии небольшая: правая - 28 сг; левая - 38 сг; обеими руками - 58 сг.

Психологическое обследование: вышла замуж в возрасте девятнадцати лет, счастливо прожила с мужем двадцать лет, *то есть* до тридцати девяти лет. Затем муж начал вести беспутную жизнь и заразил жену сифилисом. Озверев от постоянного жестокого обращения мужа, она стала воровать меха и другие товары из соседней лавки. Она постоянно боялась, что ее обнаружат, и испытывала угрызения совести, которые лишали ее сна и аппетита, и она планировала, как вернуть вещи, не будучи обнаруженной.

За четыре года заключения она не выучила ни *гэрго*, ни арестантский сленг, не хотела общаться с товарищами и постоянно плакала. Она слегка краснела, когда ее спрашивали о менструации.

Диагноз: эта женщина под влиянием болезней и нужды в деньгах была склонна к воровству; однако она не была предрасположена к преступлениям, и (за исключением беспутного поведения одного из братьев) у нее не было заметных признаков наследственного вырождения. Если добавить к этому, что она никогда не устраивала оргий, не стремилась к общению с преступными товарищами, не училась *гэрго*, краснела, когда с ней

разговаривали без должного внимания, то следует заключить, что она - случайная преступница. Если бы она находилась в комфортном социальном положении и в хороших отношениях с мужем, она, вероятно, не стала бы преступницей". (Джузеппе Абради, *Archivio di Psichiatria*, vol. x. Fasc. I.)

IV.-R. С., из Неаполя, возраст 23 года; рост, м. 1,68; вес, кг. 82.5. Солдат.

На коже следы ран от огнестрельного оружия и ножей; одну рану на животе ему нанесла женщина.

Цвет кожи темный.

Татуировки на ногах и руках: инициалы, кинжалы в память о свершившейся мести, стрелы в знак любви; на руке - солнце; также имеет знаки *каморры*, значение которых, но только как великую тайну, он раскрыл.

Он заявляет, что для него, как и для *каморристов* в целом, татуировка - это "страсть, стремление, как, например, для студентов их воротнички и галстуки". "Чем больше у человека татуировок, - говорит он, - тем больше его уважают и боятся товарищи, потому что это показывает, как далеко он зашел на преступном пути".

Волосы на голове густые и темные; полное отсутствие бороды. Прогнатизм: лоб маленький и узкий (165 × 48), нижняя челюсть объемная; глаза маленькие и очень подвижные; лобные пазухи выдаются вперед. В его лице чувствуется некая *доброжелательность*, которая контрастирует с цинизмом, с которым он рассказывает о своих криминальных достижениях.

Размеры черепа: продольный диаметр - 187; поперечный - 150; продольный изгиб - 364; поперечный - 310; максимальная окружность - 557. Динамометр: обеими руками - 84; правой - 54; левой - 43. Выдерживает на вытянутой руке вес в кг. 5 в течение четырнадцати минут. Эстеziометр: правая - 3,5; левая - 4,5. Электрическая чувствительность: правая - 40; левая - 45. Чувствительность к боли: правая - 0; левая - 0. Медленно различает цвета, путает синий и зеленый. Термометр: правый - 37°5; левый - 37°9.

Любит вино; порочен с детства. Естественные и неестественные сексуальные привычки.

Кроме венерических заболеваний и кисты, которая была у него в детстве, никогда не болел.

Его действительно отправляли в больницу как сумасшедшего, но это было симулировано, так как в то время он находился под судом, чтобы получить "смягчающие обстоятельства".

Для него и его семьи религия - всего лишь самозванство, а политика не существует. В газетах он читает только полицейские новости, как те, что касаются только его.

В возрасте 10 лет его "отправили в колледж" (*то* есть исправительный дом), потому что он был уличен в снятии слепка с замка. Там его посвятили в *каморру*, которой парни занимались подпольно.

Выйдя на свободу, он совершил множество преступлений, из которых не одно осталось безнаказанным. Он ранил проститутку, которую застал с другим любовником. Воровал ловко, и однажды был приговорен к двадцати пяти месяцам тюремного заключения. Он грабит дома, а при удобном случае очищает карманы. В исправительном учреждении он вместе с другими ограбил директора. Он признается, что в его семье, за исключением одной честной сестры, все - мошенники его собственного сорта.

Дед по материнской линии умер в 60 лет в больнице. Мать здорова, но пьет; потеряла все волосы в 50 лет; осуждена за мошенничество и нанесение ран. Отец получил пять лет тюрьмы за попытку ранить своего брата, священника, который отказался дать ему денег; тоже пьет, а когда пьян, очень оживлен. Дядя по отцовской линии был осужден за "квалифицированный" грабеж. Дяди по материнской линии - все *каморристы*.

У него пять братьев и одна сестра. Один из них, Г., четыре раза попадал в больницу, потому что, совершив тяжкое преступление, притворялся сумасшедшим; до сих пор эта игра всегда удавалась, и его оправдывали или смягчали наказание. Когда у него есть деньги, он - ангел, говорит Р. С., но когда их нет, он бежит от них, как от чумы, ибо приходит в ярость. Он пьяница, и однажды в пьяном виде жестоко ранил свою любовницу без причины.

Другой брат, Г., - *каморрист* и остряк.

Другой брат, Е., занимается изящным, ворует у "аристократов"; страдает головокружением, особенно летом или у огня.

Брат Н., называющий себя художником, снимает слепки с замков и делает фальшивые ключи, за которые требует более или менее завышенную цену, в зависимости от размера добычи. Также изучает навесные замки и делает их факсимиле; не грабит по собственному почину, не является *каморристом* и не пользуется ножом даже в пьяном виде.

Последний из братьев, Джиа, не раз был осужден за грабежи и карманные кражи. Является *каморристкой*. (В. Росси.)

V.- Следующий тщательно разобранный случай (профессором Анджело Цуккарелли из Неаполя) неисправимого неповиновения солдата переведен из *L'Anomalo* за январь 1889 года и является образцом тщательного и систематического исследования: -

Поведение в армии в 1881-1888 годах, как на службе, так и вне ее, оценивается как плохое; часто виновен в воровстве, неповиновении и уничтожении военного имущества. [Здесь приведены подробные сведения о 59 правонарушениях с соответствующими наказаниями за этот период].

О его семье и предыдущей истории можно получить только следующие сведения.

Среди предков его родителей были некоторые эксцентричные люди.

Мать - истеричка, нимфоманка, глухота из-за хронического отита.

Отец - пьяница и вспыльчивый.

Одна сестра имбецильная, а другая золотушная.

Брат, инстинктивный вор, сидел в тюрьме за "квалифицированную" кражу.

Вся семья склонна к воровству.

Наш субъект, которому сейчас 28 лет, не получил никакого образования от своих родителей; был сапожником в Стило (Реджио, Калабрия), своем родном месте, где имел плохую репутацию из-за безделья и воровства.

ФИЗИЧЕСКИЙ ОСМОТР.

Голова.

Осмотр и пальпация. Значительная впадина в ламбдовидной области.

Внешний затылочный выступ едва заметен.

Заметно плагиоцефалия с правой стороны, спереди; с плагиопрозопией с той же стороны.

Уши маленькие; правое посажено дальше назад.

Прогнатизм верхней челюсти.

Отсутствие двух верхних средних резцов, от падения в детстве. Нижняя зубная дуга с параболическим и косым краем справа; справа вдавлена.

Цвет лица желтоватый, бледный.

Борода тонкая.

<i>Измерения:</i> окружность у основания	центнер.	54
Передняя полуокружность	"	28½
Задняя""	"	25½
Передне-задний изгиб	"	31
Поперечный"	"	31½
Примерный объем черепа (результаты трех кривых),		1165.
Максимальный передне-задний диаметр	мельница.	182
"поперечный диаметр	"	147
Цефалический индекс, 80,76 (тип черепа суббрахицефалический).		
Двуглавый диаметр	мм.	128
Бимастоид"	"	126
Максимальный фронтальный диаметр	"	104
Биорбитальный"	"	108
Бимаксиллярный"	"	102
Высота лба	"	56
"лицо	"	128
Длина носа (до кончика)	"	54½
Ширина" (основание)	"	32

Туловище и конечности.

Тело стройное. Рост средний.

Левая молочная железа вдавлена, а сосок ниже, чем на правой стороне. В заднем направлении левое основание грудной клетки развито слабее, чем правое.

Руки тонкие, с длинными и заостренными пальцами.

Татуировки на обоих предплечьях: на правом - скрепленное сердце, женская голова, буквы F. и B.; на левом - две звезды, одна большая, другая маленькая, буквы L. и A. (его инициалы), крест, а ближе к запястью - нечеткий знак, заканчивающийся буквой B.

На ногах два маленьких пальца, особенно левый, маленькие, непропорционально развитые по отношению к остальным частям стопы.

Волосы редкие.

Поверхностные вены здоровые, но в левой подколенной области варикозное расширение. Половые органы развиты слабо.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ.

Динамометр. Правая рука - 90, левая - 85.

Тактильная чувствительность. - На языке две точки *эстезиометра* воспринимаются только на расстоянии пяти миллиметров. В общая чувствительность очень слабая. Локализация очень неточная; впечатления с одной стороны часто переносятся на другую.

Чувствительность к боли. - Развита гипоалгезия, при этом повторные проколы, приносящие кровь, ощущаются как легкие прикосновения. Ожоги от зажженной сигары ощущаются слабо, если вообще ощущаются; при этом наблюдается некоторая диссимуляция со стороны пациента.

Термическая и метеоритная чувствительность. Очевидно, отменена.

Не было возможности провести электрическое обследование.

Зрение. - Плохо различает цвета; лучше всего видит красный. Зрачки реагируют несовершенно.

Слух. - С правой стороны говорит, что не слышит часы в непосредственной близости; с левой - только на небольшом расстоянии. В других отношениях его слух был признан дефектным.

Обоняние. - Не различает запахи, о которых во многих случаях не имеет представления. Только аммиак, глубоко вдыхаемый в течение нескольких секунд, вызывает легкую лакримацию с правой стороны.

Вкус. Воспринимает уксус, но не соль, горькие или сладкие вещества. Если предложить ему полстакана отвара цинхоны и сказать, что это вино, а затем еще стакан уксуса, он охотно проглатывает все это без каких-либо признаков неприятных ощущений. Если дать ему горькое вещество и сказать, что оно сладкое, он повторяет, что оно сладкое, и *наоборот*.

Аппетит прожорливый; пищеварительные функции нормальные. Кровообращение и дыхание слабые.

ПСИХИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ.

Идеи очень ограничены. Воображение и эстетическое чувство отсутствуют. Память очень слабая, ограничивается самыми элементарными и примитивными познаниями. Воля слабая, в отсутствие какого-либо болезненного импульса.

Моральные и аффективные чувства почти полностью отсутствуют.

Отсутствие склонности к каким-либо занятиям; склонность к безделью и бродяжничеству.

Безудержный онанизм, которому он раньше предавался четыре-пять раз в день, а теперь только два раза в день, потому что, как он говорит, у него больше нет сил. Он признается в этом без малейшего стыда, с самодовольством, почти с удовольствием.

Он не лишен определенной проницательности, которую, однако, легко обнаружить. Похоже, он научился у сокамерников притворяться, что ничего не чувствует, и быть готовым ко всему.

Он способен на диссимуляцию и в определенные моменты симулировать состояние слабости, которое ему не свойственно.

В камере он обычно ходит взад-вперед с короткой, склоненной головой и угрюмым взглядом. Он возбуждается только в моменты гнева и сильного порыва.

Он часто недоволен своей едой и выбрасывает ее, издавая скорее вой, чем крик, и разрушая все - стол, табуретки и т. д. В таком состоянии любое противодействие только делает его еще более диким. Мягкие методы часто оказываются более успешными, особенно когда наступает стадия истощения.

В других случаях причиной является некоторое ограничение его склонности к свободному бродяжничеству. Начинается звериный вой, разрушение всего, что его окружает, и всевозможные насилия.

Когда в спокойные минуты его спрашивают о причинах этого, он отвечает, что так поступают в его стране.

ДИАГНОЗ.

Прогрессирующая физическая и психофизическая дегенерация. Френастения. Моральный идиотизм. Инстинктивная преступность.

МЕДИКО-ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ.

Это случай инстинктивного преступника, человека, фатально и неизбежно склонного к бродяжничеству, воровству и насилию.

Он обладает физическими и психофизическими признаками дегенерации, аберрации, конституциональной ненормальности, достаточными для признания. Особенно следует отметить ламбдоидную депрессию, выраженную плагиоцефалию и плагиопротропию, прогнатизм верхних и неровность нижних зубов, асимметрию грудной клетки, бледный цвет лица, гипоалгезию, слабость и извращение некоторых специальных чувств, безудержный онанизм, преобладающую любовь к бродяжничеству, яростную и звероподобную злобу, разрушительные наклонности.

Очевидно, что все наставления и наказания, применявшиеся в течение семи лет, не только не дали никаких положительных результатов, но и привели в действие, так сказать, природный механизм его буйных импульсов и тем самым еще больше ожесточили его. Таким образом, он неисправим.

В этом убедился Военный трибунал Неаполя, который в результате этой экспертизы объявил, что наш субъект не несет ответственности, и оправдал его.

Но заканчивается ли на этом долг науки? Достаточно ли этого вердикта для порядка и социальной безопасности?

Конечно, нет.

Такой человек должен рассматриваться как постоянный источник опасности. Поэтому необходимо принять такой способ лечения, который, вместо того чтобы ожесточать его, будет стремиться получить от него максимум социальной пользы, на которую он способен, и в то же время сделает невозможным причинение им вреда другим людям, не похожим на него.

Для этого необходимы секвестр, метод морального воздействия и бдительный уход в рамках уголовного приюта.

VI.- Следующий отчет, написанный О. Хотценом (здесь сокращенно), появился в *"Vierteljahresschrift für gerichtliche Medicin"* и в *"Archivio di Psichiatria"* за 1889 год, fasc. 2.

Мария Кёстер умерла в возрасте 22 лет от туберкулеза; в 18 лет она убила свою мать топором; на теле матери было обнаружено шестьдесят ран, некоторые из них проникали в череп.

Поскольку до этого момента девушка всегда отличалась хорошим характером, была тихой и трудолюбивой, а также в силу своего юного возраста, она была обследована медицинскими экспертами, чтобы выяснить, не ограничивали ли какие-либо болезненные состояния ее свободную волю.

Никаких психических отклонений, особенно в момент совершения преступления, признано не было, но некоторые предшествующие болезненные явления и другие последующие обстоятельства привели экспертов к заключению, которое привело к смягчению смертной казни, к которой она была приговорена.

Среди ее предков по материнской линии и в самой матери была крайняя скупость; они очень жаждали денег и были одержимы яростью наживы; было доказано, что этот импульс парализовал в некоторых членах семьи чувства справедливости и честности.

Отец был пьяницей.

Девушка получила некоторое образование; она написала в точном стиле дневник своих впечатлений. Она работала служанкой, помощницей в типографии, сепайщицей. Она была худа и слегка развита, менструация началась в 19 лет, она была очень высокого мнения о себе.

Внешне спокойная, она слыла завистницей, лгуньей и воровкой.

Несмотря на симулируемое безразличие, она жаждала сбережений, которые удалось собрать ее матери; лелеяла ненависть к своим родителям; постоянные ссоры и незаслуженная клевета выдавали сердце, внешне доброе, на самом деле эгоистичное и развращенное.

Наблюдалась небольшая асимметрия лица, связанная с уплощением правой стороны; ощутимого недостатка симметрии черепа не было.

Правый зрачок был больше левого; оба подвижны и прекрасно чувствительны.

У нее были истерические приступы, которые стали редкими перед поступком и были истолкованы как сексуальный невроз пубертатного периода. Эти приступы начинались с прекардиального беспокойства и угнетения дыхания, а заканчивались обычно сильным желанием движения, которому она поддавалась лишь с частичным сознанием. Иногда она часами находилась в полубессознательном состоянии, с экстравагантными движениями, вокализациями, бессмысленной болтовней и т.д. Иногда она преувеличивала нападки, иногда противостояла им. Из бумаг, которые она писала в тюрьме, следует, что некоторые из этих приступов были полностью симулированы.

Сексуальные функции были очень нерегулярными; она притворялась, что не испытывает склонности к другому полу; девственная плева была разорвана.

Она написала роман о своей жизни, опустил все, что могло вызвать отвращение, и выразив раскаяние за приступы, которые, по ее признанию, были симулированы.

На смертном одре у нее начались приступы, которые, конечно же, не были симуляцией.

Она была очень возбудима, и ее жизнь была охвачена нервными бурями, которые, несмотря на себя, она не могла подавить.

Она мало любила свою мать, скупую и жестокосердную, и отказывала ей в малейшей помощи.

В одной из ее бумаг, относящейся ко времени самых сильных истерических явлений, есть религиозные высказывания, отмеченные несомненной искренностью; но когда религия не принесла ей ожидаемого утешения, ее пыл охладел, и она перешла к противоположной крайности.

После недолгой душевной борьбы она спокойно подобрала необходимые инструменты и проработала свой преступный замысел до мельчайших деталей, стараясь избежать разоблачения. Разработав свои планы, она провела ночь в спокойном сне, а на следующий день совершила преступление.

Внешне все было продумано и четко осознано. После содеянного она ловко подстроила инсинуации против отца, который был совершенно невиновен в соучастии; стоя на коленях у тела матери, она заявила о своей собственной невиновности.

Она провела симуляцию с тонким искусством, проявив в эти дни энергию и решимость, поразительные для столь слабого человека. Очевидно, что ее поступок на какое-то время возвысил ее над самой собой.

Она испытывала странную жадность к вещам своей матери. Ее огромным желанием было отделиться от отцовского дома и обрести независимое положение.

После содеянного она говорила, что больше не находится в руках сатаны.

В тюрьме она прожила более трех лет, не подавая признаков ни душевной, ни физической болезни. Она вела себя неизменно, сдержанно, уныло, без всяких эксцентричностей; утешением для нее было знать, что отец и сестра простили ее.

В конце 1886 года появились признаки скоротечного туберкулеза, от которого она скончалась. Она умерла с покаянием, чувствуя уверенность в примирении с Богом.

При вскрытии туберкулез был обнаружен в обоих легких, а также в почках; это и стало причиной смерти.

Мозг нельзя было исследовать сразу, поэтому он был сохранен.

Твердая мозговая оболочка, прилегающая к черепу снаружи, была белой и лишенной блеска; внутри имелись яркие пятна с красными макулами, такие же отчетливые, как при геморрагическом пахименингите.

Мозг был мягким, влажным и очень анемичным. Вес его после оттока сыворотки из полостей составил 1164 грамма. Затылочные доли не полностью покрывали мозжечок.

Форма мозга была эллиптической. Сульчи оказались глубокими и крупными. Теменные и височные доли были очень большими, с большим развитием извилин и многочисленными атипичными расщелинами. Лобная доля была маленькой по сравнению с теменной, а ее свертки сжаты. Лобные и затылочные свертки не были атипичными, за исключением их слабого развития.

Развитие лобных и затылочных долей было скудным, особенно с левой стороны.

Выводы. - Мы имеем здесь настоящую атрофию коры головного мозга, которая имеет характер врожденной наследственной дегенерации. Эта атрофия проявляется в недостаточном развитии лобных и, в большей степени, затылочных извилин, в малой величине извилин, в неполном покрытии мозжечка головным мозгом и в количестве атипичных сегментаций в коре головного мозга, представляющих собой (по мнению Бенедикта) истинную аплазию.

Эти ямки не были результатом высшего развития; в их окрестностях не было увеличения мозгового вещества; они связаны с истинной атрофией мозговой массы. Невозможно допустить идею атавистической регрессии. Связи, обнаруженные между лобными и межтеменными расщелинами, нельзя рассматривать как перекристаллизацию примитивных извилин и продольных расщелин, которые особенно характерны для плотоядного типа. Все эти отклонения встречаются отдельно в мозге, который в остальном имеет нормальное строение. То, что придает болезненный характер, - это чрезвычайное количество неправильных форм.

Нельзя отрицать, что левое полушарие было самым неправильным, хотя черепной асимметрии не было; асимметрия лица была только заметна.

Эта детоубийца страдала от тяжелого невроза в период полового созревания, который оставил следы вплоть до момента убийства; ее суждения о жизни подверглись постоянному и сильному болезненному влиянию.

Мы не можем установить точную причинно-следственную связь между дегенеративными изменениями в мозге Марии Кёстер и нарушениями ее психической деятельности в течение жизни, но мы вправе считать ее не полностью ответственной за все свои поступки.

ПРИЛОЖЕНИЕ Е.

Эльмира.

В отчете за 1885 год секретарь по школам пишет: "Как и практическая мораль, английская литература была в центре внимания.

Как и практическая мораль, английская литература вначале была признана избранными членами занудой и приветствовалась ими как новое наказание с целью усложнить получение оценок. Отвращение сменялось положительным гневом; то тут, то там человек терпел свое первое недоумение, переходящее в угрюмое нежелание делать попытки разобраться в новом предмете. Некоторые, получив пьесу или сочинение, открывали книгу и закрывали ее, упорно заявляя, что не имеют ни малейшего представления о том, что от них требуется. В каждом подобном случае давались ободряющие советы, и когда давление приближающегося экзамена начинало действовать, почти каждый, вольно или невольно, нападал на своего автора и его конспекты. Этот первый экзамен был достаточно достойным, и историческая часть, по крайней мере, была хорошо сделана; но ожидаемые признаки не были лишними для умственного замешательства, безразличия, неумелого нащупывания очень явного смысла автора, признаки, которые выявили вероятный материал для умственной дисциплины самого ценного рода. Единственным средством устранения этих трудностей казались повторные дозы одного и того же лекарства, и этот вывод вскоре подтвердился опытом. Все, что можно было сделать, теперь делалось с помощью искусственного освещения, и когда выяснилось, что экзамены по новому предмету могут быть сданы и действительно сдаются многими мужчинами, уверенность начала зарождаться, и авторы были взяты для следующего испытания с меньшим уродством и гораздо большей терпимостью. Через некоторое время занятие набрало обороты и превратилось в реальность. Изменения сопровождались уникальными с образовательной и психологической точки зрения явлениями.

Любой проходящий по нашим коридорам и галереям мог стать свидетелем любопытного зрелища: студент-литератор читает при свете газового фонаря не привычный роман или легкую историю, а *пролог* "Кентерберийских рассказов", трагедию "Гамлет", "*Майский день*" Эмерсона или историю Евангелины; размышляя над увесистыми страницами Бэкона или пытаясь прочесть между строк "*Парацельса*" Браунинга; нередко под рукой оказывалась записная книжка, заполненная частными комментариями, составленными на случай предстоящего экзамена. На экзаменах, напомним, от ученика требовалось ответить на исторические вопросы и, что еще важнее, написать на скорую руку эссе или доклад на какую-то тему, более или менее обширную, вытекающую из текста его автора, - и эта тема выбиралась не им самим, а преподавателем в день экзамена. Если бы можно было представить себе умственный процесс "крутого" из трущоб мегаполиса, который, переходя из класса в класс нашей школы, вынужден впервые применить свои интеллектуальные способности для внимательного чтения эссе Маколея или поэмы Голдсмита, короче говоря, вступить на *terra incognita* хорошей литературы; И если бы можно было представить себе состояние этого же "крутого", когда после шести месяцев занятий с растущей восприимчивостью он читает *ради чистого удовольствия* историю Возрождения, ищет на страницах Данте иллюстрации к тексту Чосера, перерывает нашу справочную библиотеку в поисках образцов раннего английского языка, - если бы можно было это сделать, он бы в какой-то мере понял, что было сделано нашим классом по английской литературе. Наши студенты, конечно, не были полностью лишены интеллектуальной культуры с самого начала. Некоторые из них обладали ею в значительной степени. Все они прониклись чувством превосходства культуры благодаря трудам наших лекторов по науке, философии и истории.

Дискуссии на занятиях по практической морали пробудили в нас способность к аргументации и развили острое желание разбираться в этических вопросах. У всех нас был опыт чтения стандартных художественных произведений и даже полезных книг, но формальное изучение английского, часто староанглийского, автора, включающее экзамен, было чем-то совершенно новым. Прямое движение к чистой эстетской культуре было беспрецедентным для людей, которые обычно требовали, чтобы книги были забавными, помогали убить время в тюрьме. Первый эффект был, как уже отмечалось, обескураживающим. Английская литература не сразу "взялась". Но необходимость заставила ее взять, и неизбежная любовь к литературе, которая быстро возникла, сделала все остальное. Эссе и стихи читались снова и снова, и умы, до этого не знавшие культуры, насыщались питьевым золотом классики. В нас произошла смена чувств; отвращение сменилось удовлетворением, когда внутренняя красота мастеров пропитала наши умы; равнодушие уступило место рвению, и учеба стала восхитительной. Интерес, который поначалу был слабым, стал быстро расти. Среди первых благоприятных признаков - просьбы о предоставлении информации о жизни авторов, а также жадное чтение биографий и литературных заметок. Затем появилось желание прочитать другие произведения того или иного автора или получить разрешение провести еще месяц в более детальном изучении шедевра, уже поглощенного в черновик. Заметки неуклонно сыпались на меня, демонстрируя бесчисленными способами рост чувства, которое можно назвать не иначе как энтузиазмом. Это был настоящий *ренессанс* или рождение буквы. Подобно ученым эпохи Возрождения в Англии, наши студенты, вдохновленные простой любовью к учебе, искали культуру повсюду. Каждый доступный источник просвещения, каждый том классической английской литературы в нашей справочной библиотеке, переходя из рук в руки наших студентов, свидетельствовал об их энтузиазме. Книги, которые долгое время оставались невостребованными, вдруг стали очень популярными, а удовольствие от чтения распространилось не только на литературу, но и на другие направления - этику, экономику, социологию, историю, античную классику, естественные науки. Таким образом, в очень небольших масштабах, но не менее искренне, наше возрождение последовало за инстинктивным развитием, полностью аналогичным великому Ренессансу. По мере того как мы пишем, интерес не ослабевает, а скорее растет благодаря собственной огромной энергии движения. Новый дух пронизывает всю жизнь учреждения. В социальном общении наши воспитанники регулярно обсуждают книги и авторов; неформальные дебаты разнообразят занятия в столовой, а инструктор безвозмездно становится арбитром частых дискуссий о "новом обучении". Даже с неисправимыми и равнодушными людьми, не зараженными энтузиазмом, простое напряжение неумолимых требований доказало и продолжает доказывать свою ценность.

В отчете за 1888 год мистер З. Р. Броквей, генеральный суперинтендант, пишет о литературном обучении преступников: "После многолетнего опыта усилий, направленных на обучение преступников, мы пришли к следующему выводу.

После многолетнего опыта работы по обучению молодых преступников в качестве средства их перевоспитания я все больше убеждаюсь в его важности. Продвижение от неграмотности к хорошему образованию в обычной школе влечет за собой такие изменения и увеличение силы ума, что заключенный, при обстоятельствах, сходных с теми, при которых он совершил преступление, скорее всего, будет по-другому управлять своим поведением. Обладая большим умом, он инстинктивно видит последствия проступков более ясно, чем это было возможно для него раньше, и он, даже не желая сознательно следовать хорошему моральному поведению ради морали, будет более склонен следовать ему как пути мудрости. Как правило, глупо ожидать изменения характера без изменения ума; а без новых привычек,

которые являются результатом образовательной подготовки, нельзя с уверенностью предсказать какого-либо постоянного изменения ума. Если молодой человек переходит от привычки слепого повиновения своим инстинктам к привычному поведению, которое в большей или меньшей степени регулируется разумом, то это означает некоторое изменение характера, и обычно это изменение к лучшему. Общая библиотека, хотя и в умеренных пропорциях, вносит немалый вклад в такое развитие образования. Небольшая справочная библиотека в прошлом году была хорошо использована под давлением спроса, вызванного лекциями, за которыми следуют экзамены, влияющие на дату освобождения заключенного. Книги в этом отделе библиотеки в основном философского, механического, исторического и биографического характера, с несколькими поэтическими произведениями стандартных авторов. Расходная книга библиотекаря показывает, что из этих справочных книг в течение года по заявкам было выдано 7588 книг, помимо книг общей библиотеки, и еженедельного выпуска 400 журналов и периодических изданий. Вкус и привычка к чтению, которые многие приобрели во время пребывания здесь, как мы имеем основания полагать, остались с ними и дома после освобождения. Получены письма от родителей и друзей, в которых они выражают удивление и удовлетворение тем, что тот, кто до начала обучения здесь был беспокойным дома, спеша на улицу после дневной работы и вечерней трапезы, теперь, после возвращения из исправительного учреждения, спешит домой с работы, находя для себя и передавая другим счастье в книгах и спокойных домашних развлечениях.

В том же отчете мистер Марвин, преподаватель курса практической этики, пишет: "Я не знаю, что делать.

Характер занятий можно выразить примерно так: нравственная жизнь стала предметом изучения, как и богатство в политэкономии, но никаких строго теологических вопросов не поднималось. Были рассмотрены такие трудности мышления, как моральные различия, добрые и злые мотивы, конфликты совести, справедливость и целесообразность законов и правительств, которые обычно возникают, когда люди начинают серьезно размышлять о путях лучшей социальной жизни, а также многие практические вопросы, касающиеся самоконтроля, возвышения чувств и мыслей и роли мудрости в повседневных делах. Чтобы обеспечить нить, с помощью которой лекции можно было бы соединить в систематический цикл, они были брошены в виде обзоров взглядов различных мастеров в отделе этического знания, в свою очередь, на ведущую цель мудрого человека. Приводилось много цитат из этих авторов, так что помимо основной цели наставления давали человеку некоторую информацию исторического или полуфилософского характера.

Целью было не столько передать знание стереотипных фактов и идей, сколько стимулировать умы людей, чтобы они сами получили истинное представление о моральном устройстве мира, членами которого они являются, и сформировали истинные убеждения относительно своих отношений с ним. В связи с этим обе стороны спорных вопросов были отмечены, и по ним было принято решение. При выборе тем лекций из недели в неделю во главу угла ставились уже проявленные потребности и интерес. Свободное обсуждение всегда разрешалось, и в некоторых случаях было выгодно посвятить ему почти весь урок. Этот метод не только поддерживает интерес учеников, иногда даже вызывая его, но и позволяет преподавателю легче подвести их к желаемым выводам.

Интеллект класса, как мне кажется, в целом лучше всего сравнить с интеллектом продвинутого класса средней школы, некоторые, конечно, выше этого стандарта, другие - ниже. В целом, по сравнению с людьми аналогичного возраста в лучших классах за пределами школы, они кажутся скорее яркими и быстрыми, чем глубокими и внимательными учениками. Их замечания в классе часто вызывают аплодисменты или знаки неодобрения со

стороны их отзывчивых товарищей, а иногда затрагивают жилы более чистого металла и большей глубины. Не испытывая особой любви к книгам, они, кажется, естественно и успешно изучают человеческую природу. Как и следовало ожидать, они не проявляют особых размышлений над этическими вопросами - не так много, я думаю, сравнивая их с теми, кто находится в аналогичном возрасте за пределами школы, как над экономическими темами.

В какой степени была достигнута цель этого курса обучения, конечно, определить невозможно. Экзаменационные работы в целом, в сочетании с поведением людей в классе и в других местах тюрьмы, похоже, дают основания полагать, что значительная моральная неясность была устранена. Существует множество доказательств того, что лживость и лицемерие имеют меньшее отношение к ответам на экзаменах, чем можно было бы предположить, поскольку самые поверхностные и непримиримые взгляды выражаются там с почти беспредельной уверенностью в их истинности и отмечаются так же, как и более одобренные взгляды, когда вопрос требует мнения.

В отчете за 1889 год мистер Броквей пишет следующее о военной подготовке и физическом воспитании

Военная подготовка заключенных, начатая год назад, продолжается до сих пор, и достигнута хорошая степень совершенства. Десять рот составляют полк из 803 человек. Каждый день в первой половине дня проводятся занятия с безработными заключенными, а в среду и субботу после обеда - со всеми; каждый вечер в 4 часа - парад, а раз в месяц устраивается конкурсный экзамен, когда все роты соревнуются за набор значков, которые в течение месяца будут носить офицеры роты, победившей в конкурсе. Постепенно управление всем этим местом становится военным, в основном силами офицеров-срочников. Военная организация стала возможной и даже необходимой в результате прекращения работ в августе 1888 года, в соответствии с июльским законом того года; но она оказалась очень полезной во всех отношениях. Здоровье и поведение людей стали лучше, их привычный психический тонус улучшился, общие дисциплинарные трудности были уменьшены или почти устранены, и военное управление исправительным учреждением кажется теперь почти необходимым для удовлетворительного управления. Придерживаясь этой точки зрения, я, с разрешения руководства, назначил компетентного военного инструктора, мистера Клода Ф. Брайана, превратив таким образом то, что сначала было лишь экспериментом по военному обучению и управлению в тюрьме, в постоянный отдел обучения и отличительную черту ее дисциплинарного режима. Полк полностью укомплектован строевыми и ротными офицерами, имеется хороший духовой оркестр с барабанным корпусом, который ежедневно присутствует на параде. Под руководством полковника Брайана проводятся военные суды и еженедельные офицерские занятия по изучению тактики, и во всем строго соблюдается тактика Уптона.

Здание для научного физического лечения значительной части заключенных уже почти построено на средства, выделенные законодательным собранием 1888 года. Его размеры составляют 80 × 140 футов, над всем помещением возведена открытая ферменная крыша. Зал для упражнений имеет размеры 80 × 100 футов, на стенах подвешена галерея для пешеходных упражнений. Пространство 40 × 80 футов в восточной части отведено под ванны, горячие, теплые и погружные, а также комнаты для массажа и т.д. и т.п. Приобретена полная научная аппаратура, которая будет установлена примерно к первому декабря, когда, благодаря расширенным возможностям и улучшенным условиям, а также дополнительному опыту и обучению врача и инструктора, будет проведен интереснейший и, как полагают, ценный эксперимент, призванный продемонстрировать, какие возможные улучшения могут

быть достигнуты с дефективными и тупыми людьми, в их умственных и моральных привычках, благодаря улучшению физической ткани, достигнутому мудрым и тщательным физическим лечением.

Отпечатано Вальтером Скоттом, Феллинг, Ньюкасл-он-Тайн.

Сноски:

- [1] Sander and Richter, *Die Beziehungen zwischen Geistesstörung und Verbrechen*. См. также Lombroso, *L'Uomo Delinquente*, vol. ii., part 3, ch. 1, где приведены многочисленные факты и цифры, касающиеся преступного безумия.
- [2] Журнал психических наук, октябрь 1889 года. Этот случай можно сравнить со случаем Марии Кёстер, приведенным в Приложении D, vi.
- [3] Dr. H. Sutherland, *West Riding Asylum Reports*, vol. vi.
- [4] Цитируется по Despine, *Psychologie Naturelle*.
- [5] Приложение д-ра Пауля Линдау к немецкому переводу Lombroso, *Der Verbrecher*.
- [6] См. введение В. К. Хэзлитта к "Очеркам и критике" Уэйнрайта, 1880.
- [7] Ломброзо и некоторые другие авторитеты предпочитают термин "прирожденный преступник" или "врожденный преступник" (*reo-nato*). Термин "инстинктивный преступник" кажется более безопасным, поскольку не всегда можно оценить врожденный элемент.
- [8] *Scenes from a Silent World*. By a Prison Visitor. 1889.
- [9] H. Joly, *Le Crime*, 1888, p. 269.
- [10] Тот, кто хочет изучить современного профессионального преступника и его методы, должен обратиться к книге инспектора Бирнса "Профессиональные преступники Америки". Это не научная работа, в ней нет ссылок на антропологические методы, но она содержит очень большую и ценную серию фотографий современных известных преступников с очерком карьеры каждого из них.
- [11] Классификация преступников, принятая в этой главе, в значительной степени соответствует классификации профессора Энрико Ферри, признанной им как

предварительная. Она также, как мне кажется, почти идентична классификации доктора Колаянни.

[12] Сенека также выступал за удаление без возмездия вредных членов социального организма: "At corrigi nequeunt, nihilque in illis lene aut spei bona capax est? - Tollantur e coetu mortalium facturi pejora quæ contingunt et quo uno modo possunt, desinant esse mali; sed hoc sine odio. Nam quis membra sua tunc odit cum abscidit? Non est illa ira, sed misera curatio. Rabidos effigimus canes, et trucem atque immansuetum bovem occidimus, et morbidibus pecoribus, ne gregem polluant, ferrum dimittimus. Nec ira sed ratio est, a sanis inutilia secernere."-De *Ira*, lib. i., cap. 15.

[13] Этим термином сейчас принято обозначать науку о преступниках. Однако он вызывает возражения. Было предложено название "криминальная психология", но оно несколько узко. Профессор Лист предложил "криминальную биологию", а Топинард на последнем Международном конгрессе по криминальной антропологии предложил "криминологию". Однако "криминальная антропология" настолько широко используется, что я не рискнул предложить ей какую-либо замену. Читатель должен помнить, что криминальная антропология, хотя и связана с общей антропологией, не является просто отраслью этой науки.

[14] Краткое изложение его работы см. в Приложении В.

[15] См. Приложение С.

[16] Стоит отметить, как замечает Ломброзо, что первым исследователем преступника в Англии по современной научной линии стал священнослужитель - преподобный У. Д. Моррисон. См. его "Размышления о теории преступности" в *Journal of Mental Science*, апрель 1889 г.

[17] Это и большинство других мнений профессора Бенедикта, процитированных в данном разделе, взяты из книги "*Краниометрия и кефалометрия*", Вена, 1889.

[18] Эволюционная тенденция черепа среди высших позвоночных, по-видимому, направлена от асимметричного к симметричному, в то время как тенденция мозга - от симметричного к асимметричному. См. М. О. Fraenkel: "Etwas über Schädel-Asymmetrie und Stirnnaht," *Neurologisches Centralblatt*, August 1, 1888.

[19] *Archivio di Psichiatria*. 1888. Fasc. VI.

[20] Восхитительное изложение современного состояния вопроса см. в статье профессора Фаллота из Марселя "Le Cerveau des Criminels" в *Archives de l'Anthropologie Criminelle*, 15 мая 1889 года. У Ломброзо этот вопрос рассматривается крайне кратко и не всегда точно.

[21] "Лекции по физиогномической диагностике болезней". *Medical Times*, 1862.

[22] "Contributions à l'Étude de quelques Variétés Morphologiques de l'Oreille Humaine." *Revue d'Anthropologie*, 15 апреля, 1886.

[23] Д-р Ф. Уорнер, "Форма уха как признак дефектного развития". *Lancet*, 15th Feb. 1890.

[24] Швальбе, который выделяет пять основных форм дарвиновского бугорка, считает его нормальным и полагает, что при небольшой практике он может быть обнаружен почти во

всех ушах. Возможно, так оно и есть, но в своей ярко выраженной форме его вряд ли можно назвать нормальным.

[25] См. его статью "Lo Scheletro e la forma del naso nei criminali, nei pazzi, negli epilettici e nei cretini" в *Archivio di Psichiatria* за 1888 год. Fasc. I.- Профессор Хегер в своем сообщении в Брюссельском антропологическом обществе отмечает, что он может подтвердить многие выводы доктора Оттоленги относительно носового отверстия в черепе, изучив черепа бельгийских убийц.

[26] Почти так же хорошо заметна тенденция к светлым волосам среди итальянских сексуальных преступников - что, возможно, является вопросом расы - как и преобладание голубых глаз. Оттоленги, который считает это одним из наиболее постоянных признаков этого класса, приводит следующие данные

	Голубые.		Коричневый.		Зеленоватый.	
Нормальные люди	29.04	процентов.	63.91	процентов.	7.05	процентов.
Преступники	35.80	"	59.50	"	4.70	"
Сексуальные преступники	49.60	"	45.76	"	4.64	"

Бихроматизм (неравномерное окрашивание) радужной оболочки глаза также встречается с необычной частотой у этой категории преступников.

[27] Ottolenghi, "La canizie, la calvizie e le rughe nei criminali." *Archivio di Psichiatria*, 1889, Fasc. I.

[28] Хирург тюрьмы Лидса в своих ответах на мои вопросы высказывает мнение, что рыжеволосые "относительно более распространены" среди заключенных, чем среди обычного населения. Это мнение не имеет самостоятельного значения и не подкреплено никакими цифрами".

[29] "Des Anomalies des organes génitaux chez les idiots et les épileptiques." *Progrès Medical*, No. 7, 1888.

[30] Ottolenghi, "Nuove Ricerche sui rei contro il buon costume." *Archivio di Psichiatria*, 1888. Fasc. VI.

[31] Ottolenghi, "Il Ricambio Materiale nei Delinquenti-nati." *Archivio di Psichiatria*, 1886. Fasc. IV.

[32] *American Medico-Legal Journal*, June 1888.

[33] *The Jukes: A Study in Crime, Pauperism, Disease, and Heredity*. By R. L. Dugdale. Putnam's, New York, 1877. Можно также отметить, что когда континентальные писатели упоминают семью "Юк" или "Юк", они имеют в виду "Джуков".

[34] Стоимость, по самым скромным подсчетам, составляет 47 000 долларов для одной семьи в течение 75 лет. Общие расходы Дагдейл оценивает в миллион с четвертью долларов за этот период, не принимая во внимание последствия нищенства и преступности для последующих поколений. Наследственная слепота одного человека стоила городу 23 лет помощи на дому для двух человек и городских похорон.

[35] Для сравнения с некриминальным населением можно упомянуть, что среди 2739 солдат итальянской пехоты Бароффио нашел только 41 татуированного, то есть 1,50 процента.

[36] Эта причина, несомненно, играет главную роль в поддержании практики татуировки среди богатых и обеспеченных людей. Лондонский профессор этого искусства на вопрос

представителя "Пэлл-Мэлл Газетт", к какому классу общества принадлежат его клиенты, ответил следующее: "В основном это офицеры армии, но есть и гражданские лица. Я сделал татуировки многим аристократам, а также нескольким дамам. Последние приходят в основном за орнаментом на запястье или икре, или делают подвязку чуть ниже колена". "На какой части тела татуируется большинство ваших клиентов?" "В основном на груди или на руке; но некоторые почти полностью покрыты, узоры наносятся также на ноги и спину. Они не стремятся наносить узоры там, где их можно увидеть в повседневной жизни".

[37] "Среди женщин дикарей (за исключением кабылов и арабов) этот обычай, - замечает Ломброзо, - встречается очень редко. Он почти никогда не выходит за пределы рук или щек. Тем более нельзя сказать, что он принят честными женщинами Европы, даже самого бедного класса, за исключением некоторых редких долин Венеции, где крестьянки рисуют крест на руках". Парент-Дюшатель обнаружил, что проститутки самого низкого сословия татуируют свои руки, плечи, подмышки или лобок инициалами или именем своего любовника, если он молод, или своего трибада, если стар, меняя эти знаки даже тридцать раз (с помощью уксусной кислоты), в зависимости от того, как меняются их капризы. Среди проституток Вероны, как я узнал от одного полицейского чиновника, были отмечены некоторые случаи татуировки (сердечки, инициалы и т. д.), но только среди тех, кто уже сидел в тюрьме".

[38] "Il tatuaggio nel Manicomio d' Ancona," *Cronaca del Manicomio d' Ancona*, Nov. 1888.

[39] *West Riding Asylum Reports*, vol. vi.

[40] "Il Mancinismo anatomico nei criminali," *Archivio di Psichiatria*, 1889. Fasc. VI.

[41] На Таити и Вити половые органы иногда татуировались. Среди 142 татуированных преступников Ломброзо обнаружил 5 с рисунками на пенисе; очень обширные исследования Лакассаня показывают меньшую пропорцию (11 из 1 333).

[42] Зависимость неуязвимости от нечувствительности хорошо показана в эксперименте Дельбофа: он нанес две одинаковые и симметричные раны на правом и левом плечах загипнотизированного субъекта и внушил нечувствительность правой стороне. Эта сторона заживала гораздо быстрее".

[43] *Journal Anthropological Institute*, Nov. 1889.

[44] *Bulletin de la Société d'Anthropologie* of Brussels, 1885.

[45] "L'occhio dei delinquenti", *Archivio di Psichiatria*, 1886. Fasc. VI.

[46] Charles Oliver, "The Eye of the Adult Imbecile." *Transactions of the American Ophthalmological Society*, 1887.

[47] *Archivio di Psichiatria*, Fasc. III.-IV., 1889.

[48] Для сравнения Градениго приводит результаты обследования 69 мужчин и женщин, принадлежащих к обычному населению, в основном к низшему классу. Из них 44,6 процента мужчин и 22 процента женщин показали снижение слуха".

[49] "L'Olfatto nei Criminali," *Archivio di Psichiatria*, 1888. Fasc. V.

[50] *Archivio di Psichiatria*, 1889, Fasc. III.-IV.

[51] *Studio sul tabacco nei pazzi e nei criminali*.

[52] *Revue Scientifique*, 1889.

[53] См. собственный рассказ Моссо о плетизмографе в его привлекательно написанной монографии, *La Peur*, гл. V.

[54] *Физическая и интеллектуальная подготовка преступников*, с. 53.

[55] *Leaves from a Prison Diary*, p. 119.

[56] *Archivio di Psichiatria*, 1889, Fasc. III.-IV.

[57] Многочисленные примеры моральной невосприимчивости преступников можно найти в книге д-ра Корре "*Преступники*" (1889), с. 157 и далее.

[58] Kitts' *Serious Crime in an Indian Province*, 1889, pp. 14, 15.

[59] "The Maoris of New Zealand." *Journal Anthropological Institute*, Nov. 1889.

[60] "Cesare Lombroso's Werk in seinem Verhältniss für Gegenwart und Zukunft der gerichtlichen Psychopathologie." *Friedreich's Blatter*, Nürnberg, 1888.

[61] *История преступлений в Англии*, т. ii. стр. 255 и далее.

[62] *Библия в Испании*, гл. xl.

[63] *In Russian and French Prisons*, pp. 335, 336. См. также книгу г-на Дэвитта. Салиллас дает яркое представление о том, до какой степени сексуальные извращения царят в испанских тюрьмах, особенно в женских. Начальник одной из тюрем недавно использовал все свое влияние, чтобы положить конец такому положению вещей. Женщины заставили его уйти в отставку".

[64] *Воспоминания о мертвом доме*, гл. v.

[65] H. Mayhew, *Criminal Prisons of London*, 1862, p. 188.

[66] Отчет британского специального комиссара, 1887.

[67] Kitts, *Serious Crime in an Indian Province*, p. 83.

[68] "La Criminalita nella provincia di Napoli." *L'Anomalo*, Feb. 1889.

[69] *Jottings from Jail*, pp. 2-4.

[70] *Leaves from a Prison Diary*, p. 108.

[71] Lombroso, "Palimsesti del Carcere", in *Archivio di Psichiatria* during 1888-89; Horsley, *Jottings from Jail*, pp. 20-23; Davitt, *Leaves from a Prison Diary*, pp. 104-115.

[72] См. например, недавнюю работу доктора Обри "*La Contagion du Meutre*", pp. 68-91, и некоторые замечания мистера Дэвитта, "*Тюремный дневник*", p. 85.

[73] *Essays and Criticisms*. Дж. Г. Уэйнрайт. Впервые собраны, с некоторыми сведениями об авторе, У. К. Хэзлиттом. London: Reeves & Turner, 1880.

[74]

"Я Франсуа, и это меня успокаивает,
Назван Корбуэлем по фамилии,

уроженец Овера и Понтуаза,
И в коммуне по имени Вийон.
Or d'une corde d'une toise
Sauroit mon col que mon cul poise,
Se ne fut un joli appel.
Le jeu ne me sembloit point bel."

[75] *Parallèlement*, 1889.

[76] *History of Crime in England*, 1876, 2nd series, p. 509.

[77] *La Criminalité Comparée*, 1886, p. 27.

[78] Так, например, сквамозно-фронтальное сочленение встречается менее чем в 2 процентах европейских черепов, в то время как у негров оно встречается в 20 процентах (Эккер), а у австралийцев - в 16,9 процентах. австралийских черепов (Вирхов). Опять же, сфено-птеригоидный форамен встречается в 4,8 %. Европейских черепов и в 20 процентах. американских индейцев, 30 процентов. африканцев, 32%. азиатов, и 50 процентов. австралийцев. Также червеобразные кости чаще встречаются у низших рас.

[79] Замечательным примером этого симулированного атавизма является единообразие, с которым (согласно Лакассаню, *Archives de l'Anthropologie Criminelle*, 1886) изнасилования совершаются методами, распространенными среди низших рас и даже животных. Это не атавизм, просто преступник, будучи человеком примитивной организации, естественно, проявляет жестокость и беспечность, присущие низшей расе".

[80] Можно отметить, что Росси обнаружил такую же быстроту в злоупотреблении алкоголем в виде вина - т.е. 11 в детстве, не зная точного возраста; 2 в пять лет, 3 в восемь, 1 в девять, 6 в десять и так далее. А сексуальная расторопность была еще более заметной.

[81] E. J. Kitts, *Serious Crime in an Indian Province*, 1889, pp. 8, 85.

[82] Мистер Хорсли составил на основе судебной статистики следующую таблицу лиц, совершавших преступления более десяти раз, с указанием соотношения к общему числу повторных приговоров:...

Год.	Мужчина.	Женщина.	Мужчина.	Женщина.
1879	3706	5673	8.3	22.4
1880	3691	5800	8.3	23.6
1881	3618	6773	8.2	27.3
1882	4148	7496	8.8	27.4
1883	4391	8946	8.9	29.3
1884	4734	9316	9.4	30.2
1885	5188	9451	10.0	31.6
1886	5074	8981	10.1	33.2
1887	5686	9764	11.1	34.2

[83] В то время как материнство оказывает такое благотворное влияние, преждевременные и случайные сексуальные связи оказывают столь же серьезное влияние в противоположном направлении. Это ясно видно из ценных подробностей, приведенных Марро.

[84] *La Criminalité Comparée*, 1886, pp. 51-53.

[85] "Criminologie", *Revue d'Anthropologie*, Sept. 1888.

[86] "L'Anthropologie Criminelle", *Revue d'Anthropologie*, 1887.

[87] *Loc. cit.*, p. 686.

[88] Все накопленные к настоящему времени доказательства связи между преступностью и эпилепсией будут подробно изложены во втором томе большого труда Ломброзо "Преступник" (1889). Но делать какие-либо определенные выводы было бы преждевременно.

[89] См. книги "Идиотизм" Ирланда и "Психические расстройства детства и юности" Лэнгдона Дауна. Последняя содержит много ценных фактов и предложений в этой связи.

[90] *In Russian and French Prisons*, p. 359.

[91] *Leaves from a Prison Diary*. Лекция I.

[92] Здесь и в следующих строках я цитирую мистера Чарльза Кука из Гайд-Парк-холла в Лондоне, которого мистер Сперджен назвал "Говардом современности". Мистер Кук заслуживает всяческих почестей за свои посещения (в основном с религиозной целью) некоторых из самых страшных тюрем мира - посещения, за которые он поплатился старым наказанием "тюремной лихорадкой". Что касается Сеуты, то я должен добавить, что впечатления мистера Кука не вполне подтверждаются компетентными испанскими тюремными реформаторами. Сеута, возникшая в XVII веке, - это своего рода криминальный Геель, главной особенностью которого является тесная связь между свободным и осужденным населением. Это, как отмечает Салиллас, из чьей книги "Уголовная жизнь в Испании" я взял следующие замечания о ней, город каторжников. Здесь нет строгой изоляции, как в других тюрьмах полуострова или Балеарских островов; это не посторонний очаг моральной заразы, как в Сарагоссе или Вальядолиде; не просто экономическое дополнение, как в Алкале и некоторых других; короче говоря, это центр бездействия или искусственной жизни. Каторжники являются неотъемлемой частью населения, участвуют в экономическом, социальном, городском, военном, административном, промышленном и сельскохозяйственном устройстве его жизни и выполняют самые разнообразные функции. Они добывают и перевозят материалы для строительства укреплений и зданий, прокладывают и ремонтируют дороги, возводят форты и дома, занимаются лесозаготовками и железообработкой, возделывают поля. Они художники, фотографы, сапожники, портные, слуги, выполняющие конфиденциальные домашние обязанности; они клерки, даже профессора, читающие лекции по искусству, наукам и философии. Между свободными и осужденными, говорит Салиллас, существует не просто близость, а своего рода органическая зависимость. Осужденные беспрепятственно входят в дома; никто не смотрит на них с опаской и не боится с ними встречаться. Кто кучер, который ведет машину? Каторжник. Кто прислуживает за столом? Каторжник. А повар, который готовит еду? Каторжник. А кто заботится о детях? Каторжник. И все главные семьи, имеющие слуг, принадлежащих к тюрьме, не боятся ли они грабежа, изнасилования, убийства, отравления? Нет. Этот обычай, основанный на необходимости, имеет свою заслугу в опыте. Очевидец Хуан Релосильяс ("*Catorca Meses en Ceuta*", 1886) говорит: "Все называют их 'хорошими заключенными'; они таковы, верны, трезвы, трудолюбивы, уважительны и умны".

[93] О беспристрастном мавританском методе отправления правосудия можно судить по следующему примеру, приведенному г-ном Куком. Один могадорский еврей недавно привел

другого к своему губернатору, чтобы взыскать сумму, равную примерно 6¼ д. Обоих бросили в тюрьму, из которой их выпустили, когда они заплатили следующий небольшой вексель: "Я не знаю, что делать."

	s.	d.
Губернатору, истцу, одна буханка сахара	2	0
"ответчик, ""	2	0
"двух полицейских, которые доставили их в тюрьму	0	9½
"выпустили их из тюрьмы	0	9½
"тюремщик	0	4¼
""за пользование тюремным туалетом	0	4¼
	6	3½

Часто случается, что заключенный не может оплатить свой счет и вынужден оставаться в тюрьме.

[94] *Jottings from Jail* (1887), pp. 186, 190. Судья Виллерт (*Das Postulat der Abschaffung des Straffmasses mit der dagegen Erhobenen Einwendung*), как цитирует Гарофало, использует ту же самую аналогию, чтобы показать абсурдность этой системы.

[95] *Leaves from a Prison Diary*, pp. 173, 174.

[96] *В русских и французских тюрьмах* (1887), стр. 263-283.

[97] "Le Monde des Prisons", *Archives de l'Anthropologie Criminelle*, 1888.

[98] *Sketches from Shady Places*, by Thor. Fredur (1879), pp. 206-7.

[99] *Enquête Parlementaire*, tome v., pp. 345, 381, 542, цитируется Joly.

[100] Adolphe Prins, *Criminalité et Répression*, 1885.

[101] *Le Criminologie* (1888), p. 220.

[102]

"Cu dici male di la Vicaria
Cei farrissi la faccia feddi-feddi.
Cu dici cà la carcere castia
Comu v' ingannati, puvireddi!"

[103]

"Qua sol trovi i fratelli e qua gli amici,
Danari, ben mangiare e allegra pace;
Fuori sei sempre in mezzo ai tuoi nemici;
Se non puoi lavorai muori di fame."

[104] *Американские тюрьмы*, написанная преподобным Ф. Х. Уайнсом, умелым секретарем Национальной тюремной ассоциации. В этой небольшой брошюре собрано огромное количество ценной информации. Мистер Уайнс попытался выяснить, имеют ли различия в обычной продолжительности срока заключения в разных штатах какую-либо связь с количеством преступлений в этом штате. Ему не удалось обнаружить никакой связи. "По всей

видимости, продолжительность тюремных сроков, назначаемых судом, не влияет ни на рост, ни на снижение преступности". Если это так, то возникает, как он замечает, вопрос: "Какой полезной цели служат наши тюрьмы?"

[105] "Замечания о преступлении и преступниках", *Журнал психических наук*, июль 1888 г.

[106] Нет необходимости рассматривать здесь связь одиночного заключения с безумием. Этот вопрос до сих пор остается несколько спорным. Сложность заключается в том, что заключенный часто уже предрасположен к сумасшествию. Все зависит от того, как будет осуществляться изоляция. Нет сомнений в том, что содержание в камере, если оно достаточно длительное, приводит к безумию. Существует очень обширная литература, посвященная этому вопросу.

[107] H. D. Wey, *Physical and Industrial Training of Criminals*, p. 55, New York, 1888.

[108] См. "Физическая и производственная подготовка преступников" д-ра Вэя, ценный небольшой труд, в котором все подробности этого и подобных опытов изложены тщательно и полно.

[109] Похоже, что музыке в тюрьмах не уделяется достаточного внимания. Она оказывает цивилизирующее влияние, к которому преступник зачастую очень чувствителен. Способный администратор тюрьмы для каторжников в Тулоне давно понял это и добился счастливых результатов.

[110] Дополнительную информацию об Эльмире см. в Приложении Е.

[111] Возможно, стоит отметить, что очень умная и эклектичная администрация Японии приняла очень похожую систему, описанную в интересном письме мистера Х. Нормана, разъездного комиссара "*Pall Mall Gazette*", под заголовком "Идеальная тюрьма" (*Pall Mall Gazette*, 18 октября 1888 г.): - "За два дня до этого я посетил дом самого известного в Японии мастера изысканной *перегородчатой* посуды - эмали, инкрустированной металлом по меди - который соперничает в вечных материалах с кистью Тернера с его пигментами и карандашом Альмы Тадемы с его полосками металла. И я целый час стоял за ним и его учениками, удивляясь тому, что человеческий глаз может стать таким точным, человеческая рука - такой твердой, а человеческое сердце - таким терпеливым. И все же я даю слово, что здесь, в тюрьме Исикава, сидело не шесть, а шестьдесят человек, обычных воров, грабителей и нарушителей спокойствия, которые до вынесения приговора знали о *перегородчатой эмали* не больше, чем индус знает о коньках, и занимались тем же самым - вырезали на глаз крошечные полоски меди для создания контура клюва птицы, тени ее крыла или сочленения пальца ноги, наклеивал их на округлую поверхность медной вазы, заполнял промежутки пигментом, слой за слоем, и обжигал, и обрабатывал, и полировал, пока готовая работа не становилась такой правдивой, такой тонкой и такой красивой, что ничто, кроме иногда большего достоинства и широты замысла, не отличало искусство вольного человека от искусства каторжника. *C'était à ne pas y croire* - просто стоял и не верил своим глазам. Представьте себе попытку научить такому в Пентонвилле, Дартмуре или Синг-Синге! Когда наш преступник попадает в свою тюрьму в Токио, его учат делать то, в чем предел его природных способностей достигнут. Если он умеет делать *перегородчатые узоры* - хорошо, если нет - возможно, он умеет резать по дереву или делать керамику; если нет - тогда он может делать веера, зонтики или плести корзины; если он не в состоянии сделать ничего из этого, тогда он может делать бумагу, печатать шрифты, лить латунь или заниматься плотничеством; если предел все еще слишком высок для него, он идет на рисовую мельницу и целый день качается на сбалансированной балке, сначала поднимая утяжеленный камнем

конец, а затем опуская его с большим грохотом в ступку с рисом. Но если он не может регулярно выполнять даже эту скучную задачу, ему дают молоток и оставляют разбивать камни под навесом вместе с двадцатью девятью другими мужчинами из 2000, которые не смогли научиться ничему другому". А по поводу наказания мистер Норман замечает: "Выйдя из дортуаров, мы прошли мимо небольшого изолированного квадратного здания, похожего на маленький храм с клювом и фронтоном. Дверь была торжественно отперта и откинута, и мне предложили войти. Это был карцер - еще одна безупречная деревянная коробка, хорошо проветриваемая, но совершенно темная, с такими толстыми стенами, что в ней было практически тихо. Сколько заключенных находилось в нем за последний месяц? спросил я. Директор вызвал старшего надзирателя и повторил ему мой вопрос. *"H'tori mo gozaimasan - ni одного"*, - был ответ. "Какие еще у вас были наказания?" - "Никаких". "Никакой порки? Когда этот вопрос был переведен, директор и небольшая группа чиновников дружно рассмеялись над этой простой идеей. Я не мог не задаться вопросом, есть ли в мире еще одна тюрьма, где для 2000 преступников не предусмотрено никаких наказаний, кроме одной темной камеры, да и та не используется уже месяц. А воспоминания о грязной и удушливой камере, используемой в качестве карцера в городской тюрьме Сан-Франциско, нахлынули на меня, как тошнота".

[112] Wuttke, *Der deutsche Volksaberglaube der Gegenwart*, § 188 и далее; и Ulrich Jahn, "Ueber den Zauber mit Menschenblut und anderen Theilen des Menschlichen Körpers," in *Zeitschrift für Ethnologie*, 1888, Heft ii., p. 130.

[113] Народное возбуждение, вызванное "Джеком Потрошителем" и наследным принцем Рудольфом Австрийским, можно особо упомянуть как породившее большое количество преступлений. Однако это далеко не единичные примеры.

[114] За рубежом все обстоит иначе. Некоторые из тех, кто наиболее убежденно стремится превознести научные и медико-юридические элементы в научной процедуре, являются юристами; в то время как медики не проявляют желания чрезмерно вторгаться в юридические аспекты. Это очень четко проявилось на последнем Международном конгрессе по криминальной антропологии.

[115] "Ответственность и болезнь", *"Ланцет"*, 28 июля 1888 года.

[116] В Новом Южном Уэльсе, Тасмании и Западной Австралии - колониях, в которые были перевезены преступники, - преступность выше, чем в других австралийских колониях. Эта наследственная преступность могла бы увеличить сумму британской преступности".

[117] Так, доктор Карриэль в недавнем отчете Центральной больницы для душевнобольных штата Иллинойс показывает, что, хотя только 19 процентов населения составляют иностранцы, 41 процент сумасшествия приходится на иностранцев.

[118] *Pall Mall Gazette*, 4th Nov. 1889.

[119] Macé, *La Service de la Sûreté à Paris*.

[120] В Баварии, например, было показано, что каждое повышение цены на кукурузу на шесть крейцеров означало увеличение числа краж на 100 000 жителей.

[121] *Criminalité et Repression*, p. 17.